

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ»

На правах рукописи

Кукленко Оксана Михайловна

**Положение женщин духовного сословия в российском обществе во
второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Северного Кавказа)**

5.6.1 Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент
Немашкалов Павел Григорьевич

Ставрополь – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Социально-правовой статус женщин духовного сословия	39
1.1. Особенности государственной политики в отношении духовного сословия и правовые основы социального статуса духовенства.....	39
1.2. Регламентация семейно-брачных отношений и формирование корпоративной среды духовенства.....	60
Глава II. Особенности жизни женщин приходского духовенства Ставропольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.	81
2.1. Органы епархиального управления в жизни семей священно- и церковнослужителей.....	81
2.2. Традиции обучения и воспитания девушек духовного сословия.....	101
Глава III. Женские монастыри Северного Кавказа: вопросы организации и деятельности	121
3.1. Специфика организации и статуса женских монастырей региона.....	121
3.2. Вклад женских обителей в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	175
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	181
ПРИЛОЖЕНИЕ	209

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется научными и социальными запросами современного общества в контексте сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. В настоящее время, на фоне деструктивного воздействия западной культуры, большой интерес вызывает история семьи в российском обществе, позволяющая с новых позиций оценить возможности разрешения сложившейся кризисной ситуации. Обращение к представительницам духовенства обусловлено тем, что в поликонфессиональном регионе, каким являлся и Северный Кавказ, в среде славянского населения были сильны позиции раскола и сектантства, исходя из чего проблемы семей духовенства были острее относительно других территорий империи. Сложившееся положение обусловило необходимость специального анализа их правового и социального статуса в российском обществе во второй половине XIX – начале XX вв.

Многие исследователи касались поднимаемой проблемы, но лишь поверхностно и в контексте сопутствующих проводимых исследований. Достаточно много работ написано в отечественной истории, рассматривающих женщину из дворянского, купеческого и даже крестьянского сословий, но мало тех, которые посвящены представительницам духовного. Однако, именно представительницы духовенства, чаще других сословий, толкаемые обстоятельствами своей жизни, становились носительницами и проводниками традиционных духовно-нравственных ценностей. Многие из них стали активными участницами в образовательной и благотворительной деятельности, что заслуживает отдельного внимания современной исторической науки.

Северный Кавказ – уникальный регион Российской империи, где взаимодействие различных этносов и религиозных групп оказывало особое влияние на формирование социальной структуры общества. Кроме того,

многие процессы, происходящие в регионе, были обусловлены особенностями исторического развития самого Северного Кавказа. В анализируемый период регион оставался краеугольным камнем геополитики соседних государств и колониальных империй, которые не оставляли идей религиозной экспансии, в условиях которой миссионерская функция духовенства становилась определяющей формой деятельности и жизни. Представленное исследование через обращение к женщинам духовного сословия показывает, как эти процессы проявлялись в конкретных исторических условиях. Представительницы духовенства оказывались не только хранительницами традиций внутри семей и прихода, но и активными участницами процессов культурной интеграции. Через систему образования, благотворительную и подвижническую деятельность, монастырское служение, они участвовали в жизни общества и способствовали инкорпорации местного населения в общероссийское социокультурное пространство.

Объектом исследования является положение женщин духовного сословия в российском обществе во второй половине XIX – начале XX вв.

Предметом исследования выступает государственная и церковная политика в отношении женщины духовного сословия, определяющая их положение в обществе на примере северокавказского региона во второй половине XIX – начале XX вв.

Степень изученности проблемы. Историография данной темы достаточно обширна. При написании работы удалось привлечь довольно широкий круг работ, которые по проблемно-хронологическому принципу можно разделить на три периода. К *первой группе* стоит отнести работы авторов дореволюционного периода. В свою очередь данный период следует разделить на несколько групп.

В первую очередь, необходимо выделить группу трудов, посвященных истории Русской Православной церкви (далее – РПЦ) в целом, формирующиеся как самостоятельное направление церковной и светской

науки. Среди наиболее значимых работ этого направления можно выделить труд И. Преображенского, в котором представлены обобщенные статистические данные, полученные из отчетов обер-прокуроров Святейшего Синода (далее – Синод) и документов центральных церковных учреждений¹.

Фундаментальный вклад в развитие церковной историографии внес А.П. Доброклонский, который одним из первых предпринял попытку научного осмысления жизни приходского духовенства. В своем труде им уделено внимание социальному положению вдов и сирот духовного звания, опираясь на документы духовных консисторий и епархиальных попечительств, он заложил основы аналитического подхода в изучении приходского духовенства².

К числу авторов, поднимавших вопросы семейно-брачных отношений в духовной среде, относятся И. Беллюстин³ и Д.И. Ростиславов⁴. Первый критиковал практику наследования приходов по женской линии через брак, указывая на ее морально-нравственные противоречия, а второй – резко осуждал обычаи, приравнивая их к нарушению святости брака.

С конца XIX века среди исследователей начал вызывать интерес вопрос о качестве образования девушек духовного сословия. Возникали описательные работы, посвященные истории отдельных училищ, среди которых можно выделить труды А.В. Кириллова об Архангельском епархиальном женском училище⁵, Г. Преображенского о Ярославском

¹ Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 годы. Санкт-Петербург: Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России, 1901. 236 с.

² Руководство по истории русской церкви / сост. А.П. Доброклонский. Москва: Крутицкое патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 2001. 936 с.

³ Беллюстин И.С. Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin, Paris. London: A. Franck; A. Asher et Co. 1858. 168 с.

⁴ Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т. Ч. 1. Лейпциг: Франц Вагнер, 1866. 602 с.

⁵ Кириллов А.В. Архангельское епархиальное женское училище (1863-1893). Архангельск: Архан. губ. тип., 1893. 15 с.

училище⁶, С.В. Сперанского о Московском училище⁷. Хотя эти труды не отличались глубоким научным анализом, но они поднимали проблему несоответствия церковного образования растущим требованиям времени, подчеркивая необходимость расширения учебных программ.

Особое место занимает монография А. Кузнецова «Епархиальные женские училища», приуроченная к 40-летию Устава епархиальных женских училищ 1868 года. Проанализировав нормативно-правовые акты, принятые Синодом, а также Устав училищ, автор рассмотрел генезис системы епархиальных училищ, законодательные основы их деятельности, цели и задачи. В своей работе он сделал вывод, что не Устав стал причиной возникновения и развития училищ на территории Российской империи, а наоборот, создание и развитие училищ стало причиной утверждения Устава⁸.

Если епархиальные женские училища отражали особенности системы образования девушек духовного сословия, то неотъемлемой частью женской религиозной среды оставались и монастыри. Именно их история и описание становятся предметом специальных исследований с начала XIX века. Уже тогда была издана первая «История Российской иерархии» Амвросием, в которой содержалась информация о существующих в империи монастырях.⁹ Впоследствии данное направление, создание справочно-описательной литературы, продолжилось рядом других исследователей данного направления.

⁶ Преображенский Г.Н. Исторический очерк Ярославского женского училища Духовного ведомства: Ко дню пятидесятилет. юбилея этого уч-ща. (1846-1896 г.). Ярославль, 1896. 252 с.

⁷ Сперанский С.В. Московское Филаретовское епархиальное женское училище: Ист. излож. его судьбы в пятидесятилет. период 1832-1882 гг. Москва: тип. быв. А.В. Кудрявцевой, 1883. 199 с.

⁸ Кузнецов А. Епархиальные женские училища // Церковные ведомости. Прибавления. 1909. № 3-8.

⁹ Орнатский А.А. История российской иерархии. М.: Синодальная типография, 1807. 658 с.

Наибольшую известность получила книга П.М. Строева, в которой он собрал и систематизировал информацию о главах монастырей.¹⁰ Во второй половине XIX века появляются первые авторы, которые пытаются систематизировать информацию о действующих монастырях. Огромную работу в этом направлении проделал В.В. Зверинский, который написал трехтомник «Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи», в котором представил классификацию, географию расположения и состояние монастырей¹¹. Эта работа уникальна, поскольку в ней был впервые представлен справочный материал по женским монастырям, касающийся их статуса в числе других обитателей.

Изучением экономической и социальной истории монастырей в дореволюционный период занимались М.И. Горчаков¹², П.М. Строев¹³, но особо выделяют А.А. Завьялова, который провел большое исследование и проанализировал подготовку секуляризационной реформы при Екатерине II, которая имела серьезные последствия для монастырей и их обитателей¹⁴.

Анализом законодательства в отношении монастырей в этот период занимался В. Ивановский, написавший книгу «Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (опыт историко-канонического исследования)». Эта

¹⁰ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Санкт-Петербург: Археограф. комис., 1877. 1064 с.

¹¹ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Ч. 3. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1897. 259 с.; Зверинский М.М. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. 294 с.; Зверинский М.М. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Ч. 2. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1892. 462 с.

¹² Горчаков М.И. Монастырский приказ. (1649-1725 г.): Опыт ист.-юрид. исслед. Санкт-Петербург: тип. А. Траншеля, 1868. 159 с.

¹³ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Санкт-Петербург: Археограф. комис., 1877. 1064 с.

¹⁴ Завьялов А.А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. Санкт-Петербург: Тип. А.П. Лопухина, 1900. 400 с.

монография – наиболее полное и качественное исследование законодательства в Синодальный период в отношении монастырей.¹⁵

Также стоит отметить работы Н.И. Кедрова¹⁶, М.И. Горчакова¹⁷, Б.В. Титлинова¹⁸, И.А. Чистовича¹⁹, которые исследовали реформы и государственную политику в Синодальный период в отношении монастырей. На основе изучения огромного фактического материала Л.И. Денисов подготовил труд, построенный в виде справочника, в котором он представил полный список существующих в Российской империи в начале XX века мужских и женских монастырей с кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, а также библиографическими примечаниями²⁰.

В дореволюционный период не было системных региональных исследований по истории духовенства и монастырей на Северном Кавказе, однако встречаются единичные работы в рамках данной проблемы. Одним из немногих примеров является труд К. Розова, бывшего учителя Кавказской духовной семинарии, в котором он рассматривал историю развития Ставропольской Иоанно-Мариинской женской иноческой обители, особенности внутреннего распорядка, структуру и социальную деятельность монастыря²¹.

¹⁵ Ивановский В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (опыт историко-канонического исследования). Харьков: Тип. Губ. Правления, 1905. 173 с.

¹⁶ Кедров Н.И. «Духовный регламент» в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. Москва: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1886. 244 с.

¹⁷ Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 г.): Опыт историко-юридического исследования. Москва: Издательство «Лань», 2014. 450 с.

¹⁸ Титлинов Б.В. Правительство Императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам Православной церкви. Вильна: тип. «Русский почин», 1905. 486 с.

¹⁹ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1868. 752 с.

²⁰ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. Москва: издание А.Д. Ступина, 1908. 984 с.

²¹ Розов К. Исторический очерк Ставропольской (на Кавказе) Иоанно-Мариинской женской иноческой обители, составленный бывшим учителем Кавказской духовной

Таким образом, дореволюционная историография накопила значительный фактический и аналитический материал по истории РПЦ, социальному положению женщин духовного сословия, развитию системы духовного женского образования и функционированию женских монастырей. Однако большинство исследований носило описательный характер и не ставило задач комплексного анализа женского присутствия в духовной сфере. Лишь в отдельных трудах поднимались вопросы о статусе женщины, ее роли в церковной жизни, системе образования и социального служения. Региональный аспект оставался на периферии научного внимания, хотя уже тогда появились первые попытки описания специфики духовной жизни в регионе.

Второй период, советской историографии, в целом характеризуется ограниченностью исследований, жёсткой идеологической направленностью и практически полным отсутствием интереса к теме женщин духовного звания. История церкви в советской науке трактовалась исключительно в русле научного атеизма, а религиозные институты рассматривались преимущественно как реакционные, противостоящие революционному и социалистическому движению.

Исследования, посвященные истории русского православия, были основаны на позиции идеологизации советского общества, дискредитирующей роль Церкви в жизни общества. Контрреволюционная позиция духовенства определена в работах А. Людмила²², Д.Г. Венедиктова²³ и трудах Б.П. Кандидова²⁴. На общем фоне выделяются

семинарии Константином Розовым. Санкт-Петербург: тип. духовного журнала «Странник», 1875. 98 с.

²² Людмилиин А. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 г. в Казанской губернии. Казань: Татиздат, 1931. 48 с.

²³ Венедиктов Д.Г. Палачи в рясах. Прошлое русского духовенства. Ленинград: Леноблиздат, 1933. 175 с.

²⁴ Кандидов Б.П. Церковный фронт в годы мировой войны. Москва: Научн. общ-во Атеист, 1927. 147 с.; Он же. Церковь и гражданская война на юге (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). Москва: Безбожник, 1931. 295 с.; Он же. Церковь и Московское восстание 1905 г. Москва: Атеист, 1930. 71 с.; Он же.

исследования, в меньшей степени подверженные идеологизации и основанные на работе с архивными материалами. К ним относятся труды Б.В. Титлинова²⁵ и Н. Ростова²⁶. Однако их научная ценность ограничивается тем, что из обширного объема источников авторы отбирали преимущественно материалы, которые акцентировали внимание на негативных и проблемных аспектах жизни духовенства. В результате работы ранних советских исследователей приобрели характер критического обзора, направленного на выявление несоответствий между христианскими вероучениями и практикой церковной жизни.

В 1960-х гг. подход в исторических исследованиях, посвященных Церкви и ее представителям, начал меняться. Авторы в этот период начинают привлекать к анализу архивные источники, рассматривая проблему духовенства и его взаимоотношений с другими сословиями. Однако идеологическая основа не дала возможность авторам сделать объективные выводы относительно духовенства. Среди таких работ можно выделить труды Е.Ф. Грекулова «Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.)»²⁷ и П.Н. Зырянова «Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг.»²⁸. Вопрос о женщинах духовного звания в них не поднимался, даже в рамках трудов о женском образовании. О.Д. Попова, например, отмечала, что даже в трудах об образовании, о наличии

Церковь и Октябрьская революция. Москва: Гаиз, тип. «Путь Октября», 1933. 17 с.; Он же. Участие церковников в гражданской войне и интервенции // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М.: ГАИЗ, 1932. С. 101-122.

²⁵ Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905. Ленинград: Государственное издательство, 1924. 166 с.; Он же. Новая церковь. Петроград; Москва: Б.и., 1923. 85 с.; Он же. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Ленинград: Государственное издательство, 1924. 210 с.; Он же. Церковь во время революции. Петроград: Былое, 1924. 192 с.

²⁶ Ростов Н. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. Москва: Атеист, 1930. 155 с.

²⁷ Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ. (2-я половина XIX - начало XX в.). Москва: Наука, 1969. 184 с.

²⁸ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. Москва: Наука, 1984. 224 с.

епархиальных училищ либо не упоминалось, либо лишь ограничивалось констатацией факта их существования для подготовки учительниц церковноприходских школ.

Обращение советской исторической науки к церковной тематике стало возможно лишь в конце 1980-х годов в связи с подготовкой к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Тогда были переизданы и заново интерпретированы некоторые обобщающие труды, в частности работа Н.М. Никольского по истории церкви в России²⁹, рассчитанная на идеологическую аудиторию и пропагандистов научного атеизма. Другим изданием стал выход в свет коллективной монографии «Русское православие: вехи истории»³⁰, авторы которой, попытались воссоздать эволюцию церкви от принятия христианства до конца XX века, сохраняя идеологический подход.

В этот период историки в основном изучали вопросы формирования монастырской собственности, политику секуляризации, систему повинностей монастырских крестьян, а также социальные конфликты в монастырях. Данными проблемами занималась, например, Л.Н. Вдовина³¹ и др.

В связи с тем, что в СССР с религией боролись, всячески препятствовали ее распространению, а соответственно и запрещали ее изучение, некоторые авторы могли публиковаться только за границей. Наиболее известны работы по истории и особенностям развития монастырей в России И.К. Смолича, которые были написаны и опубликованы в эмиграции. В 1936 году в Австрии им была издана «Жизнь и учение старцев»³², а спустя 16 лет в Германии – «Русское монашество: 988-1917»³³,

²⁹ Никольский Н.М. История Русской церкви. Москва: Политиздат, 1988. 448 с.

³⁰ Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. Москва: Политиздат, 1987. 719 с.

³¹ Вдовина Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. Москва: Изд-во МГУ, 1988. 210 с.

³² Смолич И.К. Жизнь и учение старцев // Богословские труды. 1992. № 31. С. 97-174.

³³ Русское монашество, 988-1917: 850-летию основания Москвы посвящается / И.К. Смолич. Москва: Церков.-науч. центр «Православ. Энцикл.», 1997. 606 с.

но на русский язык данные исследования были переведены только в 1997 году. Несмотря на недоступность российских архивов и ограниченность источников, И. Смоличу удалось выявить важные тенденции в развитии русского монашества, включая женские обители. Одним из первых он выделил значимую роль женских монастырей в духовной, социальной и культурной жизни России, что было крайне нетипично для советской научной традиции.

Таким образом, советская историография не внесла существенного вклада в изучение женщин духовного сословия, включая епархиальное образование и женское монашество. История РПЦ изучалась ограниченно, главным образом через призму идеологической критики. Исключения составляли лишь некоторые социально-экономические исследования монастырей, в которых, однако, женская специфика практически не рассматривалась. Наиболее содержательные работы были написаны в эмиграции, где сохранялась возможность объективного научного анализа.

Третью группу работ в изучении женщин духовного сословия и жизни духовенства стало постсоветское время. Начиная с 1990-х годов возродился интерес к истории РПЦ, в частности посвященный разным направлениям в изучении жизни духовенства, системы женского образования, монашества, положения женщины духовного сословия в обществе. Одной из первых, кто затронул тему православного духовенства, при этом рассмотрел положение женщины духовного сословия, была Т.Г. Леонтьева. Ее исследование было построено на материалах Тверской губернии, в котором она провела анализ жизни духовенства³⁴.

На основе привлеченного обширного архивного материала труд С.В. Римского стал важным источником при изучении церковных преобразований 1860-1870-х годов. Автор рассматривал их как единую

³⁴ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. Серия «Российское общество». Современные исследования. Москва: Новый хронограф, 2002. 272 с.

реформу, тесно связанную с общегосударственными преобразованиями Александра II. Работа позволила осмыслить контекст изменений в положении духовенства и их семей, что было важно для анализа социально-правового статуса женщин духовного сословия³⁵.

В своих работах Б.А. Ершов рассматривает семейные основы жизни духовенства в XIX веке, в том числе на материалах Воронежской губернии. Автор уделяет внимание системе духовного образования, особенностям брачно-семейных отношений и повседневной жизни священнослужителей, позволяет глубже понять их социальное положение и роль женщин в семьях духовного сословия³⁶.

Важным источником при анализе особенностей церковно-государственных отношений в предреволюционный период стала работа С.Л. Фирсова. В ней подробно рассмотрены подготовка к церковным реформам, деятельность Предсоборных органов и материалы Поместного Собора 1917-1918 гг., что позволило автору более глубоко осмыслить специфику положения РПЦ в системе институтов Российской империи. Исследование помогло выявить предпосылки и ограничения реформаторских инициатив, оказавшие влияние на социальное положение духовенства и членов их семей на рубеже XIX-XX вв.³⁷

Внимание исследователей также привлекала внутренняя жизнь духовного сословия. В своем труде, опираясь на гендерный подход,

³⁵ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. 567 с.

³⁶ Ершов Б.А. Семейные основы жизни священнослужителей в России в XIX веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. Воронеж, 2009. № 10. С. 211-214

³⁷ Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен: (конец 1890-х - 1918 гг.). Москва: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. 623 с.

В.Д. Орлова провела анализ вовлеченности женщин духовного сословия в общественную жизнь³⁸.

Рассматривая православное духовенство, А.В. Скутнев рассуждал о женщине духовного сословия и пришел к выводу, что общественные тенденции второй половины XIX века, а именно стремление получить гражданские и политические права, независимость и желание построить карьеру, не коснулись женщин духовного звания. Самореализация для них была возможна только в рамках собственной семьи³⁹.

Крупным исследователем жизни белого духовенства многие признают А. Бернштам, в центре внимания которой находится проблема взаимоотношений пастырей и прихожан. Несмотря на то, что подробно она не останавливается на семейной жизни священно- и церковнослужителей, ее работа ценна тем, что был проведен этнографический анализ литературы и мемуарных источников, который позволяет выявить типы жен священно- и церковнослужителей, а также понять, на каких принципах строилось их восприятие и основы семейно-брачных отношений⁴⁰.

В настоящее время все больше исследователей интересуется жизнью приходского духовенства и его семьи. Такие исследования чаще всего проводятся в рамках изучения истории повседневности, которая позволяет показать, насколько сильно правовое и материальное положение, а также воспитание отражаются на мировоззрении, досуге и трудовой деятельности человека. Например, Д.Н. Калашников, изучая повседневную жизнь курских священнослужителей, доказывал, что на семейную жизнь клириков определяющее влияние оказывало правовое и финансовое положение

³⁸ Орлова В.Д. Семьи духовенства во второй половине XIX в. Распределение мужских и женских обязанностей в повседневной жизни // От мужских и женских к гендерным исследованиям: материалы междунар. конф. Тамбов, 2001. С. 100-110.

³⁹ Скутнев А.В. Женщина в духовном сословии в пореформенную эпоху // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. Москва, 2010. Т. 1. С. 155-160.

⁴⁰ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, Петербургское востоковедение, 2007. 413 с.

церковных причтов. Брак оставался главным способом получить место в приходе и давал социальные гарантии вдове и осиротевшей семье в случае смерти членов клира. Данная ситуация приводила к тому, что в брачных отношениях достаточно серьезную роль играл расчет, что оказывало пагубное влияние на взаимоотношения в семье⁴¹.

Посвящённая приходскому духовенству Донской и Новочеркасской епархий второй половины XIX века монография А.В. Шадринной подробно рассматривает вопросы происхождения, уровня образования, семейного и социального статуса клириков. Значительное внимание уделено также материальному положению духовенства, источникам доходов, собственности и особенностям регулирования благосостояния. В отдельной главе анализируется общественная и политическая деятельность духовенства, что позволяет комплексно охарактеризовать их место в социокультурной структуре региона⁴².

Еще один труд, который необходимо отметить, это монография Е.В. Беляковой, Н.А. Беляковой и Е.Б. Емченко «Женщина в православии. Церковное право и российская практика»⁴³, в которой авторы подробно рассматривают правовой статус и место женщины в церковном пространстве начиная с раннехристианского периода и заканчивая современностью, прослеживают изменения, которые происходили. В работе проведен анализ особенностей брака и семейной жизни духовенства, монашеской жизни, образования девушек духовного сословия в контексте Российской империи.

Исследование А.Н. Надеждина позволило рассмотреть эволюцию образа женщины в христианской традиции, включая вопросы брака, семьи, девства и участия в церковной жизни. Работа помогла выявить истоки

⁴¹ Калашников Д.Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX века (на материалах Курской епархии): дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 189 с.

⁴² Шадринна А.В. Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. Ростов на Дону: Антей, 2014. 361 с.

⁴³ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. 702 с.

религиозно-нравственных установок, определявших роль женщин духовного сословия Российской империи в XIX – начала XX вв.⁴⁴.

В своей работе «Епархиальные женские училища в России» Е.А. Андреева дала историческую и педагогическую концепцию женского образования в епархиальных училищах XIX - начала XX вв. Исследователь воссоздала полную историческую картину становления женского среднего церковного образования, раскрыла его цели и задачи⁴⁵.

Самым масштабным трудом за этот период, посвященной истории православного монашества в тесной связи с социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в Российской империи, можно считать работу П.Н. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века». Особое внимание в своем труде автор уделил динамике численности монастырей, анализу правового положения обитателей, а также месту монастырей в системе духовной и общественной жизни. Им подробно показана трансформация роли монастырей в обществе, их экономическая деятельность, социальное служение и духовно-просветительская миссия, что делает труд фундаментальным для понимания эволюции монашеской жизни XIX – начала XX века⁴⁶.

Коллективная монография «Монастыри и монашество в России XI–XX века» позволила рассмотреть феномен монашества в более широких исторических рамках. Объектом их исследования стали ключевые этапы истории монашества и монастырей, наиболее важные и спорные проблемы, среди которых авторы выделили генезис и развитие русского монашества, полемику по поводу типов монастырского устройства и задач монашеского служения, значение секуляризации XVIII века, юридическое положение

⁴⁴ Надеждин А.Н. Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве. Москва: Отчий дом, 2000. 353 с.

⁴⁵ Андреева Е.А. Епархиальные женские училища в России. // Педагогика. № 3. 1999. С. 85-91.

⁴⁶ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. Москва: Вербум-М, 2002. 320 с.

монастырей в XIX веке, государственную политику по отношению к обителям и их трагическую судьбу в XX веке⁴⁷.

Особое место среди историографии постсоветского периода занимает В.А. Цыпин и его работа «Церковное право», которая используется в качестве учебника в семинариях. В труде подробно рассмотрены источники церковного права, состав и устройство Церкви, органы церковного управления и особенности их функционирования, регламентация брачных отношений, вопросы церковного имущества и содержания духовенства⁴⁸.

Новым направлением в постсоветской историографии стало изучение повседневной жизни в монастырях. Однако изучение данного направления встречает препятствия, так как внутренняя жизнь в монастыре всегда была закрыта и о ней не распространялись. Одним из важнейших комплексных трудов, рассматривающих женское православное подвижничество как религиозный и социокультурный феномен, а также повседневную жизнь женщин в монастырях, стала работа О.В. Кириченко. Автор прослеживает эволюцию развития женского монастырского подвижничества на протяжении полутора веков, анализирует причины формирования подвижнических настроений среди женщин и подчеркивает их осознанный и целенаправленный характер⁴⁹.

Необходимо отметить, что в этот период наибольшее количество исследований в поднимаемой проблеме выполнялись в рамках диссертационных исследований. Среди таких авторов были А.П. Адлыкова⁵⁰,

⁴⁷ Монашество и монастыри в России. XI-XX вв. Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории. Москва: Наука, 2002. 346 с.

⁴⁸ Цыпин В.А. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. 700 с.

⁴⁹ Кириченко О.В. Женское православное подвижничество в России (XIX - середина XX века). Москва: Изд. Свято-Алексиевской пустыни, 2010. 637 с.

⁵⁰ Адлыкова А.П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX - начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук. Горно-Алтайск, 2003. 214 с.

Т.В. Балашова⁵¹ и многие другие. Начиная с 1990-х годов выделилась подтема – учет гендерных характеристик в изучении монастырей и монашества. Анализом причин ухода в монастырь занимался А.Ю. Андрианов⁵², а также Е.В. Белякова⁵³, Н.Е. Шафажинская⁵⁴, которые в ряде своих работ анализировали особенности динамики численности и социального состава женских монастырей. В рамках изучения семей духовенства А.И. Конюченко поднимал вопросы положения женщин в семьях духовенства и обществе⁵⁵.

Отдельным направлением исследований стала система женского духовного образования в дореволюционной России. В рамках данной проблемы была подготовлена диссертация О.Д. Поповой, которая посвящена истории женского духовного образования, в ней анализируется экономическая составляющая деятельности училищ и характеризуется учебно-воспитательная работа персонала, а также быт и нравы учениц⁵⁶.

В настоящее время наиболее комплексное исследование положения женщины духовного сословия с точки зрения ее правового, социального и материального положения, а также системы воспитания и образования было проведено В.Л. Колесниковой на примере Курской и Тамбовской губерний. В

⁵¹ Балашова Т.В. Московские монастыри в социо-культурной среде столичного города второй половины XIX-начала XX века: автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Москва, 2007. 25 с.

⁵² Андрианов А.Ю. Причины и обстоятельства ухода в мужские православные монастыри в России XIX - начала XXI веков. Владимир: Транзит-Икс, 2011. 173 с.

⁵³ Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. 704 с.

⁵⁴ Шафажинская Н. Е. Русское женское монашество: история и традиции. Москва: Экон-Информ, 2009. 263 с.

⁵⁵ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис.... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 507 с.; Конюченко А.И. Православное белое духовенство России в социально-демографических измерениях (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 56-67.

⁵⁶ Попова О.Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2009. 46 с.; Попова О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX веков. Социальный статус, стремления и возможности. Санкт-Петербург: Лань, 2021. 431 с.

своем диссертационном исследовании она отмечает, что главным фактором, влияющим на повседневную жизнь и здоровье женщины из среды духовенства, были православные традиции⁵⁷.

Исследования в рамках региональной повседневной истории позволяют выявить общее и подчеркнуть особенное в быту и нравах духовного сословия различных российских провинций. Н.В. Белова⁵⁸ изучала повседневность ярославских, А. И. Кошелева – пензенских и самарских⁵⁹, А. В. Мангилева – пермских клириков⁶⁰. В своем исследовании А.В. Васильева охватила духовенство трех епархий Западной Сибири – Тобольской, Омской и Томской⁶¹.

Следует отметить работы, региональной направленности, исследовавшие проблемы истории Северного Кавказа, в которых так или иначе отражены вопросы, связанные с «женской историей». При этом

⁵⁷ Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере Курской и Тамбовской губернии): дис... канд. ист. наук. Белгород, 2007. 189 с.; Она же. Влияние Великого поста на жизнь женщины духовного сословия второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Курской и Тамбовской губерний) // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 2 (10). С. 94-98.; Она же. Экономическое состояние женских монастырей Курской и Тамбовской губерний во второй половине XIX – начале XX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. № 15 (236). С. 103-107.

⁵⁸ Белова Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII — начале XX в.: быт и нравы сословия (на материалах Ярославской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008. 23 с.

⁵⁹ Кошелева А.И. Приходское духовенство Среднего Поволжья в 1880-е - 1890-е гг. (на примере Пензенской и Самарской епархий): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011. 22 с.; Она же. Информационно-просветительская деятельность православных священнослужителей в Поволжье в 1880-90-е годы // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийского научно-методологического семинара, Самара, 26–27 октября 2015 года. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2015. С. 64-74.

⁶⁰ Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX - начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 36 с.; Мангилева А.В. Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 65-71.

⁶¹ Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX - начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 23 с.; Она же. Образ Западной Сибири в представлениях ее священнослужителей в конце XIX – начале XX века // Преподавание истории в школе. 2014. № 3. С. 69-72.

тематика исследований второй половины XIX - начала XX вв. не носила комплексного характера исследования по гендерной проблематике на Северном Кавказе. Этот край в этнографическом, географическом, социально-историческом, культурном отношении, представлял огромный интерес для всех просвещенных людей, волею судеб, оказавшихся на Северном Кавказе. Вопрос женской истории интересовал авторов очерков наряду с другими проблемами социальной истории Северного Кавказа.

Особую значимость для изучения заявленной темы имеют труды, посвящённые истории Северного Кавказа. Здесь следует выделить исследования митрополита Гедео́на (Докукина), выполненные ещё в советское время, но опубликованные лишь в конце XX века⁶². Заложенные им идеи и сделанные выводы были детализированы в последующих исследованиях различных авторов⁶³. В середине XX века один из выдающихся краеведов Ставропольского края Л.Н. Польский, по просьбе епископа Ставропольского и Бакинского Ионы (Зырянова), подготовил рукопись монографии по истории Кавказской епархии, которая была опубликована только в 2018 году⁶⁴.

К 180-летию Ставропольской епархии преподавателями Ставропольской духовной семинарии был составлен труд об истории епархии с момента ее основания в 1843 году и до 2022 года, который

⁶² Гедео́н (Докукин), митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва, Пятигорск: Шаб-квартира Всецерков. православно-молодеж. движения, Штаб-квартира регион. Отд-ния Всецерков. православно-молодеж. движения Ставроп.-Бакин. епархии, 1992. 192 с.

⁶³ Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск: ООО Изд-во «СНЕГ», 2010. 200 с.; Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. Москва: Библ.-богосл. ин-т. св. апостола Андрея, 1996. 403 с.; Цыпин В. прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 5-е изд. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 816 с.; Яковлев А.И. Лекции по истории Христианской Церкви. 3-е изд.: испр. и доп. Москва: Паломник, 2011. 544 с.; Баранов О.Н., Волхонской М.А., Мирзоева А.М., Муханов В.М. Очерки истории христианства на Северном Кавказе (с древнейших времен до начала XX века): Научно-популярное издание. Москва: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. 352 с.

⁶⁴ Польский Л.Н. Очерки по истории Кавказской епархии (к 130-летию основания). Ставрополь: Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2018. 144 с.

включает в себя также информацию о духовном образовании в епархии, благотворительной деятельности и социальном служении представителей духовного сословия, а также монастырях епархии в ее современных границах⁶⁵.

Проблемой образования женщин на Северном Кавказе занималась О.И. Шафранова, которая провела серьезный анализ образовательной системы Северного Кавказа и роли женщин в общественной жизни региона в пореформенный период, в том числе рассмотрев и епархиальные женские училища Северного Кавказа. Об одном из них, Ставропольском епархиальном женском училище, была опубликована статья. Результаты исследования позволили рассмотреть широкий контекст включения женщин в образовательную и общественную жизнь региона, что было важно в разделе исследования вопросов, связанных с женскими духовными учреждениями в регионе⁶⁶.

В докторской диссертации Е.Ю. Любушкиной «Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика» рассматривался процесс формирования и особенностей функционирования общественных объединений в регионе. Особое внимание автора уделялось деятельности благотворительных обществ и братств, которые оказывали социальную помощь различным категориям населения, в том числе беднейшим слоям, детям и сиротам. Работа демонстрирует значимость подобных организаций в развитии социокультурного пространства и показывает их взаимодействие с

⁶⁵ Ставропольская епархия: 180 лет. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2023. 200 с.

⁶⁶ Шафранова О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.: дис.... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 323 с.; Она же. Ставропольское епархиальное женское училище (1875-1919) // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 3 (42). С.203-207.; Она же. Женское среднее образование на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 3. С.130-143.

церковными структурами, что важно для анализа благотворительной практики и социальной опеки в диссертационном исследовании⁶⁷.

В исследовании П.Г. Немашкалова «Становление и функционирование епархиальной системы управления РПЦ на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.)» рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историей церковного управления в регионе. Особое внимание автора обращено к социально-правовому статусу священнослужителей Российской империи и специфике положения духовенства Северного Кавказа. Работа П.Г. Немашкалова является фундаментальным исследованием, позволяющим комплексно оценить процессы институционализации православной церкви на Северном Кавказе в период XIX века.⁶⁸

Таким образом, современная историография проблемы остаётся на этапе становления. Большинство работ затрагивают положение женщин духовного сословия лишь косвенно, преимущественно в рамках исследований приходского духовенства, семейной истории, образования или монашества. Специальные исследования по данной проблеме пока немногочисленны и не дают целостной картины эволюции положения женщин духовного звания на Северном Кавказе. Тем не менее накопленный научный материал создаёт основу для дальнейшего углубленного изучения этой темы с учётом региональной специфики и сравнительного анализа с общероссийскими процессами.

⁶⁷ Любушкина Е.Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика: дис.... д-ра. ист. наук. Ставрополь, 2012. 566 с.; Она же. Общественные организации Северного Кавказа и формы их работы (вторая половина XIX – начало XX в.) // Власть. 2009. № 8. С. 60-63.; Климашкина Е.Ю. Общественные организации и формирование научно-интеллектуальной среды Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 6. С. 34-41.

⁶⁸ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): дис.... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. 555 с.; Он же. Образование Кавказской епархии и её роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы: Посвящается 175-летию Кавказской епархии. Ставрополь: Ставропольский государственный педагогический институт, 2017. 186 с.

Целью данного исследования является комплексное изучение особенностей социокультурного статуса и правового положения женщин духовного сословия в условиях Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие взаимосвязанные **задачи** исследования:

1. Провести анализ государственной политики в отношении духовного сословия и определить основы социального статуса духовенства Российской империи в Синодальный период;

2. Выявить особенности семейно-брачных отношений и условия формирования корпоративной среды духовенства в российском обществе;

3. Раскрыть роль органов епархиального управления Северного Кавказа в жизни семей священно и церковнослужителей, дать характеристику мер, принимаемых органами власти для улучшения их положения;

4. Рассмотреть традиции обучения и воспитания девушек духовного сословия на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века;

5. Показать специфику организации и статуса женских монастырей во второй половине XIX – начале XX века в северокавказском регионе;

6. Оценить вклад женских обителей в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с середины XIX века по начало XX века. Нижние границы работы были определены серединой XIX века, когда период Великих реформ привел к изменению статуса женщины в российском обществе, трансформации социальных ролей, коснувшись и положения женщин духовного сословия. В это время происходит активное развитие Северного Кавказа: открываются и развиваются женские обители в регионе, появляются первые женские учебные заведения для девушек духовного сословия. Верхние границы диссертационного исследования были определены началом XX века, а

именно 1917 годом, когда в результате революции и социально-политических изменений в обществе, начались процессы переустройства общества, в котором была провозглашена политика воинствующего атеизма и активно велась борьба с религией. Данные процессы привели к разрушению прежней церковной системы и прекращению функционирования институтов, в рамках которых формировалось положение женщин духовного сословия.

Стоит отметить, что с целью изучения динамики и проведения сравнительного анализа положения женщин духовного сословия и их семей в Синодальный период, мы обращались к более ранним периодам. В частности, изучение правового статуса женщин духовного сословия потребовало провести анализ нормативно-правовых актов XVIII – первой половины XIX века. Многие из них сохраняли свое действие практически без изменений до начала XX столетия, в другие вносились коррективы, но ни продолжали определять правовую основу статуса представителей духовенства. Анализ этих документов позволил выявить отличительные черты и особенности проводимых реформ второй половины XIX – начала XX вв.

Территориальные рамки исследования ограничены территорией Северного Кавказа второй половины XIX века, включающие в себя преимущественно территории Ставропольской (Кавказской) епархии (Ставропольскую губернию и Кубанскую область), но также и частично затрагивают Сухумскую и Владикавказскую епархии, часть территорий которых до 1885 года входили в состав Кавказской епархии, а именно Черноморский округ и Терскую область соответственно.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Методологическая основа исследования опирается на принципы историзма, научной объективности, системности и междисциплинарности. Поскольку принцип историзма состоит в рассмотрении явлений как процесса становления, происходящего во времени, он позволил рассмотреть изменение положения женщин духовного сословия во второй половине XIX – начале

XX вв. на примере северокавказского региона. Данный принцип взят за основу при рассмотрении особенностей взаимоотношений в семье священно и церковнослужителя, вопросов воспитания и образования их детей, организации и деятельности монастырей на Северном Кавказе учитывая государственную политику в отношении духовного сословия Российской империи и региональные особенности реализации реформ.

Принцип системности предполагает рассмотрение изучаемого объекта как системы с раскрытием внутренних связей и механизмов взаимодействия. При рассмотрении женщин духовного сословия как социальной группы позволил рассматривать их не изолированно, а в контексте взаимодействия с семьей, приходом, органами епархиального управления и монастырями. Под принципом научной объективности чаще всего понимает стремление при проведении исследования к постижению и адекватному отражению действительности. Данный принцип был реализован сопоставлением различных видов исторических источников, а именно делопроизводственной документации епархиального управления, отчетов, законодательных и нормативных актов, а также источников личного происхождения. В диссертационном исследовании это позволило избежать односторонних оценок и реконструировать положение женщин духовного сословия максимально полно.

При приоритете методов исторического исследования особую роль сыграло применение междисциплинарного подхода, предполагающего использование методов смежных дисциплин. Так, например, был применен правовой анализ для изучения законодательных и нормативно-правовых актов, регулирующих статус женщин духовного сословия. Обращение к социологическим методам, включая контент-анализ, позволило глубже провести анализ исторических источников и описать духовное сословия как социальную группу, выявив особенности его структуры, роли женщин в семье и приходской жизни, а также взаимодействия с органами управления и монастырями.

Реализация перечисленных принципов определила выбор конкретных исследовательских методов. Историко-генетический метод позволил проследить государственные и церковные реформы в отношении духовного сословия во второй половине XIX века и начале XX века в их развитии, выявить их влияние на изменение роли женщин духовного сословия в обществе. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить положение женщин духовного сословия Северного Кавказа с представительницами других социальных групп региона, а также с женщинами духовного сословия в различных епархиях Российской империи, что позволило выявить как общие черты, так и региональные особенности. Применение историко-системного метода, основой которого является структурно-функциональный анализ объектов и явлений прошлого, обеспечило целостное и комплексное изучение положения женщин духовного сословия в разных социальных условиях (супружеские отношения, вдовство, монашество) в условиях Северного Кавказа.

Акцент на региональном измерении выводит исследование на новую локальную историю, которая понимается как история микросообществ в локальном измерении. При этом раскрываются более существенные и глобальные явления и процессы, важные для понимания положения женщины духовного сословия в общероссийском масштабе.

Таким образом, основные принципы и методы исследования опираются на антропологический подход, предполагающий фокусирование внимание исследователя на человеке и «малых сообществах» как носителях специфических ценностей, норм и моделей поведения. В рамках данного исследования такими антропологическими объектами выступают женщины духовного сословия, рассматриваемые как особая социальная группа с устойчивыми формами взаимодействия и корпоративной идентичности.

Антропологический подход в исторической науке сформировался в русле трансформации предметного поля историографии XX века и был связан с переосмыслением представлений об историческом процессе. В

работах О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Блока историческое развитие рассматривалось не как линейное движение, а как процесс изменения ценностных структур и форм коллективного сознания. Существенный вклад в развитие исторической антропологии внесла школа «Анналов», представители которой (Ф. Бродель и Ж. Ле Гофф) акцентировали внимание на изучение повседневности, ментальностей и длительно сохраняющихся социальных установок. В отечественной историографии антропологический подход получил развитие в трудах А.Я. Гуревича, обосновавшего необходимость анализа культурных и ценностных оснований исторических процессов.

В современной историографии наблюдается смещение акцента от исследования «больших длительностей» к детализированному анализу отдельного человека и малых социальных групп, что сближает антропологический подход с микроисторией. Ряд исследователей, в частности М.М. Кром, указывают на методологическую близость исторической антропологии, антропологического подхода и микроисторического анализа, ориентированного на реконструкцию социального опыта ограниченных по численности сообществ.

В рамках настоящего исследования социальные взаимодействия внутри группы женщин духовного сословия рассматриваются с опорой на внутренние нормы, ценностные ориентиры и категории, характерные для данной социальной среды. Специфика терминологии и используемых понятий, отражающих особенности повседневной и социальной жизни женщин духовного сословия, вынесена в приложение, что позволяет сохранить аналитическую целостность основного текста.

Опора на методологические принципы и использование указанных методов позволила создать многомерную картину исследуемой темы. Их комплексное использование позволило глубже понять роль и место женщин духовного сословия в обществе.

Источниковая база исследования. Исследование опирается на комплексное использование разнообразных источников, которые можно разделить на группы:

- делопроизводственные документы;
- законодательные и нормативно-правовые акты;
- материалы периодической печати;
- статистические источники;
- источники личного происхождения.

Основу исследования составили **делопроизводственные документы** из фондов центральных и региональных архивов. В первую очередь использованы материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), в котором сосредоточены документы центральных органов управления. Наибольшее значение имели фонды: Ф. 796 - Канцелярия Синода и Ф. 804 - Присутствие по делам православного духовенства при Синоде. В них отражены управленческие решения и делопроизводственная документация, касающаяся регулирования деятельности духовенства, вопросов браков, материального обеспечения, а также опеки над вдовами и сиротами священнослужителей.

Важное место в источниковой базе занимают фонды Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), содержащие материалы региональных органов власти и церковных учреждений:

- Ф. 68 – Ставропольское губернское правление 1847-1920 гг. г. Ставрополь, содержащий документы о взаимодействии светских и церковных властей, экономическом положении губернии, социальной политике, что позволило реконструировать общественно-политический контекст, в котором существовало духовное сословие;
- Ф. 77 – Ставропольское епархиальное женское училище 01.10.1875-1919 гг. г. Ставрополь, содержащий делопроизводственные документы об открытии училища, избрании руководства и членов училищного совета,

журналы совета, отчеты о деятельности училища, документы о работе женской образцовой школы при епархиальном училище;

– Ф. 135 – Ставропольская духовная консистория 18.04.1843 – 01.07.1918 гг., являющийся ключевым источником для изучения административной, хозяйственной и религиозной жизни епархии, включая клировые ведомости, метрические книги, отчеты благочинных и дисциплинарные дела священнослужителей;

– Ф. 361 – Ставропольское попечительство о бедных духовного звания 1843-1917 гг., материалы которого позволили рассмотреть механизмы социальной поддержки духовного сословия, положение вдов и сирот священнослужителей.

Материалы Государственного архива Краснодарского края (Ф. 418 – Управление атамана Темрюкского отдела Кубанской области (военного министерства), Ф. 454 – Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска), привлекались для сравнительного анализа. Однако, учитывая, что административный центр Ставропольской (Кавказской) епархии на протяжении большей части изучаемого периода находился в Ставрополе, основная источниковая база исследования была сформирована на основе фондов ГАСК.

Среди источников стоит отметить сборники опубликованных архивных документов. При написании работы использовался сборник, который включает в себя основные аспекты деятельности Русской Православной Церкви на Кубани в конце XVIII – начале XX века, в ней раскрываются отношения РПЦ с различными государственными учреждениями. В сборнике содержится делопроизводственная информация о монастырях Кубанской области, развитии духовного образования и миссионерской деятельности⁶⁹. Кроме того, большое значение для исследования имеет сборник документов

⁶⁹ Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов (к 2000-летию христианства) / Упр. по делам архивов Краснодарского края. Госархив Краснодарского края. Госархив Ставропольского края. Краснодар, 2001. 728 с.

и материалов о г. Ставрополе, в котором освещаются разные стороны жизни города, в том числе социальное и культурное развитие, повседневная жизнь граждан⁷⁰.

Важным источником для анализа стали официальные сборники распорядительных документов, позволяющие реконструировать динамику религиозной политики и трансформации церковной жизни на Северном Кавказе. В этом отношении особую ценность представляют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК) – фундаментальное многотомное издание, выходящее в Тифлисе в 1866-1904 гг. Включенные в него документы из архива Главного управления Кавказского наместника содержат обширный фактологический материал и глубокий аналитический обзор административной практики, предоставляя исследователю репрезентативную базу для изучения официального курса в духовной сфере.

Следующую группу источников составляют **законодательные и нормативно-правовые акты**. Значительный пласт источников законодательного характера составляют материалы Полного собрания законов Российской империи и Свода законов гражданских. К ним относятся «Духовный регламент» Петра I⁷¹, «Устав духовных консисторий»⁷², указы и положения, касающиеся устройства приходов, семейных отношений, брачного права, порядка обучения и воспитания детей духовенства, деятельности епархиальных женских училищ, пенсионного обеспечения священнослужителей и их семей. Эти документы позволяют выявить правовые основы статуса женщин духовного сословия и проследить государственную политику в отношении духовенства и членов их семей.

⁷⁰ Ставрополь в документах и материалах (1777-2007). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. 496 с.

⁷¹ Духовный регламент Петра Первого: с прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». Москва: URSS, 2012. 200 с.

⁷² Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) (1825-1881). Т. 16.: Ч. 1. № 14409.

Трудность в изучении вопроса состояла в том, что законы, касающиеся церкви, не всегда помещались в Полном собрании законов Российской империи. Наряду с определениями Синода по общецерковным делам они должны были составить особое собрание законов и особый их свод. Но в отношении нормативных актов XIX – начала XX вв. эта работа была не окончена. Официальный свод так и не составили. Было издано несколько сборников неофициального характера, один из которых мы использовали в своей работе «Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего Синода» (1721-1878)⁷³, в котором были опубликованы «Правила о принятии в монастыри и пострижении в монашество», указы императора и распоряжения Синода. Важными источниками при изучении темы были уставы епархиальных женских училищ, уставы касс взаимопомощи⁷⁴ и эмеритальных касс духовенства. Эти материалы позволили проследить специфику внутренней организации духовного сословия и формы социальной поддержки его членов.

Существенную часть источниковой базы составляют **материалы периодической печати**. В первую очередь это «Кавказские епархиальные ведомости», «Ставропольские епархиальные ведомости», «Владикавказские епархиальные ведомости», «Церковные ведомости», а также аналогичные региональные и центральные издания духовного ведомства. На их страницах публиковались распоряжения Синода и епархиальных властей, отчеты духовных училищ и братств, уставы женских училищ и благотворительных обществ, сведения о пожертвованиях, а также заметки о повседневной жизни приходского духовенства, монашествующих и членов их семей.

⁷³ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. 504 с.

⁷⁴ Устав Ставропольской епархиальной братской кассы (1887 и 1897 гг.) и Кассы единовременных пособий с относящимися к ним постановлениями общеeparхиальных съездов духовенства Ставропольской епархии: утвержден 1 декабря 1887 г. Ставрополь: Типо-Литогр. Т.М. Тимофеева, 1910. 62 с.

Наряду с епархиальными изданиями, использовались также материалы светских журналов и газет, в частности «Русская старина», «Тюремный вестник» и др., которые содержат сведения о положении духовенства и связанных с ним социальных институтах.

Важную группу источников составили **статистические источники**, опубликованные на рубеже XIX-XX веков. К ним относится и такой комплексный ежегодник, как «Кавказский календарь», в котором содержатся ценные статистические и фактографические данные. В частности, именно его страницы сохранили сведения о женских учебных заведениях Северного Кавказа, настоятелях и настоятельницах монастырей, членах епархиального Попечительства и т.д.

Особое значение для исследования имели **источники личного происхождения** – воспоминания, переписка, очерки современниц, которые позволили реконструировать повседневную жизнь женщин духовного сословия, их личные переживания и внутреннее устройство монастырей, в том числе опубликованные в неофициальном разделе «Ставропольских епархиальных ведомостей» и «Кавказских епархиальных ведомостей».

Источниковая база исследования отличается комплексным и многоплановым характером. Она включает как официальные документы (законодательные акты, распоряжения Синода, епархиальные отчеты, делопроизводственные документы), так и материалы периодической печати, а также источники личного происхождения. Такое сочетание позволило рассматривать повседневную жизнь женщин духовного сословия не только через призму государственной политики и регламентации, но и через реальный опыт самих участниц духовной среды.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Впервые осуществлено комплексное исследование социокультурного статуса и правового положения представительниц духовного сословия на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. В современной

историографии представлены отдельные исследования об истории православного духовенства, монастырей, женского образования и региональных особенностях религиозной жизни, однако они носят фрагментарный характер. В отличие от них данная работа предлагает целостный взгляд в условиях многонационального и многоконфессионального региона.

2. Исследование предлагает новый ракурс анализа государственной политики Российской империи и органов епархиального управления в отношении духовного сословия. Новизна заключается в сопоставлении общероссийских норм Синодального периода с региональной спецификой их реализации на Северном Кавказе, что позволяет выявить особенности местного регулирования жизни семей священно и церковнослужителей, показать, как реализовывалась государственная религиозная политика на окраинах империи, в частности в северокавказском регионе.

3. Впервые предпринимается попытка рассмотреть женщин духовного сословия Северного Кавказа с позиции единого историко-культурного комплекса, включающего как семьи духовенства (жен, дочерей), так и насельниц монастырей. Такой подход позволяет выйти за рамки локальных исследований отдельных епархий, монастырей и образовательных учреждений и реконструировать общую модель участия женщин духовного сословия в социокультурной жизни региона.

4. Новизна исследования определяется также выбранной хронологией, позволяющей проследить изменение правового и социокультурного статуса женщин духовного сословия в условиях реформ второй половины XIX века, духовно-нравственного кризиса начала XX века. Такой аналитический взгляд позволяет отразить динамику развития женских образовательных учреждений, монастырской жизни и изменения роли духовного сословия в российском обществе.

5. Существенный вклад в новизну вносит использование ранее не вводившихся в научный оборот или малоиспользуемых источников:

делопроизводственных материалов епархиальных управлений, отчётов женских монастырей, формулярных списков, частной и деловой переписки, прошений и журналов духовных консисторий. Их анализ позволил реконструировать положение представительниц духовенства, их правовой статус и реальные условия жизни в северокавказской действительности.

6. Введена в научный оборот и систематизирована информация о деятельности органов епархиального управления Северного Кавказа, их роли в регулировании семейно-брачных отношений, материального положения семей духовенства и функционирования институтов социальной поддержки. Показано, что именно церковные структуры (попечительства, кассы взаимопомощи, братства) были ключевым механизмом социальной защиты семей духовенства.

7. В работе представлена особая роль женских монастырей Северного Кавказа как центров духовной, социальной и образовательной жизни региона. Новизна заключается в комплексном рассмотрении монастырей не только как религиозных учреждений, но и как важнейших элементов региональной системы социальной помощи – приютов, школ, богаделен, лечебниц.

8. Выявлена динамика изменения статуса женщин духовного сословия: неравномерность модернизационных процессов, сочетание расширения образовательных и социальных возможностей с сохранением строгих сословных ограничений. Показано, что трансформация женских ролей происходила в рамках устойчивой корпоративной среды духовенства.

Положения, выносимые на защиту.

1. В Синодальный период государственная политика закрепила особый правовой статус духовенства и их семей, сочетавший привилегии с ограничениями социальной мобильности. Реформы второй половины XIX века были направлены на разрушение сословной замкнутости, повышение образовательного уровня и материального обеспечения духовенства. Однако

эти преобразования не решали сложившихся социальных проблем, особенно в среде сельского приходского духовенства.

2. Семейно-брачные отношения в духовном сословии регулировались как государственными, так и церковными нормами, способствующие сохранению корпоративной замкнутости. Данное положение обеспечивало особый правовой статус представительниц духовного сословия в империи и на Северном Кавказе в исследуемый период. Установленный правовой порядок налагал на женщин определенные обязанности в семейно-брачных отношениях и одновременно обеспечивал женщинам достаточно высокий социальный статус в обществе, в том числе в случаях вдовства.

3. Органы епархиального управления на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. оказывали посильную помощь семьям духовного сословия в рамках установленных норм Российской империи. Однако, предпринимаемых мер было недостаточно для решения возникающих проблем, что компенсировалось деятельностью благотворительных обществ и братств. Приходское духовенство Кавказской епархии создавало систему корпоративной взаимопомощи и поддержки, тем самым смягчая трудности сиротства и сглаживая социальную остроту положения семей духовенства.

4. Развитие системы образования девушек духовного сословия на Северном Кавказе во второй половине XIX века – начале XX вв. стало важным этапом их социализации. Образовательная программа епархиальных женских училищ имела узкопрофильный характер и была ориентирована на поддержку и сохранение социального облика будущих жен священнослужителей. Многие семьи священнослужителей были ограничены в средствах, поэтому значительная роль в обучении девушек принадлежала семье, где они получали домашнее образование. Воспитание в семьях духовенства сочетало традиционные религиозные установки с изменениями в системе общественных отношений.

5. Женские монастыри Северного Кавказа, начавшие свою деятельность в середине XIX века, были следствием изменения общественного сознания славянского населения региона и частью общероссийской традиции православного женского подвижничества. Поступление в монастырь позволяло насельницам обрести новый социальный статус в рамках духовного сословия. Общины и монастыри создавали условия для формирования модели идентичности, сочетающие наряду с традиционными нормами монастырской жизни, новые формы православного подвижничества.

6. На фоне надвигающегося духовно-нравственного кризиса в обществе, женские монастыри Северного Кавказа на рубеже веков заняли особую нишу в сфере просвещения, развития благотворительности и оказания медицинской помощи для разных слоев населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Подвижницы играли важную роль в сохранении традиционных православных ценностей, вели активную миссионерскую работу среди местного населения, и внесли большой вклад в процесс формирования единого социокультурного пространства страны.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и расширении научных представлений об особенностях социокультурного статуса и правового положения женщин духовного сословия в условиях Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века. На основе анализа ранее не вводившихся в научных оборот и малоиспользуемых архивных источников конкретизированы особенности реализации государственной политики в отношении духовного сословия в условиях Северного Кавказа. Полученные выводы углубляют теоретические основания исследований по региональной и церковной истории.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее результатов в научных исследованиях по истории духовного сословия, социальной истории России, а также в образовательной практике – при разработке и чтении вузовских и школьных курсов по

отечественной и региональной истории, истории Церкви. Материалы и выводы работы могут быть применены в культурно-просветительской деятельности музеев, архивов и библиотек. Кроме того, исследование имеет значение для современной социальной и гуманитарной практики, поскольку его результаты могут быть использованы в программах гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности 5.6.1 – Отечественная история. Область исследования: п. 4 – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 7 – История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; п. 13 История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России. Таким образом, тема и содержание диссертационного исследования в полной мере соответствуют паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история в указанных областях исследования.

Апробация результатов исследования проводилась автором в форме публикаций в научных изданиях, докладов и сообщений на международных, всероссийских, региональных и вузовских научных конференциях. По теме диссертационного исследования было опубликовано 8 научных статей, из них 3 из списка изданий, рекомендованных ВАК РФ (в том числе 1 в базе Scopus и Web of Science (WoS)), 1 монография в соавторстве. Общий объем публикаций по теме диссертационного исследования составляет 10,32 п.л. Основные положения диссертации заслушивались на заседании кафедры теории и методики истории и обществознания государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт».

Структура диссертации соответствует поставленной цели и сформулированным задачам. Работа состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка источников и литературы.

Глава I. Социально-правовой статус женщин духовного сословия

1.1. Особенности государственной политики в отношении духовного сословия и правовые основы социального статуса духовенства

Духовенство – особое и достаточно замкнутое сословие Российской империи. Оно занимало особое место в социальной структуре российского общества, будучи привилегированным, но вместе с тем специфическим сословием, подчиненным церковной иерархии. Служители церкви делились на церковнослужителей и священнослужителей. К первым относились люди, служащие в церкви на разных послушаниях, но при этом не рукоположенные в духовенство, то есть не прошедшие обряд посвящения (хиротонии), а именно псаломщик, певец, чтец, пономарь и иподиакон. Священнослужители в свою очередь делились на диаконов, пресвитеров (священников, иереев) и епископов (архиереев). Как правило, к духовенству относились именно священнослужители, которые и получали соответствующую поддержку и привилегии.

В Российской империи духовенство делилось на штатное и заштатное, что определяло их служебное положение, материальное обеспечение и социальный статус. Такое распределение было связано с численностью приходов и кадровой политикой государства. Штатное духовенство включало священнослужителей, официально закрепленных за приходами и имеющих право на жалование от государства или церковных доходов. К заштатному духовенству относились священнослужители, которые по разным причинам не имели прихода или официального места службы, но сохраняли духовный сан. Заштатные священнослужители нередко оказывались в сложном материальном положении, поскольку их доходы были нерегулярными, а их семьи сталкивались с бедностью и зависели от помощи приходов или благотворительных организаций.

Кроме того, духовенство делилось на «черное» (монашествующее) и «белое» (приходское). Самым многочисленным было приходское духовенство. В отличие от «черного» духовенства «белое» могло жениться и заводить свою семью. Архиереем мог стать только представитель «черного» духовенства. Соответственно в рамках исследования для нас представляет большой интерес именно представители «белого» духовенства второго и низшего священных чинов (пресвитеры и диаконы соответственно), а также их семьи. При этом чем больше приход, тем больше численность штата: так не во всех приходах могли быть диаконы. В штатах больших приходов «могло состоять по два или три пресвитера, иногда по несколько диаконов и псаломщиков»⁷⁵.

С начала XVIII века закрепились тенденции, в соответствии с которыми духовенство постепенно стало превращаться в замкнутое сословие, а государство активно начало регулировать численность лиц духовного сословия. Численность духовенства значительно опережала рост числа церквей и приходов, исходя из чего государство осуществляло политику, направленную на снятие барьеров к выходу из сословия и осложняя вхождение в его ряды⁷⁶.

Вступление в духовное сословие для дворян или выходцев из податных состояний было затруднительным, однако в целом и желающих было не много. Епархиальное начальство могло принять в духовное звание из других состояний в том случае, если поведение и образование претендента соответствовало требованиям духовного чина⁷⁷. В самом духовном сословии шел обратный процесс, который был вызван избытком взрослых детей духовенства, не определенных на места в приходы. В течение XIX века

⁷⁵ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 85.

⁷⁶ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 78-79.

⁷⁷ Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 16. Ч. 1. № 14409.

выход из сословия не запрещался, а в некоторых случаях был принудительным. До 1860 года, для так называемых «излишних» детей духовенства, периодически устраивались «разборы», при которых дети священнослужителей, которые не были «нигде записаны» и не были определены на места, отправлялись на военную службу⁷⁸.

Дети, рожденные в духовном звании, при поступлении на гражданскую службу, пользовались такими же правами, как и дети личных дворян, но это касалось лишь священнослужительских детей. В тоже время еще с 1826 года дети духовенства, при поступлении на военную службу, пользовались правами «вольноопределяющихся», но только в случае, если поступали на военную службу не из-за совершения преступлений или пороков, а по «разборам» или собственному желанию⁷⁹.

Дети священнослужителей, как правило, наследовали сословную принадлежность своих отцов, однако те, что не получали соответствующего образования, или были исключены из духовных училищ за «ленность и непонятливость», должны были сами избрать себе род занятий и приписаться к податному сословию. Они могли поступить на военную или гражданскую службу, по желанию перейти в торговые, промышленные или иные частные занятия на общих основаниях. Сословная принадлежность сохранялось только в том случае, если сын поступал на священно или церковно-служительскую должность⁸⁰.

Рассматривая правовые основы социального статуса духовенства и их семей, необходимо отметить, что сословная замкнутость духовенства сохранялась до 1860-х годов. Значительное влияние на такое положение

⁷⁸ Ершов Б.А. Семейные основы жизни священнослужителей в России в XIX веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. Воронеж, 2009. № 10. С. 211-214.

⁷⁹ О предоставлении детям бывшего духовенства права вступать в военную службу на правилах, предписанных указом 3 мая 1818 года // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 1. № 544.

⁸⁰ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 158-159.

духовенства оказало обучение их детей в закрытых сословных духовных училищах, а также установившаяся практика наследственной передачи сословной принадлежности и причетнических мест⁸¹. Проводимые государством «разборы» не достигали желаемых результатов и слабо сказывались на общей численности духовенства, в то время как реформы 1860-х и 1880-х годов значительно изменили ситуацию и привели к обратному эффекту⁸².

Реформы, направленные на уничтожение сословной замкнутости духовного сословия, начались с 1863 году, когда выпускники духовных семинарий получили возможность поступать в университеты, и вскоре они составили почти половину студенчества империи. По успеваемости дети духовенства часто были в числе лучших студентов, однако они же были приверженцами радикальных и даже нигилистических идеологий⁸³. Некоторые исследователи отмечают, что причинами формирования таких настроений в духовной среде была бытовая неустроенность, падение престижа профессии священника, слабый уровень подготовки в семинариях, опирающийся на зубрежку, а не на развитие личности семинариста. Семинаристы быстро откликнулись на протестные призывы, становились лидерами движений. К их числу можно отнести Иосифа Джугашвили (Сталина), который был бывшим семинаристом, Н.И. Подвойского, учившегося в Нежинском духовном училище и исключенного из Черниговской семинарии, а также многие другие, пополнившие революционные ряды в начале XX века⁸⁴.

⁸¹ Шадрина А.В. Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. Ростов на Дону: Антей, 2014. С. 35.

⁸² Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 81.

⁸³ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 172.

⁸⁴ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. Москва: Новый хронограф, 2002. С. 87.

Для детей священно и церковнослужителей в 1864 году была открыта возможность обучаться в гимназии, а с 1867 года и в военных училищах⁸⁵. В отличие от семинарий, обучение в них было платным, поэтому дети духовенства предпочитали оканчивать семинарии и после них поступать в университеты⁸⁶.

В соответствии с решением Государственного совета в 1869 году из духовного ведомства были исключены певчие, звонари, церковные сторожа, сверхштатные псаломщики, а также все взрослые дети клириков. Детей духовенства стали показывать только для сведения в послужных списках их отцов. Вследствие этой же реформы дети духовенства получили высокие сословные права и привилегии⁸⁷. Дети священнослужителей и церковных причетников (дьячков, пономарей и псаломщиков) получили возможность пользоваться всеми правами, присвоенными духовному сословию на тот момент. При этом дети священнослужителей пользовались правами личных дворян, детям церковных причетников присвоены права личных почетных граждан⁸⁸. Новый закон устанавливал, что, если дети не поступали на духовную службу, они имели право поступить на гражданскую службу⁸⁹ без различия, рождены ли они до или после получения их отцами духовного звания⁹⁰.

Принадлежность к духовному сословию давала ряд привилегий, так с начала XIX века священники, дьяконы, их жены и дети были освобождены от

⁸⁵ Попова О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX веков. Социальный статус, стремления и возможности. Санкт-Петербург: Лань, 2021. С. 31.

⁸⁶ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 112.

⁸⁷ Там же. С. 111-112.

⁸⁸ Об устройстве детей лиц Православного духовенства // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 44. № 47138.

⁸⁹ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 165.

⁹⁰ Об отмене пункта 2 статьи 383 Устава о Податях // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 46. № 49360.

телесных наказаний⁹¹. В 1862 году эта привилегия распространилась на церковнослужителей и членов их семей. Приходское духовенство не платило личных податей, было свободно от постоя и поземельного налога, рекрутской повинности⁹². В 1871 году последовало новое расширение прав детей духовенства: теперь все не имеющие прав высшего состояния, дети священнослужителей принадлежали к потомственному, а дети церковных причетников к личному почетному гражданству⁹³.

С целью поддержки семей духовенства в Российской империи до 1867 года действовали правила о замещении священно и церковно-служительских вакансий. Согласно этим нормам, преимущество при определении на места престарелых, больных или умерших священнослужителей отдавалось их сыновьям и родственникам, которые брали на себя обязанность заботы за ними и их семьями. Если у священнослужителя не было сыновей или родственников⁹⁴, которые могли занять должность, эти должности закреплялись за дочерьми и переходили их мужьям. Все это привело к нарушению порядка замещения должностных мест в церкви и приходах. Штатные места длительное время оставались вакантными до совершеннолетия дочерей священнослужителей или сыновей, которые получали образование в училищах и получали часть дохода от незанятых мест своих родителей⁹⁵.

⁹¹ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 146-147.

⁹² Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 100.

⁹³ Об отмене пункта 2 статьи 383 Устава о Податях // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 46. № 49360.

⁹⁴ Кукленко О.М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй половине XIX века // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. Т. 9, № 3. С. 53-59.

⁹⁵ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 91-92

Традиция передачи священнического места по наследству развивалась и усиливалась, что с одной стороны способствовало поддержке семей умершего священника, но с другой стороны содействовало превращению духовенства в особое сословие⁹⁶. Определение на места умерших или престарелых священнослужителей их родственников стесняло свободу при выборе достойных на священнические должности. Помимо этого, ослабляло желание и стремление подготовиться к службе, распространяя мысль, что должность можно получить по наследству, а не по достоинству. С 1867 года в соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета «О общих средствах призрения для всего служащего при церквях духовенства» данный порядок наследования должностей был отменен⁹⁷, однако по свидетельству некоторых авторов данная традиция сохранялась во многих губерниях Российской империи на протяжении нескольких десятилетий⁹⁸.

Важно подчеркнуть, что материальное положение священно и церковнослужителей было недостаточным. В этом вопросе они находились в зависимости от своей паствы, так как бюджет семьи священника в большей части складывался из платы за требы, государственного оклада, собственного хозяйства и руги⁹⁹.

Размеры платы за требы были определены еще указом Екатерины II в 1765 году и не покрывали необходимых расходов семей священнослужителей. Исходя из установленных законом норм за крещение младенца давали 3 копейки, за свадьбу – 10 копеек, за молебны и поминовение родителей – по «соизволению и возможности», а за исповедь и

⁹⁶ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 87-88.

⁹⁷ Об общих средствах призрения для всего служащего при церквях духовенства // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 42. Ч. 1. № 44610.

⁹⁸ Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере Курской и Тамбовской губернии): дис... канд. ист. наук. Белгород, 2007. С. 67.

⁹⁹ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 176.

причастие ничего брать не полагалось¹⁰⁰. Размер платы за требы мог различаться в разных епархиях. Так, например, в Санкт-Петербургской епархии плата была выше, чем в остальных: за крестины – 30 копеек, за свадьбу – 1 руб. 40 коп., отпевание – 1 руб. и т.д.¹⁰¹ Священнослужителям запрещалось требовать сверх утвержденного, однако, если прихожане сами приносили или желали дать большую сумму, то это не возбранялось¹⁰².

В начале XIX века ситуация с оплатой за исполнение духовных треб оставалась неизменной. Астраханской духовной консисторией, к которой относились приходы Северного Кавказа, в 1801 году были установлены следующие таксы за требы: крещение – 6 копеек, свадьба – 20 копеек и т.д.¹⁰³ Несмотря на установленный размер платы, священнослужители нередко нарушали нормы и требовали сверх установленной суммы, что вызывало недовольство прихожан. Данная ситуация сохранялась на протяжении всего XIX века.

Прежде всего, это свидетельствовало о тяжелом финансовом положении семей священнослужителей. Семейный бюджет духовенства пополнялся и за счет «кружечных» сборов во время богослужения. Собранные деньги распределялись между членами причта, священнику из этих сумм полагалась большая часть, чем диаконам и причетникам¹⁰⁴. Таким образом, духовенство находилось в зависимости от материального положения паствы: чем богаче паства, тем лучше был обеспечен клир и

¹⁰⁰ Кукленко О.М. Учреждение кассы взаимопомощи (эмеритуры) в Ставропольской (Кавказской) епархии во второй половине XIX века // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. 2024. № 2(22). С. 9-18.

¹⁰¹ Ропаква Е.Н. Православный приход во второй половине XIX века. Российская империя, Санкт-Петербургская епархия. Санкт-Петербург: Изд-во СПбПДА, 2016. С. 236.

¹⁰² Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 181.

¹⁰³ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е году XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 176.

¹⁰⁴ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. Москва: Новый хронограф, 2002. С. 28.

наоборот¹⁰⁵. Перераспределялись «кружечные» деньги и в зависимости от числа членов церковного штата, так если причт состоял из двух членов, то кружечные сборы делились следующим образом: $\frac{3}{4}$ священнику и $\frac{1}{4}$ диакону. Если причт состоял из трех членов, то священник получал $\frac{1}{2}$, диакон $\frac{1}{3}$, а псаломщику оставалась $\frac{1}{6}$ от общей доли¹⁰⁶ и т.д.

Важно подчеркнуть, что подаяния от прихожан для семей священнослужителей обеспечивали выживание ее членов. Иногда это приобретало унижительный характер, когда священник, после завершения сбора урожая, был вынужден обходить дворы и просить подаяния в виде еды. В воспоминаниях современника, сельского священника, достаточно подробно был описан процесс сбора подаяний, при этом сам священник вынужден был довольствоваться тем, что ему дано. По описанию священника, в одном доме ему дали «полумерок ржи», в другом «ковш ржи», при этом не отказывали, даже если у самих было мало. Бывало, что зажиточный крестьянин «... не торопясь, спросит, чем я побираюсь... минут пять пропадает ... подойдет к бочке напиться ... Он ушел, а ты стоишь и томишься от грусти и досады и не знаешь, куда деваться. Стоишь иногда 15-20 минут ... и, наконец, видишь, что тебе несут полрешетца ржицы...»¹⁰⁷. Священник отмечает, что, бывало, когда беднейший мужичок припасал для него «большое лукошко или меру пшеницы», из-за чего священник чувствовал досаду и стыд. Данный пример показывает, как священнослужителям сложно было прокормить свои семьи, особенно если они были большие.

Большое внимание материальному обеспечению духовенства стало уделяться при императоре Николае I и обер-прокуроре Н.А. Протасове. В Российской империи церковные причты наделялись землей, а для

¹⁰⁵ Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен: (конец 1890-х- 1918 гг.). Москва: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. С. 26.

¹⁰⁶ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 191.

¹⁰⁷ Записки сельского священника// Русская старина. 1880. № 8. С. 697.

священнослужителей и причетников строились церковные дома на казенный счет. В результате реформы церковных штатов с 1843 г. в западных епархиях и далее по всей империи, были установлены оклады для всего духовенства. В силу объективных причин, на территории Северного Кавказа данная реформа была реализована только в 1845 году¹⁰⁸. Священник получал оклад в размере от 100 до 180 руб. в год, диакон – 80 руб., дьячек – 40 руб., пономарь – 32 руб., просфорница – 14 руб.¹⁰⁹, однако стоит отметить, что получали его не все члены причтов.

Согласно данным, которые привела Т. Леонтьева, в 1862 году во всех приходах Российской империи оклад выплатили лишь 17 715 причтам из 37 000, на это государство выделило 3 727 987 руб., что в среднем составило 219 руб. на причт¹¹⁰. Рассматривавший вопрос о материальном обеспечении православного духовенства Д.И. Ростиславов, отмечал, что по Российской империи в середине 1860-х годов в среднем на причт выходило 212 руб. 45 коп., из которых 106 руб. 22 коп. определялись священнику, 53 руб. 11 коп. – дьякону, 26 руб. 54 коп. – причетнику¹¹¹. К 1900 году количество причтов, получающих жалование, увеличилось до 24 625, но и в целом их число возросло до 49 082. Оклад священника в среднем стал равен 300 руб., диакона – 150 руб., а псаломщика – 100 руб. в год¹¹², что с учетом уровня инфляции покрывало основные расходы семей духовенства, и не было свидетельством хорошей жизни.

В 1862 году было образовано «особое присутствие из духовных и светских лиц», которое занималось вопросом улучшения экономического

¹⁰⁸ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 208.

¹⁰⁹ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 173-174.

¹¹⁰ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. Москва: Новый хронограф, 2002. С.28.

¹¹¹ Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг: Франц Вагнер, 1866. Т. 1. С. 288

¹¹² Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен: (конец 1890-х- 1918 гг.). Москва: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. С. 26.

положения приходского духовенства и увеличения его прав¹¹³. С 1863 года такие «присутствия» стали утверждаться во всех губерниях Российской империи, основной задачей которых было изучение материального положения духовенства в регионе и предоставление отчетов центральным органам власти¹¹⁴. Благодаря деятельности таких «Присутствий» на территории Российской империи за 12 лет было принято более 40 законов, направленных на улучшение правового статуса и материального положения духовенства¹¹⁵.

В 1869 году был сокращен штат приходского духовенства и бедные приходы были объединены с более обеспеченными. При этом было определено, что причт должен состоять из священника и псаломщика, а введение в штат второго священника и псаломщика¹¹⁶ допускалось только в случае многочисленности «приходских деревень» и отдаленности прихожан от церкви¹¹⁷. Традиционно состоящие в церковном причте дьяконы были исключены из штата и были вынуждены служить без казенного оклада на попечении прихожан. Таким образом, в результате реформы было закрыто около 2 тыс. приходов¹¹⁸, численность белого духовенства, включая заштатное, сократилась с 133 970 человек в 1868 году до 99 013 человек в 1884 году¹¹⁹.

¹¹³ Об учреждении особого Присутствия из духовных и светских лиц для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 37. Ч. 1. № 38414.

¹¹⁴ Об учреждении особых Присутствий и других мерах для улучшения быта Православного духовенства // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 38. Ч. 1. № 39481.

¹¹⁵ Шадрин А.В. Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. Ростов на Дону: Антей, 2014. С. 35.

¹¹⁶ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 113.

¹¹⁷ Высочайше утвержденное положение Присутствия по делам Православного духовенства. – О составе приходов и церковных причтов // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 44. Ч. 1. № 46974.

¹¹⁸ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С.113.

¹¹⁹ Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 годы. Санкт-Петербург: Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России, 1901. С. 34-35.

В последующие годы в истории РПЦ отмечена обратная тенденция, связанная со значительным ростом представителей белого духовенства. Если обратиться к общей динамике, то она выглядит следующим образом: на 1902 год их численность возросла до 105 339 человек, а к 1913 году – до 110 970 человек¹²⁰. Несмотря на рост численности духовенства, в соотношении православной паствой он сильно уступал, так как число последних за период с 1840 по 1913 годы возросло в 2,2 раза¹²¹.

Среди причин столь бедственного состояния духовенства архиереи в своих отчетах о состоянии епархий Российской империи за 1856-1857 годы выделяют малоземелье и малочисленность приходов, многодетность духовенства, бедность прихожан и их равнодушие к нуждам причтов¹²².

Распространенным явлением было то, что священнослужители были единственными кормильцами своих больших семей. Их обеспечение становилось сложнее, когда подрастали дети, и каждому ребенку следовало дать надлежащее образование. Если дети были погодками, то им практически одновременно приходило время поступать в учебные заведения и семья оказывалась в весьма затруднительном материальном положении.

Крайняя нужда заставляла священнослужителей самостоятельно вести свое собственное хозяйство, которое дополняло семейный бюджет. Однако им было сложно совмещать службу священника и работу в поле, и они не могли должным образом выполнять обязанности главы прихода и полноценно реализовывать религиозное просвещение народа. В то же время представители духовенства не могли иметь крепостных крестьян, наследовать их, выступать поручителями в суде или при заключении сделок, заниматься торговлей и т.д. Если духовное лицо получало по наследству

¹²⁰ Лавицкая М.И. Динамика численности и изменения в составе приходского духовенства во второй половине XIX – н. XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел, 2009. № 3. С. 39.

¹²¹ Там же. С. 43.

¹²² Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 180.

деревню или крепостных с землей, то они переходили в собственность казны, в том числе и те, кто приобрел права личного дворянства, за исключением тех, кто имел права потомственного дворянства или получил награды и ордена, дающие определенные права, в том числе возможность владеть крепостными¹²³.

Несмотря на то, что официально было закреплено, что духовенству должны были выделяться участки земли хорошего качества, в одном месте и недалеко от храма, в жизни все происходило иначе. Как правило, земля попадалась «неважная» и надел состоял из нескольких частей, расположенных в разных направлениях села или станицы, иногда на значительном удалении¹²⁴. Указанные обстоятельства побуждали духовенство привлекать наемную силу, либо сдавать участки в аренду крестьянам, что не приносило практически никакой выгоды¹²⁵. Если крестьяне и соглашались взять участок, то за низкую плату, в связи с чем, сдавать ее, порой, не имело никакого смысла.

Приходское духовенство имело право покупать недвижимость, а именно дома и землю в сельской или городской местности¹²⁶. Если дом был достаточно большим, или у семьи священника имелся еще один дом, то они могли сдавать их в аренду. Встречалось это достаточно редко, поскольку не каждый священнослужитель мог позволить себе не то, что два дома, а даже один, так как его было достаточно тяжело содержать. Однако на Северном Кавказе были такие примеры. Так, например, вдова священника села Воронцовского Анна Полянская 33 лет «живет в собственном доме, другой

¹²³ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 102-103.

¹²⁴ РГИА. Ф. 804. Оп. 1, Р.1, Д. 21-а. Л. 13.

¹²⁵ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 113.

¹²⁶ Там же. С. 103.

же дом, оставшийся по смерти мужа, отдает в наем, за который получает доход в год до 40 рублей»¹²⁷.

Исходя из сословных привилегий дома духовенства были полностью освобождены от постоя, поземельного сбора и других городских или сельских повинностей. По условиям закона они составляли один двор и числились под одним номером и даже если часть дома или некоторые флигели сдавались в аренду и приносили доход, налогом они не облагались. От вышеназванных повинностей также освобождались уволенные от службы по старости или болезни священно и церковнослужители, а также вдовы и сироты¹²⁸.

С целью предоставления возможности зарабатывать средства для жизни осиротевшим семьям духовенства правительством было предоставлено разрешение вдовам духовного звания заниматься торговыми промыслами, что было невозможно для священно и церковнослужителя. Кроме того, вдовы и сироты были освобождены от постоя, поземельного сбора и городских повинностей, за исключением починки, уборки и освещения улиц¹²⁹.

Как правило, бытовые условия сельского духовенства ничем не отличались от условий проживания деревенской бедноты¹³⁰. После окончания семинарии выпускника направляли на место в приход вместе с молодой супругой, при этом не выдав ни суммы на проживание, не обеспечив квартирой или другим местом жительства¹³¹. Священник мог надеяться только на церковную сторожку, условия проживания в которой

¹²⁷ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 426. Л. 15-17.

¹²⁸ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 149.

¹²⁹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 103

¹³⁰ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 382.

¹³¹ Записки сельского священника // Русская старина. 1880. Т. 28. С. 449.

были тяжелыми: маленькое помещение с земляным полом, небольшими оконцами, мокрыми стенами и плесенью¹³². Возможность построить свой дом у священника появлялась только спустя несколько лет, если удавалось скопить денег¹³³. Встречались случаи, когда прихожане помогали священнику строить и содержать его дом, однако такие примеры были редкостью. В «Кавказских епархиальных ведомостях» упоминается, что по решению жителей с. Привольного для проживания приходского священника и его семьи в 1877 году был передан деревянный дом с пятью комнатами, двумя кладовыми, кухней и надворными постройками после нескольких десятков лет службы на данном приходе¹³⁴.

Сельский священник Иоанн Белюстин в 1858 году произвел расчет самых необходимых расходов на семью из 9 человек. В сумме у него вышло 647 рублей 50 копеек в год, при том, что жалование сельского священника, вне зависимости от размера семьи, в среднем составляло 100-180 рублей, дьякона – 70-80, причетника – 30-40¹³⁵. На эту сумму священнослужитель вынужден был кормить, одевать себя и членов своей семьи, при этом стоит учитывать расходы на лечение, ремонт или замену мебели, посуды. Существенной статьёй расхода были сыновья, на обучение которых необходимо было выделять средства: на аренду квартиры, одежду, проезд, письменные материалы и другие непредвиденные расходы¹³⁶.

Если говорить о мерах социального обеспечения духовенства и их семей со стороны государства, стоит отметить, что пенсии и пособия выдавались немногим, а фиксированной величины пенсий к середине XIX века не существовало. В 1860 году все пенсионные средства в соответствии с

¹³² Записки сельского священника // Русская старина. 1880. Т. 28. С. 451.

¹³³ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 382.

¹³⁴ Известия. Приговор жителей села Привольного об отдаче общественного дома в ведение церкви // КЕВ. 1878. № 7. С. 244.

¹³⁵ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 175.

¹³⁶ Белюстин И. Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Париж, 1858. С. 159-160.

Положением комитета финансов были переданы в распоряжение Государственного казначейства, и Синод утратил контроль над выдачей пенсий. В 1866 году были составлены временные правила пенсионного обеспечения клириков. Священникам, прослужившим не менее 35 лет, назначались пенсии по 90 рублей в год, а их семьям, в случае потери кормильца, - по 55-65 рублей¹³⁷, в 1878 году пенсионный оклад был повышен до 130 рублей для священников и протодиаконов¹³⁸.

В соответствии с порядком представления к пенсии лиц духовного звания за службу епархиальному ведомству от 1868 года, пенсионное обеспечение предоставлялось исключительно протоиереям, священникам и их вдовам. Диаконны и члены их семей первоначально были лишены такого права. Обязательным условием назначения пенсии являлась выслуга не менее 35 лет. Если они по какой-либо причине не смогли дослужить до означенного срока, в том числе по причине болезни, то ни они, ни их вдовы пенсию не получали¹³⁹. На фоне кадрового кризиса с 1876 года право на пенсии и пособия получили протодиаконны кафедральных соборов и их вдовы, при сохранении требований о 35-летней продолжительности службы¹⁴⁰.

Ежегодно государственная казна отпускала Синоду пенсионный кредит в размере 288 000 руб. В 1867 году из этой суммы планировалось выдать пенсии 3207 священникам и их вдовам на сумму 245 495 руб., а еще 37 323 руб. предназначались на единовременные пособия за беспорочную выслугу

¹³⁷ Об увеличении размера пенсий Священникам, их вдовам и детям // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 41. Ч. 2. № 43970.

¹³⁸ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 174.

¹³⁹ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 210.

¹⁴⁰ Кукленко О.М. Учреждение кассы взаимопомощи (эмеритуры) в Ставропольской (Кавказской) епархии во второй половине XIX века // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. 2024. № 2(22). С. 9-18.

не менее 25 лет. В результате пенсии и пособия на сумму 282 819 руб. получили 4013 человек, в среднем по 70,5 руб.¹⁴¹.

Важно отметить, что в сроки выслуги была включена духовно-училищная служба на льготных условиях, а именно каждый год засчитывался за год и 3 месяца епархиальной службы. Пенсии не получали те, кто прослужил 35 лет, но продолжал состоять в причте. Право получать пенсию теряли лишенные места за преступления или проступки, исключенные за штат, лишенные сана, низведенные в причетнические должности¹⁴², постриженные в монашество¹⁴³. Вдова священника имела право на получение пенсии, если ее супруг умер на службе, имея соответствующую выслугу, либо если находился в отставке с пенсией или без нее, но имел право на нее, либо если находился под судом или следствием, но был оправдан и заслужил право получать пенсию выслугой лет¹⁴⁴.

Процедура получения пенсии вдовами духовного сословия была сложной и требовала предоставления ряда документов. Для оформления надбавки к пенсии на несовершеннолетних детей необходимо было представить выписки из метрических книг, подтверждающие факт их рождения и крещения. В случае, если вдова претендовала на увеличение пенсии в связи с наличием увечных и больных детей, требовалось приложить соответствующие медицинские свидетельства. При этом дети духовенства,

¹⁴¹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 417.

¹⁴² Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 418.

¹⁴³ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 210.

¹⁴⁴ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 418.

оставшиеся сиротами без обоих родителей, не имели права на получение пенсии¹⁴⁵.

В соответствии с Временными правилами о единовременных пособиях священнослужителям епархиального ведомства и семействам их пенсии вдовам прекращались, если они вступали в новый брак, уходили в монастырь или были осуждены по судебному приговору к наказанию. Те вдовы, что были призреваемы в богадельнях и вдовьих домах, если они находились на полном содержании этих учреждений, получали только половину назначенной пенсии¹⁴⁶.

В 1902 был издан новый «Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства», теперь вдовам и детям священнослужителей было предоставлено право получать пенсии и единовременные пособия после смерти священнослужителя, если он получал уже пенсию после увольнения со службы или ему полагалась пенсия в связи с выслугой в установленный срок. Священнослужители и псаломщики, лишенные сана и исключенные из звания теряли право на пенсию, как для себя, так и для своей семьи¹⁴⁷.

Размер пенсии определялся выслугой священнослужителя, а также занимаемой должностью, духовным чином и духовным заведением, в котором он служил. Так, прослужившие от 20 до 30 лет – получали 1/3 оклада, от 30 до 35 лет – 2/3 оклада, свыше 35 – полный оклад. Размер оклада для священников городских и сельских церквей составлял 300 рублей, штатных диаконов городских и сельских церквей – 200 рублей, диаконов на псаломнических вакансиях и штатных псаломщиков городских и сельских

¹⁴⁵ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 211.

¹⁴⁶ Распоряжение епархиального начальства. О доставлении благочинными сведений о лицах, получающих пенсию из казны // КЕВ. 1878. № 8. С. 275-276.

¹⁴⁷ Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителей и псаломщикам епархиального ведомства // ПСЗРИ (1881-1913). Т. 22. Ч. 1. № 21564.

церквей –100 рублей. В наиболее выгодном положении оказались кафедральные протоиереи, размер оклада которых составлял 500 рублей¹⁴⁸.

Пенсии родителей не могли получать взрослые дети духовенства, достигшие 21 года. Права их получения лишались и сыновья, которые поступили на службу или общественные заведения на казенное содержание, а также дочери, вышедшие замуж или принятые в общественное заведение на казенное содержание¹⁴⁹. В тоже время дети священнослужителей имели право на пожизненные пенсии, если находились в «совершенной бедности», получили увечья или страдали от неизлечимых болезней. Вдове умершего священнослужителя или псаломщика пенсия назначалась в размере половины пенсии мужа. Вдове с детьми, имеющим право на пенсию, прибавлялась к уже назначенной половине одна треть другой половины на каждого сына или дочь, так что имеющая трех малолетних детей и более, получала полную пенсию. Малолетние дети, оставшиеся полными сиротами без отца и матери, получали одну четвертую часть от пенсии¹⁵⁰.

Выплата пенсий священнослужителю или псаломщику прекращалась при поступлении на государственную службу, пострижении в монашество, лишении сана или духовного звания, назначении наказания, а также в случае длительного пребывания за границей. Для вдов основанием служили также повторный брак, для детей – достижение двадцати одного года или обучение на казенном содержании, сыновья лишались пенсии при поступлении на службу, дочери – после замужества¹⁵¹.

Во второй половине XIX века, после буржуазных реформ, изменилось положение женщины в крестьянской семье, она стала в ней менее зависимой

¹⁴⁸ Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителей и псаломщикам епархиального ведомства // ПСЗРИ (1881-1913). Т. 22. Ч. 1. № 21564.

¹⁴⁹ Кукленко О.М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй половине XIX века // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. Т. 9, № 3. С. 53-59.

¹⁵⁰ Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителей и псаломщикам епархиального ведомства // ПСЗРИ (1881-1913). Т. 22. Ч. 1. № 21564.

¹⁵¹ Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителей и псаломщикам епархиального ведомства // ПСЗРИ (1881-1913). Т. 22. Ч. 1. № 21564.

от решения старших членов семьи. Женщина получила возможность самостоятельно принимать решения, что, как следствие, повлекло за собой переход представительниц крестьянства, купечества, мещанства и даже дворянства в духовное сословие, посредством ухода в монастырь. Монастыри открывали возможность женщинам получить образование, девушки находили себя в монастырском быту, выполняя домашнюю работу. В то время как в городе или деревне одинокая девушка или вдова могли получить только малооплачиваемую тяжелую работу. Стоит отметить, что, в мужских монастырях было много выходцев из духовного сословия, в отличие от женских. Это связано с политикой государства в отношении монастырей. В мужские монастыри в течение длительного времени могли уходить вдовствующие священнослужители, отставные солдаты и выпускники семинарий и других духовных учебных заведений. В то время как пострижение и уход женщины в монастырь не ограничивался по сословной принадлежности и социальному статусу¹⁵². Стоит учитывать и то, что мужчины были более востребованы в капиталистическом укладе, бурно развивающемся в Российской империи.

С 1784 года в Российской империи появились женские общины, что вызвано рядом причин. Одной из важных причин их возникновения стала реакция на политику Екатерины II в отношении монастырей, и в последующем сокращении штата женских обителей. Женская община по организации очень схожа с монастырем, с одним отличием, что ее члены не принимали на себя монашеский обет, но при этом следовали правилам монастырского устава. В таких общинах находили убежище и бывшие монахини и послушницы, которые по различным причинам были вынуждены покинуть монастырь.

Если обратиться к статистике, то можно заметить интересную закономерность. Как правило, в монастыри уходили представительницы

¹⁵² Монашество и монастыри в России. XI – XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 265-266.

дворян, разночинцев, купечества, мещанства, крестьянства и т.д., однако девушек духовного звания было меньшинство. Так, в соответствии с отчетом обер-прокурора Синода в 1843 году из 95 женщин, принявших монашеский обет в Российской империи, 20% (19 человек) были представительницами духовного сословия, а остальные – представительницы других сословий. При этом в том же году, среди принявших монашеский обет в мужских монастырях было 51% представителей духовенства¹⁵³. Более подробно правовые основы социального статуса насельниц женских монастырей рассмотрен в рамках Главы 3.

Таким образом, государственная политика Российской империи в отношении духовного сословия в Синодальный период оказывала значительное влияние на формирование социального статуса священнослужителей и их семей. После реформ Петра I духовенство оказалось под жестким контролем государства, что привело к созданию особого правового положения, как для самого духовенства, так и для членов семей священно и церковнослужителей. Оно давало представительницам духовного сословия определенные привилегии, но в тоже время ограничивало их социальную мобильность. В последующий период наблюдалась тенденция формирования сословной замкнутости духовного сословия, обусловленная наследственной передачей статуса, ограничениями в образовательной и профессиональной мобильности, а также системой подготовки духовенства в закрытых специализированных учебных заведениях.

Несмотря на наличие широких правовых и социальных привилегий, материальное положение семей приходского духовенства оставалось затруднительным. Реформы 1860-1880-х годов способствовали частичному пересмотру социальной роли духовенства в обществе и ослаблению

¹⁵³ Монашество и монастыри в России. XI – XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 265-267.

традиционных ограничений. Однако система обеспечения священнослужителей и их семей оставалась несовершенной, а проводимые реформы мало способствовали решению накопившихся проблем. Семьи священнослужителей вынуждены были самостоятельно искать способы разрешения своих материальных трудностей, что не соответствовало их закрепленному законом статусу, и не могло не сказаться на обязанностях служения своей пастве.

1.2. Регламентация семейно-брачных отношений и формирование корпоративной среды духовенства

Семейно-брачные отношения в духовном сословии Российской империи являлись не только личной сферой, но и важным элементом государственной и церковной политики, направленной на сохранение сословной идентичности и духовно-нравственного облика духовенства. Регламентация браков, строгое следование церковным канонам и государственным законам, играли особую роль не только в жизни самой их семьи, но и в системе духовной и социальной преемственности. Особая роль отводилась семье, как важнейшему институту воспроизводства сословия: в ней закладывались основы духовных и культурных ценностей, передавались традиции и формировалась идентичность нового поколения. Семьи духовенства воспитывали будущих церковно- и священнослужителей, создавали устойчивую среду, способствующую укреплению сословных связей. Сама, регламентация семейной жизни служила не только гарантом моральной чистоты духовенства, но и способом формирования замкнутой корпоративной среды, где действовали свои нормы, традиции и механизмы взаимопомощи.

Традиции РПЦ строго придерживались правила состояния на приходе женатого духовенства. Вместе с тем сам институт брака для священнослужителей подчинялся строгой регламентации и заключался до их

посвящения в священные степени. После хиротонии священнослужитель уже не мог вступать в брак¹⁵⁴. Вследствие этого выбор супруги для представителя духовного сословия был существенно ограничен временными рамками. Как правило, представители духовенства женились во время учебы или сразу после окончания семинарии, если они этого не совершали, то сохраняли одиночество на всю жизнь. Среди мирян расторжение брака было большой редкостью и сопровождалось длительными процедурами, для священнослужителя развод был практически невозможен¹⁵⁵. Строгость относительно разводов в законодательстве оформилась к 1841 году и была закреплена в Уставе духовных консисторий, согласно которому брак мог быть расторгнут только формальным духовным судом по просьбе одного из супругов. Устав закреплял основания для его расторжения:

- было доказано прелюбодеяние одного из супругов или его неспособность к браку;
- один из супругов был приговорен к наказанию, влекущему за собой лишение всех прав, или сослан в Сибирь с утратой прав и привилегий;
- один из супругов был признан безвестно отсутствующим¹⁵⁶.

В среде духовенства очень редки были вышеуказанные причины, поэтому разводов практически не было. Даже в случае жестокого обращения с женой, супругов не разводили, а супруга могли лишь наказать. По мнению А.Н. Надеждина, разрешение развода всегда негативно сказывалось на женщине, в то время как запрет или ужесточение развода рассматривались как способ защиты женщины от произвола со стороны мужа¹⁵⁷. Мы согласны с данной точкой зрения, так как развод мог в то время поставить женщину в

¹⁵⁴ О пояснениях и исправлениях узаконений о действительности и законности браков и о детях, от сих браков рожденных // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 25. Ч. 1. № 23906.

¹⁵⁵ Ершов Б.А. Семейные основы жизни священнослужителей в России в XIX веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. Воронеж, 2009. № 10. С. 211-214.

¹⁵⁶ Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. С. 368-369.

¹⁵⁷ Надеждин А.Н. Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве. Москва: Отчий дом, 2000. С. 162.

уязвимое положение, особенно если у нее не было источников дохода. Кроме того, мы должны понимать, что в контексте духовного служения священнослужителя, семья рассматривалась как единое целое, а развод воспринимался как разрушение не только материальных, но и духовных основ семьи. Сохранение семьи было важным с точки зрения канонов церкви, которая поощряла единство и неприкосновенность брака.

Дети священно и церковнослужителей исключенные из учебных заведений, или окончившие, но не поступившие на службу в духовное ведомство, вступали в брак на общих основаниях. При этом их дети и жены не имели права на призрение существующими в духовном ведомстве способами и не наследовали духовного звания¹⁵⁸. Представители духовного сословия для вступления в брак должны были спрашивать разрешение у епархиального начальства. Положение невесты не духовного происхождения не являлось препятствием для заключения брака при условии соблюдения церковных правил о женах. Священнослужитель не мог жениться на иноверной девушке, вдове или актрисе, а также сочетаться браком с еретиками.

Важной особенностью семейного положения священнослужителей являлся факт того, что вступление в повторный брак ограничивалось законом, в случае если он остался вдовцом¹⁵⁹. Это не было запретом, скорее одним из качеств, которым должен обладать священник согласно учению апостола Павла. В то время как для мирян Церковью дозволялись второй и третий браки, хотя воспринимались как прегрешения, священник должен был подавать пример для паствы: показывать твердость, чистоту и покорность воле Божей¹⁶⁰. Четвертый брак был запрещен для всех еще с 1651 года. Если

¹⁵⁸ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 163.

¹⁵⁹ Ершов Б.А. Семейные основы жизни священнослужителей в России в XIX веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. Воронеж, 2009. № 10. С. 211-214.

¹⁶⁰ Маслов И. Лекции по пастырскому богословию. Москва: Самшит, 2001. С. 142.

выяснялось, что кто-то из супругов заключил четвертый брак, их разводили¹⁶¹. В целях предупреждения многобрачия с 1842 года в выдаваемых документах и паспортах временного или постоянного пребывания священником делалась специальная отметка с именем супруга¹⁶².

Во многом порядок заключения брака для священнослужителей был схож с порядком заключения брака среди прихожан. Запрещалось вступление в брак без согласия родителей¹⁶³, опекунов или попечителей, для тех кто не достиг совершеннолетия¹⁶⁴. В тоже время запрещалось принуждать детей к браку. По закону родители давали присягу, что не принуждают к браку своих детей¹⁶⁵. Также был введен для всех запрет на браки с людьми, имеющими умственные отклонения¹⁶⁶, с «кровными и духовными» родственниками¹⁶⁷ и др.

В соответствии с Положением о видах на жительство, которое было принято в 1894 году, духовенство, вдовы, совершеннолетние дочери, родственницы и приемные дети женского пола получали бессрочные паспортные книжки. Несовершеннолетние дети (девушки до 21 года, юноши до 17 лет), а также жены, опекаемые девушки, родственницы и приемные дети получали паспортные книжки на срок, на который давали согласие

¹⁶¹ О недействительности четвертого брака // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 1. № 64.

¹⁶² О мерах предупреждения многобрачия // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 17. Ч. 1. № 15476.

¹⁶³ О предметах подлежащих светскому суду и Синоду, об отсылке в оные дела, о решении оных, о розыске, о наказании и о штрафах за неисповедание, о власти Синода, о неукрывании раскольников, о колокольном звоне в урочное время, о наказаниях за церковные преступления и обидах, наносимых Синоду и о держании в домах духовных особ других вер с дозволения Святейшего Синода // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 6. № 3963.

¹⁶⁴ О запрещении вступать в брак без согласия опекунов или попечителей // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 11. Ч. 1. № 9252.

¹⁶⁵ О непринуждении родетелями детей и господами рабов своих и рабынь к браку без самовольного их желания // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 7. № 4406.

¹⁶⁶ О свидетельствовании дураков в Сенате // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 6. № 3949.

¹⁶⁷ О степенях родства и свойства духовного (кумовства) брак воспрещающих, и об обязанности Епархиальных Архиереев представлять Св. Синоду о браках венчанных в степенях воспрещенных // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 31. № 24091.

главы их семей. Все изменения в семейном положении фиксировались в этих книжках¹⁶⁸.

Выбор спутницы жизни для священника имел важное значение, при этом приоритет отдавался дочерям духовенства. Данное правило действовало не только потому, что дочери наследовали место в приходе своего отца, сколько опиралось на воспитание в духовной среде, знание уклада жизни священника. Они были готовы к тому, что их ожидали в замужестве нелегкие условия, которые были их традиционной средой жизни¹⁶⁹. Идеальной спутницей для священнослужителя была выпускница епархиального женского училища, поскольку они готовили достойных жен для священнослужителей.

Встречались как благополучные, так и неблагополучные семьи в среде духовенства. Иногда браки по договоренности приводили к тому, что «красивая, нравственная и образованная девица выходила за безобразного, пьяного и безнравственного жениха»¹⁷⁰ или наоборот, что могло стать причиной разочарования и конфликтов в семейной жизни. Такие браки, заключенные по воле родителей или по социальному статусу, а не по любви или взаимному уважению, часто оказывались неустойчивыми и не приносили счастья супругам.

Как правило, браки заключались достаточно рано. В записках сельского священника описывается ситуация, когда жениху был 21 год, а его супруге 16 лет, на момент заключения брака. Молодой сельский священник описывает ее как ребенка, «не видевшего деревни и не знавшего быта сельского священника, ничего не понимающего»¹⁷¹. Данный пример подчеркивает, насколько сильно различие в опыте и ожиданиях могло сказаться на семейной жизни. Молодая невеста, не подготовленная к жизни в

¹⁶⁸ Положение о видах на жительство // ПСЗРИ (1881-1913). Т. 14. № 10709.

¹⁶⁹ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 296.

¹⁷⁰ Там же. С. 298.

¹⁷¹ Записки сельского священника // Русская старина. 1880. Т. 28. С. 450.

деревне, с трудом могла адаптироваться к новым условиям, часто сталкиваясь с трудностями в управлении домашним хозяйством и исполнении своих обязанностей. Отсутствие жизненного опыта нередко приводило к проблемам в осознании нового статуса попадьи, взаимодействию с прихожанами и восприятию ее как полноценной хозяйки и помощницы священника. Это не только осложняло внутрисемейные отношения, но и могло снижать уровень доверия со стороны прихожан, ожидавших от супруги священнослужителя зрелости, рассудительности и умения служить примером для других женщин общины.

В соответствии с законодательством вступление в брак, вне зависимости от состояния, ограничивалось по возрасту: для девушек вступление в брак дозволялось не ранее 16 лет, а мужчинам – не ранее 18 лет¹⁷². Епархиальные архиереи наделялись правом в исключительном порядке разрешать заключение брака в случаях, когда жениху или невесте недоставало менее шести месяцев до достижения установленного брачного возраста. Подобное разрешение допускалось при наличии «особенно-затруднительного положения семейств»¹⁷³. Кроме того, в Российской империи действовала правовая норма, устанавливавшая верхний возрастной предел для вступления в брак. Данный предел был закреплён на уровне 80 лет с 1744 года. Подобное ограничение обосновывалось представлением о браке прежде всего как о союзе, направленном на продолжение рода; достижение же столь преклонного возраста рассматривалось как обстоятельство, при котором надежда на деторождение признавалась «весьма отчаянной»¹⁷⁴.

¹⁷² О воспрещении Священникам венчать браки, если жених и невеста не достигли еще: первый 18-ти, а последняя 16-ти лет // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 5. Ч. 1. № 3807.

¹⁷³ О предоставлении Епархиальным архиереям прав в необходимых случаях разрешать браки по личному своему усмотрению, когда жениху или невесте не достает не более полугода до узаконенного на сей случай совершеннолетия // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 32. Ч. 1. № 31849.

¹⁷⁴ О недействительности брака, заключенного осмидесятилетним стариком // ПСЗРИ (1649 - 1825). Т. 12. № 9087.

Правовой статус женщины духовного сословия зависел от положения ее супруга в церковной иерархии¹⁷⁵, о чем мы писали в предыдущем параграфе. Независимо от ее сословного происхождения до брака, женщина автоматически становилась частью духовного сословия, принимая на себя обязанности «представителя церковного ведомства». На верхней ступени находились жены старших священнослужителей, а именно протопопицы и попадьи, далее следовали дьяконицы и псаломщицы. Женщина сохраняла свою сословную принадлежность даже после смерти мужа, если не вступала в новый брак. В противном случае она утрачивала все сословные привилегии и статус¹⁷⁶.

Жены священнослужителей сохраняли особые сословные привилегии. С целью сохранения в народе должного уважения к священному сану и корпоративного статуса, жены и вдовы священнослужителей были освобождены от телесных наказаний в случае совершения преступлений¹⁷⁷. Данная привилегия подчеркивала особый статус духовного сословия в Российской империи, где личность священнослужителя и членов его семьи воспринималась как связанная с сакральностью. Освобождение от телесных наказаний служило способом защиты не только физической, но и моральной чистоты их образа, поскольку любое публичное унижение могло подорвать авторитет духовенства в глазах паствы.

В то же время, данное социальное положение накладывало дополнительные обязательства на жен священнослужителей. Эти нормы навязывали высокие моральные стандарты, а их носительницы должны были служить примером благочестия и добродетели, активно участвовать в жизни церковной общины, занимаясь благотворительностью, воспитанием детей и

¹⁷⁵ Табель о рангах // ПСЗРИ (1649 - 1825). Т. 6. № 3890.

¹⁷⁶ Кукленко О.М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй половине XIX века // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. Т. 9, № 3. С. 53-59.

¹⁷⁷ О распространении положения 22 февраля сего года об удельных и казенного ведомства селениях и на помещичьих прописных излишних и вдвойне в ревизию написанных // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 30. № 23017.

поддержанием домашнего порядка. Привилегии тесно переплетались с высоким уровнем ответственности и строгими требованиями, которые предъявлялись к их поведению и образу жизни.

Как правило, именно жены священников занимались воспитанием детей и ведением хозяйства, так как у отца семейства на это времени не оставалось при его занятости делами прихода¹⁷⁸. Важно отметить, что несмотря на обязанности, отцы часто играли важную роль в духовном и моральном воспитании детей, уделяя внимание их образованию, обучению молитвам и церковным традициям в быту. Отец как духовный наставник часто был тем, кто задавал моральные ориентиры и формировал у детей представление о вере, церковной жизни и нравственности. В тоже время, в силу своей занятости в приходе, он мог не иметь достаточно времени для непосредственного участия в повседневном воспитании и бытовых делах, которые ложились на плечи жены. Жены духовенства представляли собой образец материнства того времени, основываясь на семейных традициях, сформированных на основе православной этики и культуры.

В целом, с точки зрения христианства, воспитание детей было важной обязанностью женщины¹⁷⁹. На уровне подсознания она понимала нужды ребенка, создавала нравственную атмосферу дома, способствовала развитию природных способностей ребенка. В то время как отец располагал ребенка к себе посредством уважения, авторитета и разумом¹⁸⁰. Еще одной важной обязанностью любой женщины, в том числе жены священнослужителя, было попечительство о доме и хозяйстве¹⁸¹.

В законодательстве четко были прописаны обязанности супругов. Женщина находилась в зависимом положении: без согласия мужа она не

¹⁷⁸ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. Москва: Новый хронограф, 2002. С. 135.

¹⁷⁹ Надеждин А.Н. Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве. Москва: Отчий дом, 2000. С. 318.

¹⁸⁰ Там же. С. 323-324.

¹⁸¹ Там же. С. 343.

могла устроиться на работу, получить образование, во всем должна была слушать своего мужа, любить, почитать и оказывать ему всякое «угождение и привязанность». При этом муж должен был жить с женой в согласии и любви, «уважая, защищая, и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи, доставлять ей пропитание и содержание по состоянию и возможности»¹⁸².

Помимо обязанностей, закрепленных законодательно, женщина должна была придерживаться определенных правил, утвердившихся в православии. Например, в доме у священника у супругов было заведено иметь отдельные кровати, чтобы в праздники и периоды постов у них была возможность спать отдельно¹⁸³. Эти традиции отражали не только религиозные нормы, но и социокультурные представления о чистоте, благочестии и роли женщины в духовной жизни семьи. Им приходилось балансировать между своими естественными человеческими потребностями и высокими требованиями, предъявляемыми к их статусу. Этот баланс часто сопровождался самопожертвованием и внутренней дисциплиной, что укрепляло их положение как моральных и духовных ориентиров внутри общины.

Законодательством империи регламентировались отношения не только между супругами, но и взаимоотношения родителей с детьми. В соответствии с Уложением о Наказаниях уголовных и исправительных за неповиновение родителям, «развратную жизнь» и другие пороки, родители могли без судебного рассмотрения отправлять детей в «смирительные дома» на время от трех до шести месяцев¹⁸⁴. Особое внимание уделялось обязанностям детей. Так, дети обязаны были оказывать родителям «свое почтение, послушание, покорность и любовь, служить им самым делом,

¹⁸² Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 21. № 15379.

¹⁸³ Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. С. 85.

¹⁸⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 20. Ч. 1. № 19283.

отзываться о них с почтением, сносить родительские поправки и увещания терпеливо без ропота»¹⁸⁵.

Обязанностью взрослых детей была забота о родителях. Если же дети, которые имели надлежащие средства, отказывались предоставлять родителям еду, одежду и другую необходимую помощь, то, в случае жалобы родителей и в зависимости от обстоятельств, их могли арестовать от семи дней до трех месяцев, либо заключить в тюрьму до года¹⁸⁶.

Такая регламентация подчеркивала патриархальный характер семьи и укрепляла власть родителей, особенно отца, как главы семейства, а в случае его смерти – матери. Нарушение этих обязанностей детьми рассматривалось не только как личный проступок, но и как угроза общественному порядку, поскольку благочестивая семья являлась основой стабильного государства. В семьях священнослужителей эти требования усиливались, так как дети духовенства должны были служить примером христианского поведения и вносить свой вклад в поддержание сословного авторитета.

В архивных материалах часто встречаются документы, свидетельствующие о том, что к 40-50 годам женщина вдовела, имея в семье несовершеннолетних детей, а их об воспитание и образование требовало значительных финансовых затрат. Так, например, вдова священника ст. Камышевской Анастасия Евстафьева 43 лет должна была воспитать и дать образование четверым детям от 7 до 13 лет¹⁸⁷, как и вдова дьячка Татьяна Федорова 50 лет с. Ивановского детям от 7 до 16 лет¹⁸⁸. Встречались семьи и с меньшим количеством детей, но и с большим, так вдова священника Стефания Устиновская 50 лет с. Новозаведенного воспитывала шестерых

¹⁸⁵ Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 21. № 15379.

¹⁸⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 20. Ч. 1. № 19283.

¹⁸⁷ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 300. Л. 4-5.

¹⁸⁸ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 17-18.

несовершеннолетних детей и заботилась о двоих незамужних дочерях 20 и 22 лет¹⁸⁹.

Родители в свою очередь всеми силами старались дать своим детям достойное образование. Еще «духовный регламент» Петра I провозгласил обязательность обучения для детей церковно- и священнослужителей. Необученные дети (мальчики) исключались из духовного сословия согласно нормам регламента¹⁹⁰, что привело к учреждению по всей Российской империи с начала XVIII века духовных училищ¹⁹¹. Мальчики поступали в семинарии, девочки в основном получали домашнее образование, включающее в себя азы грамотности и счета. Обязанность их обучения возлагалась на многодетную мать, на плечах которой лежали также и заботы по ведению хозяйства¹⁹². Длительное время традиция домашнего образования и воспитания девушек сохранялась в среде духовного сословия. Однако со временем представители духовенства поняли необходимость развития женских учебных заведений для девушек духовного сословия, что обеспечило их социализацию в быстро меняющемся обществе.

Большую роль в развитии образования для девушек духовного сословия сыграли монастыри, при которых открывались школы и училища. Первые школы при монастырях начали появляться с конца 30-х годов XIX века и представляли собой приюты для девочек-сирот духовного звания, а затем стали появляться училища. Первый приют-училище был образован в 1841 году в Одессе при Михайло-Архангельском монастыре для девочек-сирот¹⁹³.

¹⁸⁹ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 309. Л. 13-14.

¹⁹⁰ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 35.

¹⁹¹ Там же. С. 36.

¹⁹² Попова О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX-XX веков. Социальный статус, стремление и возможности. Санкт-Петербург: Лань, 2021. С. 13.

¹⁹³ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. С. 264.

Программа большинства монастырских школ не выходила за рамки начального обучения, а уровень подготовки в монастырских училищах был не хуже подготовки в епархиальных женских училищах (далее – духовные училища)¹⁹⁴. Обучением девочек занимались жены монастырских причтов, монахини, послушницы, священнослужители¹⁹⁵. Женские монастыри с XIX века оказались вовлечены в широкую благотворительную деятельность, открывали амбулатории, больницы и аптеки, к которым привлекали воспитанниц монастырского училища. Такие обители являлись базой для подготовки фельдшерниц и сестер милосердия¹⁹⁶. В Кавказской епархии первое епархиальное женское училище было открыто только в 1875 году по указу Синода от 14 июня 1874 года № 1789¹⁹⁷.

Понимая сложность жизненной ситуации осиротевших семей духовенства, уволенных с должности по старости лет и болезням, а также вдов и сирот духовного звания, Синод еще в 1823 году принял «Положения о призрении бедных духовного звания». В соответствии с ним сирот, способных к обучению, принимали на казенное или полуказенное содержание в Училищах¹⁹⁸.

В соответствии с данным Положением в каждой епархии учреждались Попечительства о бедных духовного звания, целью которых была помощь и забота о бедных вдовах и сиротах духовенства, а также бедных больных священнослужителях. В Попечительство входило от трех до шести членов, которые избирались, как правило, из белого духовенства. Один из

¹⁹⁴ Там же. С. 284-285.

¹⁹⁵ Там же. С. 266.

¹⁹⁶ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. С. 279.

¹⁹⁷ Распоряжение епархиального начальства. О доставлении в консисторию процентного сбора с церковных доходов, установленного в замен свечного сбора на общие потребности по духовно-учебной части // КЕВ. 1878. № 7. С. 239.; ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

¹⁹⁸ Распоряжение епархиального начальства. О назначении опеки над такими сиротами духовного происхождения, родители которых не оставили им никакого имущества в наследство // КЕВ. 1878. № 8. С. 272-273.

попечителей, избранный на собрании Попечительства и утвержденный Епархиальным архиереем, исполнял должность его казначея¹⁹⁹.

Казна Попечительства пополнялась за счет кружечных сборов во всех Церквях епархии, кладбищенских доходов, штрафных денег и пожертвований. Данные кружечные сборы четко регламентировались: все деньги из кружек высыпались в конце каждого месяца или по мере наполнения кружки в присутствии выборных от церковного причта и старосты, а по окончании года передавались в Попечительство. Деньги от Церквей при кладбищах, направленные на благотворительность, иногда передавались в сиротскую казну²⁰⁰. С целью ведения учета денежных средств заводились приходорасходные книги²⁰¹. Исходя из этого можно сделать вывод, что стабильности поступлений в казну средств не было, а соответственно и обеспечить всех нуждающихся не представлялось возможным²⁰². Попечительство вынуждено было определять необходимость выделения пособия в каждом конкретном случае.

Для того, чтобы получить помощь от епархиального Попечительства, нуждающиеся должны были подать прошение о предоставлении пособия. Важно отметить, что помощь оказывалась только в тех случаях, когда подтверждалась нужда заявителя. Если вдова или взрослые дети были способны самостоятельно зарабатывать на жизнь, им обычно отказывали, за исключением ситуаций, когда предоставлялось единовременное пособие для приобретения орудий труда или материалов²⁰³. Дочери умершего дьячка А. Панченковой в течение двух лет выплачивалось пособие по 12 рублей в год. При этом, когда она обратилась в Попечительство с просьбой о продлении

¹⁹⁹ Положение о призрении бедных духовного звания. Санкт-Петербург, 1828. С. 15-16.

²⁰⁰ Положение о призрении бедных духовного звания. Санкт-Петербург, 1828. С. 22-23.

²⁰¹ Там же. С. 24.

²⁰² Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. Москва: Новый хронограф, 2002. С. 30-32.

²⁰³ Кукленко О.М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй половине XIX века // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. Т. 9, № 3. С. 53-59.

выплаты, ей было отказано, так как «ей от роду 24 года, глуховата, имеет брата дьячком в станице Брюховецкой с которым и живет в собственном доме, пропитывается трудами своими... поскольку может своими трудами содержаться, то считается необходимым выплату пособия прекратить»²⁰⁴. Также единовременные выплаты предоставлялись девушкам-сиротам при вступлении в брак²⁰⁵.

Кроме того, если у заявителя имелись близкие родственники или дети, проживающие поблизости, пособие, как правило, не предоставлялось, а Попечительство направляло усилия на то, чтобы родственники позаботились о нуждающемся. В большинстве случаев размер пособия позволял лишь удовлетворить самые насущные потребности осиротевших семей²⁰⁶.

Опекуны сирот духовного звания находились под надзором местных благочинных и были обязаны предоставлять им отчеты для последующей проверки в Попечительстве. Продажа недвижимого имущества, принадлежащего детям духовного сословия, допускалась исключительно с разрешения Синода, тогда как движимое имущество могло быть отчуждено без дополнительных согласований²⁰⁷, за исключением случаев, когда имущество подлежало разделу между совершеннолетними и несовершеннолетними наследниками. Имущество могло быть продано с аукционных торгов для уплаты долгов, перешедших по наследству с имуществом, либо если было признано ветхим и не приносило доходов, а лишь убытки. В любом случае для продажи имущества сирот, даже по

²⁰⁴ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 159. Л. 4об.

²⁰⁵ О призрении бедных духовного звания // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 38. № 29583.

²⁰⁶ О призрении бедных духовного звания // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 38. № 29583.

²⁰⁷ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 232.

указанным причинам, требовалось особое разрешение епархиальных властей²⁰⁸.

Для организации и контроля деятельности Попечительства в каждой епархии велись учетные книги. В церквях учреждались кружечные сборы с целью сбора средств на поддержку духовенства соответствующей епархии. В Попечительство входили от трех до шести попечителей, избираемых из белого духовенства. Для производства дел в Попечительстве работали секретарь и два письмоводителя.

Попечительство осуществляло:

- сбор благотворительных приношений;
- контроль и наблюдение за кружечными сборами;
- сбор и проверку сведений о призрении;
- предоставление призрения тем, кто в нем нуждался.

При освобождении мест в приходе по причине болезни, старости или смерти преимущество в их занятии предоставлялось родственникам, готовым взять на себя заботу о самом человеке либо о его семье. Если у умершего священнослужителя не было родственников, то вдову и сирот духовного звания могли принять на попечение посторонние люди, которые соглашались предоставить осиротевшим семьям священнослужителя помощь, после утверждения Консistorией.

Вдовы и девочки-сироты духовного звания имели возможность дополнительного заработка, занимаясь печением просфор для церкви. При распределении вакансий просфорниц предпочтение отдавалось вдовам духовного звания, в первую очередь одиноким или имеющим малолетних детей, а также взрослым дочерям духовенства, «не подающим надежды на замужество». Однако, их заработок был крайне скромным и часто едва покрывал затраты на приобретение муки. В тех случаях, когда в приходе

²⁰⁸ Свод законов гражданских Т. 10-го Свода законов ч. 2-я По изданию 1857 года и Продолжениям 1863, 1868 и 1869 годов, с прибавлением решений кассационных департаментов Правительствующего сената. Москва: изд. А.М. Пальховского, 1871. С. 52.

отсутствовали вакантные места на должность просфорницы, Попечительство направляло вдов с детьми, либо девушек-сирот, к новым местам жительства. На новых местах их не всегда встречали радушно, а отсутствие собственного жилья вынуждало арендовать помещения, что приводило к дополнительным финансовым затратам. Кроме того, вдовы духовного звания иногда занимались выпечкой просфор для погашения долгов, оставленных их супругами перед сельскими обществами²⁰⁹.

На фоне нарастающей нищеты духовенства в конце XIX века были открыты эмеритальные кассы, кассы взаимопомощи, которые учреждались специально для обеспечения вдов и детей-сирот духовного звания, а также членов причта, вышедших за штат. Данные кассы взаимопомощи получили распространение не во всех территориях Российской империи и имели в каждой епархии свою специфику²¹⁰. Первые кассы взаимопомощи в среде духовенства начали появляться в 60-х годах XIX века: в 1864 году в Орловской епархии, в 1866 году – Самарской²¹¹, в 1885 году – Кавказской (Ставропольской)²¹², в 1899 году – Воронежской и т.д. Несмотря на то, что идея создания этих касс находила много сторонников, в большинстве епархий они появились только к началу XX века. Основная проблема их организации заключалась в сложности устройства эмеритур. В большинстве случаев это было связано с отсутствием единой нормативно-правовой базы, регулирующей их деятельность, что приводило к спорам в среде духовенства епархий²¹³.

²⁰⁹ Цыпин В. История Русской Церкви: (Синодальный период). Сергиев Посад, 2004. С. 113.

²¹⁰ Мышцын В.Н. Эмеритальные кассы духовенства // Богословский вестник. 1900. Т. 1. № 4. С. 731-754.

²¹¹ Смолич И.К. История русской церкви: 1700–1917 гг. Москва: изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. С. 296.

²¹² Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е году XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 389.

²¹³ Иконников С.А. Учреждение эмеритальных касс в епархиях центрального Черноземья во второй половине XIX века: к истории вопроса // Манускрипт. Тамбов, 2018. № 6(92). С. 22-26.

Практика организации касс взаимопомощи в епархиях отличалась вариативностью: в одних епархиях внесение взносов носило обязательный характер для всех священнослужителей и даже церковнослужителей, а в других – основывались на принципе добровольности. Вместе с тем для формирования достаточного фонда денежных средств требовалось максимально широкое вовлечение духовенства, вследствие чего в большинстве епархий в уставах закреплялся обязательный характер участия всех членов церковного причта.

Члены кассы делились на 3 разряда, в соответствии с которыми определялся размер их взносов. В случае смерти церковно- или священнослужителя его семья получала право на единовременное пособие. Взносы производились только после публикации известия о смерти церковно- или священнослужителя в епархиальных ведомостях. Так, в Харьковской епархии размеры выплат были дифференцированы в зависимости от сана умершего: семьи протоиереев и священников получали 450 рублей, семьи штатного дьякона – 300 рублей, семьи псаломщика – 200 рублей. Для прочих категорий размер пособия определялся в соответствии с тем разрядом, по которому участники кассы осуществляли взносы²¹⁴.

В Ставропольской (Кавказской) епархии взносы также носили обязательный характер для всего духовенства епархии. Ежегодные взносы производились по трем категориям: первая – 15 рублей, вторая – 10 рублей, третья – 4 рубля. Помимо членских взносов, касса пополнялась за счет добровольных пожертвований, а также процентов на капитал членских взносов. Постоянные пособия братской кассы выдавались всем после десятилетнего непрерывного взноса в размере четыре рубля на один рубль

²¹⁴ Устав кассы взаимопомощи для выдачи единовременных пособий семьям умерших священно-церковно-служителей Харьковской епархии: Утв. 2 марта 1906 г. Харьков: Епархиальная типография, 1912. С. 1-4.

взноса: первая категория – 60 рублей, вторая – 40 рублей, третья – 20 рублей в год, а вносящие по 30 рублей – 120 рублей²¹⁵.

В Курской епархии с 1900 года была установлена более дифференцированная система, включавшая семь разрядов ежегодных взносов: первый – 60 рублей, второй – 50, третий – 40, четвертый – 30, пятый – 20, шестой – 10, седьмой – 5 рублей. Члены кассы, вносящие средства на протяжении 10-14 лет и затем уволенные за штат, а равно их семьи в случае смерти вкладчика, получали пенсию согласно разряду: первый разряд – 90 рублей, второй – 75, третий – 60, четвертый – 45, пятый – 30, шестой – 15, седьмой – 7 рублей 50 копеек вне зависимости от численности членов семьи. За каждые последующие пять лет участия первоначальный размер пенсии по каждому разряду увеличивался кратно: удваивался, утраивался и т.д. Так, священнослужитель, производивший взносы по первому разряду 15 лет, получал – 180 рублей, а плативший 20 лет – 270 рублей и т.д. Если член кассы производил взносы менее 10 лет, то ни он, в случае ухода на пенсию, ни его семья, в случае его смерти, не могли претендовать на пособие²¹⁶.

В Вятской епархии касса взаимопомощи была создана в 1899 году, а участие в ней также носило обязательный характер. Отличительной особенностью кассы этой епархии было то, что взносы в кассу производились членами кассы ежегодно по пяти разрядам в размере от 4 до 20 рублей. Кроме этого, необходимо было делать взносы в случае перехода с одной должности на другую, при награждении, при нарушении правил (например, неявка без уважительной причины на епархиальные собрания, съезды, заседания и т.д.). Пенсия из этой кассы выплачивалась ежегодно, в зависимости от разряда, к которому относился священнослужитель, размера

²¹⁵ Устав Ставропольской епархиальной братской кассы (1887 и 1897 гг.) и Кассы единовременных пособий с относящимися к ним постановлениями общепархиальных съездов духовенства Ставропольской епархии: утвержден 1 декабря 1887 г. Ставрополь: Типо-Литограф. Т.М. Тимофеева, 1910. С. 4-5.

²¹⁶ Устав эмеритальной кассы духовенства Курской епархии. Курск: Тип.-Литограф. Бр. Н. и И. Ваниных, 1900. С. 5-6.

взносов и их продолжительности. Так, за 10 лет взносов священнослужитель, относящийся к первому разряду и вносивший по 4 рубля ежегодно, мог претендовать на пенсию в размере 12 рублей ежегодно, а за 25 лет – 30 рублей²¹⁷.

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что женщина в Российской империи до второй половины XIX века находилась в зависимом положении: сначала от родителей, потом от мужа. После реформ Александра II ситуация изменилась, но не для представительниц духовного сословия, что было связано с консервативно-патриархальными взглядами, закрепленными в христианстве. В то время, как представительницы из других сословий могли получить образование и выбирать профессию, для девушек духовного сословия единственной доступной формой профессиональной самореализации являлась сфера образования и просвещения. Действовавшие правовые нормы определяли для женщин духовного сословия круг обязанностей в семейно-брачной сфере, при этом обеспечивая им относительно высокий социальный статус, в том числе в случае вдовства.

Корпоративная среда духовенства играла ключевую роль в ретрансляции традиционной системы ценностей. Семейная преемственность в выборе жизненного пути, система духовного образования и материальная поддержка внутри сословия способствовали корпоративности его структуры. Корпоративная среда выступала важным механизмом сохранения идентичности духовного сословия и передачи его культурных и нравственных традиций последующим поколениям.

Строгая регламентация семейно-брачных отношений в духовном сословии Российской империи способствовала его стабильности и сплоченности. Установленные нормы препятствовали социальной

²¹⁷ Устав эмеритальной кассы духовенства Вятской епархии утв. 20 дек. 1899 г. Вятка: Тип. и лит. М.М. Шкляевой, 1907. С. 7-8.

мобильности духовенства, укрепляли его внутреннюю структуру и предотвращали размывание сословных границ. Действовавшие положения гарантировали сохранение нравственного облика духовенства, что имело важное значение для поддержания его авторитета в обществе на фоне духовно-нравственного кризиса начала XX века.

Выводы по главе:

Таким образом, стоит отметить, что социально-правовой статус женщин духовного сословия в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века формировался под влиянием ряда факторов. Начиная с XVIII века духовенство находилось под жестким государственным контролем, что стало следствием проводимых Петром I реформ. В результате преобразований к середине XIX века была сформирована особая сословная система, определявшая положение не только духовенства, но и членов их семей. С одной стороны, принадлежность к духовному сословию обеспечивала женщинам определенные привилегии, а с другой – сопровождалась рядом ограничений, существенно сдерживавших возможности социальной мобильности. Проводимая государственная политика способствовала укреплению сословной замкнутости духовенства, что во многом было связано со строгой регламентацией семейно-брачных отношений, наследованием должностей и статуса, а также закрытой системой подготовки духовенства в специализированных учебных заведениях. Установленные нормы закрепляли зависимое положение женщин, определяя их социальный статус через положение мужа в церковной иерархии.

Реформы второй половины XIX века частично разрушили замкнутость духовного сословия, повысили образовательный уровень священнослужителей, однако для девушек духовного сословия эти преобразования не имели существенного значения. В отличие от представительниц других сословий, они по-прежнему оставались

ограничены в профессиональных возможностях и в первую очередь рассматривались как матери и жены, лишь в редких случаях реализуя себя в педагогической сфере. Особенно уязвимым было положение женщин в случае потери кормильца. Вдовство сопровождалось необходимостью самостоятельного содержания и воспитания несовершеннолетних детей. Несмотря на существующие системы пенсионного обеспечения, пособия и поддержку внутри сословия, размеры выплат не позволяли вдовам вести самостоятельную и материально устойчивую жизнь без помощи благотворительных организаций и епархиальных органов власти.

Корпоративная среда духовенства обеспечивала устойчивость сословия, передачу его культурных и нравственных традиций, но вместе с тем закрепляла зависимость женщин и их роль в церковно-общественной жизни. В совокупности это определяло специфический социально-правовой статус женщин духовного сословия, отличавшийся устойчивостью и консервативностью.

Глава II. Особенности жизни женщин приходского духовенства Ставропольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.

2.1. Органы епархиального управления в жизни семей священно- и церковнослужителей

Органы епархиального управления играли значительную роль в жизни семей священно и церковнослужителей Северного Кавказа в изучаемый нами период времени. Они контролировали не только служебную деятельность духовенства, но и многие аспекты их повседневной жизни, включая материальное обеспечение, семейное положение и воспитание детей. Управление осуществлялось через Консистории – административные органы, подчиненные епархиальному архиерею. Именно они утверждали назначения и перемещения священнослужителей, рассматривали вопросы содержания вдов и сирот, а также регулировали порядок вступления в брак и возможные исключительные случаи расторжения браков в духовном сословии.

До середины XIX века финансирование приходских церквей осуществлялось за счет местных источников, включая кружечные и кошелевские сборы, добровольные пожертвования прихожан, а также доходы от сдачи в аренду церковного имущества²¹⁸. Эти средства обеспечивали как содержание храмов, так и выплату духовенству, однако их объем зависел от благосостояния прихода, что приводило к значительным различиям в материальном положении духовенства и их семей.

С целью повышения социального статуса духовенства и стабилизации его доходов была проведена реформа церковных штатов, предполагавшая постепенное введение штатных окладов для всех священно и церковнослужителей. Однако с воцарением Александра II данный процесс

²¹⁸ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 207.

был приостановлен, что оставило значительную часть духовенства по-прежнему зависимой от приходских сборов и добровольных пожертвований²¹⁹.

В ходе реформы была проведена оптимизация штатов сельских приходов Кавказской епархии. В трехштатных церквях количество клириков сократили с двух диаконов и шести причетников до одного диакона и трех причетников, в двухштатных – с четырех причетников до двух дьячков и одного пономаря, а в одноштатных осталось по одному дьячку и пономарю. Многие трехштатные приходы были преобразованы в двухштатные, а двухштатные – в одноштатные, что привело к массовому выведению священнослужителей за штат и лишению их жалования.

По инициативе Кавказской духовной консистории, поддержанной епископом Иеремией, благочинные подготовили индивидуальные заключения на каждого клирика, на основании которых консистория принимала решение о включении в штат. Священнослужители, оставшиеся за штатом, получали приоритет при заполнении вакантных мест, а до их появления сохраняли право на пользование церковной землей и жильем. Кроме того, им выделялась двойная доля от добровольных пожертвований прихожан по сравнению с их штатными коллегами²²⁰.

К середине XIX века в Кавказской епархии сложилась непростая жизненная обстановка для духовенства, особенно у духовенства казачьего войска. Православное население епархии было малообеспеченным материально и незначительно по численности, а в связи с «отпаданием многих в раскол» не могло поддерживать свое духовенство в материальном отношении. В связи с этим, приходскому духовенству, а также епархиальным

²¹⁹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). Москва: Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С 123

²²⁰ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е году XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 210.

властям и государству приходилось искать пути к улучшению жизни священно и церковнослужителей²²¹.

В Кавказской епархии во второй половине XIX века существовали приходы, в которых духовенство пользовалось достаточными средствами в содержании и не нуждались в поддержке со стороны государства. Таких приходов было значительно меньше тех, в которых ощущался недостаток в обеспечении и требовалась помощь государства по улучшению материального положения духовенства. Как правило, ситуация осложнялась в семьях с большим количеством детей, которых необходимо было не просто содержать, но и дать положенное образование. Семинарии и училища располагались в городах, где содержать детей было значительно сложнее. Согласно данным, опубликованным в Кавказских епархиальных ведомостях, в 1878 году содержание одного ребенка, обучающегося в г. Ставрополе обходилось в среднем в 180 рублей, а если таких детей было четверо, то в 720 рублей²²². Как следствие, у таких семей мало средств оставалось на собственное содержание.

Проблема положения усугублялась тем, что в ряде случаев семьи священнослужителей были многодетными. Рассматривая уровень детности в Кавказской епархии в семьях духовенства по состоянию на 1845 год, стоит отметить, что семей с тремя и более детьми заметно больше было в Ставропольском округе: из 321 таких семей 135, а это 42%, проживали в данном округе. В этом округе также фиксировался один из самых низких показателей бездетности – из 237 семей только 64 (27%) не имели детей. В то же время Черноморский округ отличался противоположной тенденцией: занимал первое место по количеству бездетных семей – 105 (44,3%), а число

²²¹ Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // СЕВ. 1888. № 19. С. 773.

²²² О нужде учреждения церковно-приходских попечительств в Кавказской епархии и предметах их деятельности // КЕВ. 1878. № 9. С. 323-324.

многодетных было относительно невелико – лишь 100 (31%). На начало 1850 года в семьях духовенства Кавказской епархии насчитывалось 1512 детей²²³.

На территории Кавказской епархии были многодетные семьи духовенства, но их было меньше, чем в других епархиях Российской империи. Так, например, в семье дьякона села Безопасного С. Зеленского, было 8 детей²²⁴, в семье священника ст. Славянской Кубанской области А. Подольского – 4 детей²²⁵, в семье настоятеля Троицкой церкви ст. Должанской Кубанского войска священника А. Кравченко – 6 детей²²⁶. Однако многодетных семей в среде духовенства в Кавказской епархии было немного, что можно объяснить сложными социально-экономическими условиями региона, нестабильной демографической ситуацией вследствие военных конфликтов и эпидемий, а также поздним возрастом вступления в брак среди духовенства региона.

Семьи священно и церковнослужителей оказывались в достаточно сложном положении, в случае смерти отца семейства или уходом его за штат (в том числе на пенсию). С целью поддержки священно и церковнослужителей ушедших на пенсию, а также вдов и сирот духовного звания, в 1823 году было издано Положение о призрении бедных духовного звания в соответствии с которым в епархиях Российской империи начали учреждаться ведомственные органы попечительства, так на Северном Кавказе было создано Кавказское попечительство о бедных духовного звания. Сироты получили возможность обучаться в училищах на казенном содержании, вдовы и девушки-сироты получили ряд привилегий при определении в просфорницы при Церквях, а также право на половинную

²²³ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е году XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 242.

²²⁴ ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 174. Л. 1.

²²⁵ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 429. Л. 1.

²²⁶ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 497. Л. 1.

долю дохода от причетнических мест, или на особое добровольное подаяние от прихожан²²⁷.

Девушки, как правило, могли устроиться при церкви для печения просфор, а также заниматься шитьем. Согласно реформе церковных штатов, должность просфорницы вводилась при каждой церкви²²⁸, при этом вдовы и сироты духовенства были в приоритете при определении на просфорнические места. Инословных девушек и жен священно и церковнослужителей определяли на вакантные должности просфорниц временно, до тех пор, пока в должности не будет утверждена вдова или сирота духовного звания²²⁹.

За печение просфор было установлено жалование, однако сумма не была регламентирована, поэтому в каждой церкви сумма колебалась от 7 рублей до 60 рублей, в некоторых приходах и выше. Размер жалования зависел от состоятельности прихода. Так, вдове священника М. Макаровой в 1848 году было отказано в выделении пособия для подготовки приданого дочери, в связи с тем, что она получала жалование за печение просфор 28 рублей 57 копеек в год²³⁰. В связи с тем, что фиксированная выплата за печение просфор не была установлена, епархиальные власти приняли решение руководствоваться при вознаграждении ценой материалов и «усердием» прихожан²³¹.

Согласно ведомостям о заштатных священно и церковнослужителях, вдовах и сиротах за 1865 год вдова священника ст. Камышевской А. Евстафьева получала за печение просфор 30 рублей в год²³², вдова дьякона

²²⁷ Положение о призрении лиц духовного звания. Санкт-Петербург, 1828. С. 12.

²²⁸ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е году XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 211.

²²⁹ ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 90. Л. 1.; ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 64. Л. 1.

²³⁰ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 34. Л. 3-4.

²³¹ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е году XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 372.

²³² ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 300. Л. 4-5.

в с. Новогеоргиевском – получала 15 рублей в год, вдова дьячка в с. Красная Поляна – 11 рублей 76 копеек в год²³³, вдова дьякона в г. Ставрополь – 15 рублей 68 копеек в год²³⁴. Согласно ведомостям за 1871 год вдова священника ст. Солдатской за печение просфор получала 48 рублей в год²³⁵, вдова дьякона в г. Ейске – 60 рублей²³⁶. В 1880 году вдова причетника М. Ветлицкая за печение просфор получала 3,50 рубля в полгода.

Просфоры во многих приходах выпекались из муки, полученной от прихожан. Для нужд церкви просфоры выпекались на продажу в среднем 3-5 копеек за штуку, а за год в среднестатистической церкви выпекалось около 2000 шт. в год, а соответственно доход составлял 60-100 рублей²³⁷. В церквях станиц Черноморского войска не было хлебных сборов, в связи с чем они выпекались за счет жалования, выделяемого просфорницам²³⁸. Из-за расходов на муку и дрова, просфорницам едва оставались средства на собственные нужды, при этом доход от продажи просфор предназначался главным образом для содержания осиротевшей семьи.

В Кавказской епархии девушки-сироты могли рассчитывать на пособие от Попечительства для приобретения приданого в случае вступления в брак. Так, дочери умершего священника ст. Роговской получали единовременные пособия по 25 рублей каждая для сбора приданого: Е. Илейская (в 1854 году)²³⁹, М. Илейская (в мае 1855 года) и А. Илейская (в феврале 1855 года). При этом на пособие могли рассчитывать даже сироты духовного сословия, которые вступали в брак за представителя другого сословия. Самая младшая Мария вступила в брак со служащим в войске Черноморским есаулом Н. Камянским²⁴⁰. В 1894 году было выделено 50 рублей вдове псаломщика

²³³ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 300. Л. 9-10.

²³⁴ Там же. Л. 10-11.

²³⁵ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 387. Л. 100-101.

²³⁶ Там же. Л. 120-121.

²³⁷ ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 64. Л. 1.

²³⁸ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 88. Л. 4-5.

²³⁹ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 141. Л. 5.

²⁴⁰ Там же. Л. 12-12об.

ст. Каменобродской М. Четыркиной, в связи со смертью мужа и отсутствием средств на женитьбу младшей дочери²⁴¹.

Из-за многочисленности семьи духовенства, их дочерям редко собирали хорошее приданое, поэтому найти соответствующего по статусу мужа также удавалось не каждой. В архивных документах нередко можно встретить упоминания о случаях проживания с родителями дочерей старше 25 лет, которые в народе получали обидное прозвище «вековуха». Как один из таких примеров, можно привести семью дьячка А. Прохорова в с. Ладовская Балка вдова по состоянию на 1865 год проживала с двумя дочерьми 29 лет и 15 лет в собственном доме. Получая от Попечительства по 10 рублей в полгода, она не получала никакой помощи от старшего сына дьячка Ивана, а младший пономарь Дионисий помогал по мере возможности²⁴². В ст. Ильинской Кубанской области в 1871 году проживала вдова священника Ксения с дочерью-девицей Анной 44 лет²⁴³, а в ст. Петропавловской Кубанской области в 1900 году проживала вдова псаломщика Прасковья с неспособной к труду дочерью Ксенией 35 лет²⁴⁴.

Нередко вдовы и сироты просили о выделении средств на конкретные цели: ремонт дома, подготовку к поступлению дочерей в училища и сыновей в семинарии, а также в случае несчастий (пожар, неурожай, грабеж и т. д.), а также на подготовку приданого дочерям²⁴⁵. Однако, на такие нужды средства выделялись после проверки сведений. Так, вдова священника М. Образцова в 1864 году попросила у Попечительства выделить средства на ремонт дома²⁴⁶. Ей было выделено помимо уже выплачиваемого ей ежегодного пособия – единовременное на починку до 50 рублей после подтверждения фактов, указанных в прошении вдовы, протоиереем Ф. Пospelовым «вдова имеет

²⁴¹ ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 37. Л. 1.

²⁴² ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 300. Л. 16-17.

²⁴³ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 382. Л. 1.

²⁴⁴ ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 102. Л. 1.

²⁴⁵ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-1об.

²⁴⁶ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 288. Л. 1-1об.

здоровье слабое, рука прожжена мокрым лишаем, почему работать не может ... дом в действительности в большом запущении: крыша течет ... рамы гнилые и трещат от малейшего ветра... кроме того, их обокрали похитив все что имелось её и дочери, отчего остаются полураздетые ... пособие им необходимо»²⁴⁷.

Сироты и вдовы, имеющие на местах родственников, которые могли заботиться о них, пособия не получали, в особых случаях могли рассчитывать только на единовременную выплату. Когда вдова священника М. Долгополова 65 лет «хорошего поведения, слабого здоровья», проживающая в доме сына дьякона станицы Новоцербиновской Л. Долгополова обратилась за помощью в Попечительство, ей было выделено лишь единовременное пособие в размере 20 р. серебром в 1864 г.²⁴⁸. Однако в Кавказской епархии встречались случаи, когда вдовам и сиротам, определенных при родственниках, выделялось ежегодное пособие. Так, вдова священника с. Новозаведенного С. Устиновская жила с 8 детьми при зяте священнике, определенном на место тестя с обязательством помогать теще в содержании семьи, получала пособие 20 рублей раз в полгода. При этом сын Василий обучался в Ставропольском духовном училище на казенном содержании²⁴⁹. Вдова протоиерея ст. Исправной В. Иванова «90 лет весьма слабая здоровьем» и без детей проживала у зятя и получала пособие – 15 рублей в полгода²⁵⁰. Вдова священника с. Николаевка С. Кравченко и четверо детей были определены в дом родного дяди священника А. Михайлова в с. Новоегорлыцкое. Двое сыновей обучались в Ставропольском духовном училище на казенном содержании, а вдова получала пособие от попечительства в размере 12 рублей 50 копеек²⁵¹.

²⁴⁷ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 288. Л. 3-4.

²⁴⁸ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 300. Л. 4-5.

²⁴⁹ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 309. Л. 13-14.

²⁵⁰ Там же. Л. 2-3.

²⁵¹ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 387. Л. 43-44.

В случае смерти отца сиротам назначали опекуна, в приоритете всегда рассматривались мать-вдова, либо ближайшие родственники. В случаях, когда у сирот не оказывалось родственников или они отказывались брать над ними опеку, их могли определить под опеку в пожелавшую их взять семью священно и церковнослужителя. Так, вдова священника ст. Курской А. Борисова и пятеро детей были определены к священнику И. Акимову в с. Константиновка. При этом, двое сыновей обучались в Ставропольском духовном училище на казенном содержании, а вдова получала от попечительства 15 рублей в год²⁵². В 1878 году в ст. Брюховецкой опекуном и попечителем над детьми умершего псаломщика был назначен псаломщик этой же станицы²⁵³.

Епархиальное начальство и Попечительство осуществляло контроль за опекунами и в случае выявления нарушений прав опекаемых, могли назначить нового опекуна, либо потребовать раздела имущества или взыскания средств в случае выявления необоснованных трат. Так, в 1881 году в ст. Николаевской после выявления опекуном трат без отчета, Попечительство добилось взыскания денежных средств в пользу сироты и передало их на хранение в Государственный банк под проценты до ее совершеннолетия²⁵⁴.

Вдовы и сироты могли рассчитывать на помощь Попечительства в случае болезни, которая не давала возможности добывать средства самостоятельным трудом и становилась причиной долгового обязательства. Вдове протоиерея В. Евсеевой в связи с затяжной болезнью в течение трех месяцев и образованием долга за «квартирование» помимо получаемого пособия в размере 20 рублей в год, единовременно выплатили 10 рублей²⁵⁵. Однако, такие случаи были редки. В связи с ограниченностью средств и большим количеством призываемых вдов и сирот в архивных данных часто

²⁵² ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 387. Л. 101-102.

²⁵³ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 444. Л. 1-7.

²⁵⁴ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 479. Л. 1.

²⁵⁵ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 118. Л. 1-2.

встречаются отказы в оказании помощи. Только в 1858 году в Кавказской епархии 1830 семей получали пособие от попечительства²⁵⁶ и с каждым годом численность таких семей росло. В 1897 году вдове священника г. Ставрополя А. Ветроградской было отказано в выделении единовременного пособия, несмотря на болезнь ее и дочери, так как она уже получала ежегодное пособие в размере 50 рублей и в 1893 году ей было выделено единовременное пособие в размере 50 рублей, а в 1895 году – 20 рублей²⁵⁷.

Стоит отметить, что выделяемые суммы, не были четко регламентированы ни законодательством Российской империи, ни внутренними документами Кавказской епархии. В каждом конкретном случае попечительство самостоятельно определяло сумму для обратившегося за помощью. Выделялись средства, как правило, по полугодиям или третям года. В 1840-е годы Кавказское попечительство выделяло от 4 до 15 рублей серебром в год, а размер выделяемого пособия определялся возможностями Попечительства и необходимостью выплат: чем больше детей в семье, тем размер выплат был выше. В 1870 году сумма выплат колебалась от 16 до 50 рублей, при этом в приходах Кубанской области выплаты были выше, чем в приходах Ставропольской губернии. К 1900 году размер выплат колебался от 10 до 40 рублей, а отсутствие роста сумм выплат можно объяснить уже существовавшей к тому времени кассой взаимопомощи, которая также оказывала помощь бедным духовного звания²⁵⁸.

При определении нуждающихся в попечении, все сведения тщательно проверялись посредством справок по Консistorии, а также в случае надобности посредством местного духовенства через попечителей и сотрудников. Список нуждающихся ежегодно пересматривался и

²⁵⁶ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 2. Москва: Паломник, 2006. С. 472.

²⁵⁷ ГАСК. Ф.361. Оп.2. Д.77. Л. 1.

²⁵⁸ ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 125.; ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 174. Л. 7.; ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 392; ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 102.; ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 114.

возобновлялся, а вышедшие из «беспомощного состояния», из списка призреваемых исключались.

Дети священнослужителей, исключенных из духовного сословия по разным причинам, не исключались вместе с родителем и получали пособие до 1902 года. В Старощербиновской станице (Кубанская область), например, трое детей исключенного из духовного звания дьяка Дмитрия Ершова жили в доме родителей и получали пособие в размере 24 рубля в год, а старший сын Исидор обучался в Екатеринодарском училище на казенном содержании²⁵⁹.

Из разных источников на призрение бедных духовного звания Кавказской епархии в среднем поступало от 15000 до 35000 рублей в разные годы. Так, в 1876 году согласно отчету Попечительства на счет поступило 3998 рублей из кружечных сборов, 2659 рублей пожертвовано по пригласительным листам разными лицами, 174 рубля 81 коп. – штрафные деньги, 4011 рублей 39 коп. – проценты на капитал, «закрывающийся в банковых билетах разных кредитных учреждений» и иных источников²⁶⁰. В общей сложности в 1876 году в кассу поступило 11426 рублей 37 коп. наличными и 23000 билетами. А всего с остаточными за прошлый год деньгами в кассе Попечительства было 12599 рублей 22 коп. деньгами и 47360 рублей билетами. За вторую половину 1875 года и первую половину 1876 года было выдано пенсий бедным престарелым священно и церковнослужителям, а также вдовам и сиротам духовного звания – 7780 рублей, единовременными пособиями – 120 рублей, отослано в совет Кавказского епархиального женского училища процентных денег на капитал училища, который состоял в ведении попечительства – 1740 рублей, в другие епархии для обеспечения бедных духовного звания из Кавказской епархии – 70

²⁵⁹ ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 300. Л. 2.

²⁶⁰ Извлечение из отчета о суммах на призрение бедных духовного звания и на содержание канцелярии и здания попечительства по Кавказской епархии за 1876 год. // КЕВ. 1878. № 4. С. 126-128.

рублей. К началу 1877 года в кассе попечительства оставалось 2105 рублей 88 коп. наличными и 47360 рублей 40 коп. билетами²⁶¹.

Стоит обратить внимание, что в случае проживания вдов и сирот Кавказской епархии в других епархиях, им направлялись суммы из кассы Кавказского попечительства в другие епархии по месту их жительства. Так, в 1876 году было направлено 30 рублей в Тамбовское попечительство о бедных духовного звания для выдачи пособия переехавшей туда вдове священника М. Поповой, в Смоленское попечительство для выдачи пособия вдове священника Е. Соколовой – 40 рублей²⁶².

Помощь семьям оказывалась даже в случаях, когда супруг был наказан за проступки и низведен в должности. Так, жене низведенного за проступки в причетники священника и отправленного в Смоленскую епархию Н. Оглоблиной было назначено пособие от Попечительства, в связи с тем, что она осталась одна с тремя детьми «без всяких средств к существованию, небольшой дом дохода не приносит, напротив по своей ветхости требует постоянной ремонтровки»²⁶³. Несмотря на все попытки облегчить положение бедных духовного звания, этих мер было недостаточно для улучшения положения духовенства и их семей.

С 1864 года в Российской империи стали возникать церковные братства. Состояли они из православных лиц разного звания и состояния для служения нуждам и пользам Православной церкви, для созидания и украшения храмов, благотворительности и духовного просвещения, а также защиты православной религии. Данные организации создавались при церквях и монастырях, с благословения и утверждения епархиального архиерея. Каждое братство имело свой собственный устав. Законодательство оставляло

²⁶¹ Извлечение из отчета о суммах на призрение бедных духовного звания и на содержание канцелярии и здания попечительства по Кавказской епархии за 1876 год. // КЕВ 1878. № 4. С. 126-127.

²⁶² Там же. С. 127-128.

²⁶³ Журналы Кавказского епархиального съезда. О выдаче пособия их Кавказского попечительства Оглоблиной. // КЕВ. 1878. № 21. С. 770.

право братствам самостоятельно определять в уставах цели учреждения, обязанности членов, условия и порядок исполнения обязанностей и условий²⁶⁴.

В г. Ставрополе в 1873 году было организовано такое братство с дозволения епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа по инициативе нескольких лиц из разных сословий во главе с ректором Кавказской духовной семинарии архимандрита Тихона. Православное братство во имя Св. Апостола Андрея Первозванного (далее – Андреевское братство) было открыто с целью распространения православной веры в Кавказской епархии при Андреевской церкви.²⁶⁵ В отличие от Попечительства о бедных духовного звания, куда средства вносились в основном духовенством, в кассу Ставропольского Андреевского братства жертвовали как священнослужители, так и представители различных слоев населения²⁶⁶.

Андреевское братство кроме своей основной просветительской и миссионерской деятельности, также, как и Кавказское попечительство, оказывало материальную поддержку бедным. Примером может служить случай, когда жена заштатного священника Беликова, мать 8 малолетних детей, требующих образования, «нищенски поддерживала жизнь» в Ставрополе, получая пособие в размере 60 рублей в год из Попечительства и имея «кое-какие заработки», в 1878 году получила от Андреевского братства 25 рублей в качестве единовременного пособия²⁶⁷.

Андреевское братство по просьбам семей выделяло также средства для подготовки приданного дочерям или для их подготовки к поступлению в училище. Важно отметить, что средства, как Попечительством, так и

²⁶⁴ Высочайше утвержденное положение Комитета министров, опубликованное 10 июня. О правилах для учреждения Православных церковных братств. // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 39. Ч. 1. № 40863.

²⁶⁵ Распоряжения епархиального начальства. // КЕВ. 1873. № 18. С. 578-579.

²⁶⁶ Объявления // КЕВ. 1873. № 21. С. 703-704.

²⁶⁷ Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Братства Апостола Андрея Первозванного за 1876/1877 братский (IV) год (Окончание). // КЕВ. 1878. № 3. С. 108.

Братством, выделялись не на покупку готовой одежды для приданного, а на материалы для ее пошива. Вдове священнослужителя в 1879 году было выделено пособие в размере 25 рублей для приготовления дочери к поступлению в епархиальное женское училище: покупка учебников и материалов для пошива училищного платья²⁶⁸.

Андреевское братство было не единственным в Кавказской епархии, которое оказывало поддержку бедным и сиротам. Таких обществ было много, однако самым «мощным по своей деятельности» были Андреевское братство и братство Святого равноапостольного кн. Владимира (далее Владимирское братство), которые в последующем слились в одно Андреево-Владимирское братство²⁶⁹.

Владимирское братство изначально было открыто в 1888 году как «Кружок учредителей бесплатных столовых» для бедных г. Ставрополя²⁷⁰, а в 1889 году преобразовалось в братство. Владимирское братство открыло и содержало бесплатную столовую, «убежище для бездомных», «убежища для бесприютных детей» (для мальчиков и девочек отдельно)²⁷¹. В 1893 году два братства были объединены в одно Андреево-Владимирское братство, и с этого времени отмечается значительный рост деятельности общества, как в количественном, так и в качественном отношении²⁷². Андреево-Владимирское братство стремилось оказывать содействие и пособие Епархиальным властям, причтам, церковно-приходским школам в охранении, утверждении и распространении православной веры на Северном Кавказе, а также содействовать проявлению истинно христианской любви и милосердия

²⁶⁸ Отчет о состоянии и деятельности Андреевского Братства в гор. Ставрополя на Кавказе за 1877-1878 братский (пятый) год (Окончание). // КЕВ. 1879. № 2. С. 79.

²⁶⁹ Любушкина Е.Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика. дис. ... д.и.н. Ставрополь, 2012. С. 383.

²⁷⁰ Там же. С. 385.

²⁷¹ Разные известия: общее собрание членов Свято-Владимирского братства // СЕВ. 1888. № 21. С. 878.

²⁷² Любушкина Е.Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика. С. 387.

к сиротам, бедным и беспомощным «всякого звания и состояния»²⁷³. Как благотворительное общество, Андреевско-Владимирское братство ставило перед собой целью «доставление бедным, преимущественно сиротам, малолетним и старцам беспомощным обою пола, всех классов, средств к улучшению их материального и религиозно-нравственного состояния»²⁷⁴.

Помимо Андреевско-Владимирского братства на территории Северного Кавказа открывались и другие. В г. Екатеринодаре с 1892 года начало свою работу Екатеринодарское Александро-Невское религиозно-просветительское Братство²⁷⁵. В ст. Новощербиновской (Кубанская область) в 1901 году основано Православно-церковное братство св. Великомученика Артемия²⁷⁶, в г. Майкопе в 1891 году Майкопское Свято-Осиевское Братство²⁷⁷ и др.

В 1885 году с целью обеспечения вдов и сирот священно и церковнослужителей посредством выдачи им определенных пособий, независимо от сумм, выдаваемых Попечительством, в Кавказской (Ставропольской) епархии была создана братская касса взаимной помощи духовенства. Все священно и церковнослужители епархии были членами кассы и должны были «нравственно и материально содействовать его целям»²⁷⁸.

Братская касса пополнялась за счет ежегодных членских взносов от каждого вкладчика, ежегодных процентов на собранный капитал из добровольных пожертвований от духовенства и сострадающих лиц, а также

²⁷³ Устав Церковного Андреевско-Владимирского братства, что в г. Ставрополе-Кавказском // СЕВ. 1893. № 2. С. 15-16.

²⁷⁴ Там же. С. 17

²⁷⁵ Любушкина Е.Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика. С. 388-389.

²⁷⁶ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3685. Л. 69об.

²⁷⁷ Майкопское Св.-Осиевское Братство (из речи Председателя на 17 октября 1900 г.). // СЕВ. 1901. № 23. С. 1358.

²⁷⁸ Уставы Ставропольской епархиальной братской кассы (1887 и 1897 гг.) и Кассы единовременных пособий с относящимися к ним постановлениями общеeparхиальных съездов духовенства Ставропольской епархии: утвержден 1 декабря 1887 г. Ставрополь: Типо-Литогр. Т.М. Тимофеева, 1910. С. 2-3.

из других источников. Как уже отмечалось ранее, ежегодные членские взносы духовенством Ставропольской епархии в Братскую кассу вносились по трем категориям: первая – 15 рублей, вторая – 10 рублей, а третья – 4 рубля. При этом желающие могли вносить средства по всем трем категориям. Не внесенные средства в кассу вовремя подвергались пене в размере одного процента с каждого рубля не внесенной суммы за каждый просроченный месяц. Не представивший взнос в течение года без уважительной причины лишался права на пособие кассы. Платеж мог быть отсрочен на один год правлением Братской кассы, если плательщик пострадал в результате несчастного случая и своевременно письменно заявил об этом правлению с обязательством доставить следующий взнос с добавлением пяти процентов в год на каждый рубль²⁷⁹.

Постоянные выплаты из братской кассы назначались тем вкладчикам, которые на протяжении десяти лет регулярно производили взносы и затем оставили службу; размер пособия определялся из расчета четыре рубля на каждый рубль ежегодного взноса. В случае смерти вкладчика, лишения его гражданских прав, безвестного отсутствия, признания умалишенным или утратившим дееспособность вследствие пьянства право на получение содержания переходило к наследникам. К их числу относились исключительно только жена (вдова) и дети: сыновья – до достижения двадцати одного года при условии, что они не поступили на службу, и дочери – до замужества. Неизлечимо больные, увечные, слепые, глухонемые, неспособные к труду дети вкладчиков по свидетельству врача и удостоверению благочинного имели право получать пособие пожизненно²⁸⁰.

Вместе с тем устав предусматривал перечень обстоятельств, влекших утрату права на выплаты. К таковым относились: лишенные прав состояния

²⁷⁹ Уставы Ставропольской епархиальной братской кассы (1887 и 1897 гг.) и Кассы единовременных пособий с относящимися к ним постановлениями общеeparхиальных съездов духовенства Ставропольской епархии: утвержден 1 декабря 1887 г. Ставрополь: Типо-Литограф. Т.М. Тимофеева, 1910. С.4.

²⁸⁰ Там же. С. 7.

по решению суда, вышедшие или исключенные из духовного звания, заключенные в монастырь, поступившие в монашество, перешедшие на службу в другую епархию или ведомство, «нетерпимые на службе по своей не трезвой и буйной жизни», вдовы, вступившие в брак, и дети, достигшие гражданского совершеннолетия или поступившие на службу, кроме незамужних дочерей-сирот²⁸¹.

В соответствии с обновленным Уставом Ставропольской епархиальной братской кассы 1897 года, переходы из одних разрядов в другие были запрещены. Уставом также был установлен фиксированный размер ежегодных взносов в зависимости от занимаемой должности при церкви: священники вносили 30 рублей, дьяконы – 20 рублей, псаломщики – 10 рублей. Пособия выдавались только заштатным церковно- и священнослужителям, а также вдовам и сиротам независимо от количества лет взноса. Право на получение содержания приобретали лица, вышедшие или уволенные за штат по преклонности лет, слабости здоровья, несчастным семейным и другим обстоятельствам. Размер постоянных выплат был увеличен и составлял 8 рублей на каждый рубль взноса, а именно 240 рублей, 160 рублей и 80 рублей соответственно²⁸². В остальном в Уставе 1897 года порядок выдачи пособий остался неизменным.

Постановлением общепархиального съезда духовенства Ставропольской епархии в 1898 году было дополнено, что занятие должности просфорницы не лишает дочерей и вдов права на пособие от кассы в полном размере. В 1903 году к параграфу 20 Устава были внесены пояснения, в соответствии с которыми для вдов вкладчиков единственным основанием утраты права на содержание признавалось вступление в новый брак. Независимо от занимаемой должности, они сохраняли право на

²⁸¹ Уставы Ставропольской епархиальной братской кассы (1887 и 1897 гг.) и Кассы единовременных пособий с относящимися к ним постановлениями общепархиальных съездов духовенства Ставропольской епархии: утвержден 1 декабря 1887 г. Ставрополь: Типо-Литограф. Т.М. Тимофеева, 1910. С. 7-8.

²⁸² Там же. С. 6-7.

выплаты пожизненно. Это распространялось и на вдов, занимающих должности начальниц, их помощниц, воспитательниц и их помощниц в Епархиальных училищах. Дочери пользовались пособием из кассы, пока оставались «не пристроенными», то есть не поступили на службу или не вышли замуж. Если они оставляли службу, то становились «не пристроенными» и выплата пособий возобновлялась. Под службой понималась деятельность, связанная с получением постоянного жалования. Девушки-сироты не получали пособия, если работали учительницами народных школ, начальницами и их помощницами учебных заведений, воспитательницами и их помощницами, врачами и т. д. Если девушки-сироты занимались «свободными профессиями», такими как дантистка, акушерка, учительница музыки и пр. и не получали постоянного жалования, а соответственно в любой момент могли оказаться в безвыходном положении, право на пособие за ними сохранялось²⁸³.

В 1906 году на очередном общепархиальном съезде духовенства Ставропольской епархии был заслушан доклад комиссии, констатировавший неблагоприятную динамику финансового состояния братской кассы: при постепенном сокращении доходов наблюдался устойчивый рост расходов. За 8 лет осуществления выплат объем средств, направляемых на пособия, увеличился вдвое. Постановлением съезда было принято решение пригласить специалиста математика для проведения расчетов и выработать новый проект изменений в Устав кассы²⁸⁴.

Постановлением съезда 1909 года размеры пенсий были сохранены по Уставу кассы (1897 года), однако круг лиц, имеющих право на получение пособий, был пересмотрен. За вдовами закреплялось право на получение полной пенсии независимо от занимаемой ими должности. Вместе с тем

²⁸³ Уставы Ставропольской епархиальной братской кассы (1887 и 1897 гг.) и Кассы единовременных пособий с относящимися к ним постановлениями общепархиальных съездов духовенства Ставропольской епархии: утвержден 1 декабря 1887 г. Ставрополь: Типо-Литограф. Т.М. Тимофеева, 1910. С. 14.

²⁸⁴ Там же. С. 18.

лица, состоявшие на государственной и частной службе и имевшие доход не ниже установленной эмеритуры, лишались права на выплаты из кассы. К числу исключенных из числа получателей относились также врачи, дантисты, акушерки, лица, занимавшиеся торговлей и иными видами деятельности, обеспечивавшими самостоятельное содержание. С 1910 года в связи с финансовыми затруднениями были увеличены размеры членских взносов: для первого разряда – на 9 рублей, для второго – на 6 рублей, для третьего – на 3 рубля. Вновь поступающие вкладчики в течение первых 10 лет должны были делать взносы в размере 60 рублей по первой категории, 40 рублей – по второй, 20 рублей – по третьей²⁸⁵. Кроме того, при получении духовенством наград было принято решение об обязательном внесении пожертвований в пользу братской кассы²⁸⁶.

В 1896 году было решено при Ставропольской братской кассе создать Епархиальную кассу единовременных пособий осиротевшим семьям священно и церковнослужителей (похоронная касса). Все священно и церковнослужители епархии должны были делать взносы в случае смерти «собратьев» в пользу осиротевших семей (вдовы и не пристроенных детей): священники – 1 рубль 50 копеек, дьяконы – 1 рубль, псаломщики – 50 копеек. Теперь, например, в случае смерти дьякона какого-нибудь села Ставропольской епархии, все дьяконы епархии должны были сделать взносы по 1 рублю и так далее. Вышедшие за штат от обязательств делать взносы освобождались, но за их семьями сохранялись права на получение пособий²⁸⁷.

При учебных заведениях также могли быть согласно нормам закона организованы различные попечительства. Исходя из этого, в 1900 году было

²⁸⁵ Уставы Ставропольской епархиальной братской кассы (1887 и 1897 гг.) и Кассы единовременных пособий с относящимися к ним постановлениями общеeparхиальных съездов духовенства Ставропольской епархии: утвержден 1 декабря 1887 г. Ставрополь: Типо-Литограф. Т.М. Тимофеева, 1910. С. 29.

²⁸⁶ Там же. С. 30.

²⁸⁷ Там же. С. 5-6.

организовано при Ставропольской духовной семинарии Попечительство о бедных воспитанниках и воспитанницах духовно-учебных заведений Ставропольской епархии. Основной целью данной организации было попечение о бедных воспитанниках духовной семинарии и духовных училищ и воспитанницах епархиальных женских училищ. Попечительство могло выделять денежные пособия, бесплатно выдавать книги и другие учебные пособия,²⁸⁸ оно брало на себя решение ряда социально-бытовых проблем.

Таким образом, епархиальные органы Ставропольской кафедры играли важную роль в социальной защите семей духовенства на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. Со временем в работу по оказанию помощи духовенству и членам их семей включались организованные различные благотворительные общества, братства. Помимо организации мер, направленных на улучшение материального положения семей духовенства, органы епархиального руководства осуществляли контроль в сфере соблюдения порядка вступления в брак и воспитания детей.

Особое внимание епархиальная власть уделяла судьбе женщин и детей духовенства: вдовы и сироты получали приоритет в устройстве на должность просфорниц при церквях, могли рассчитывать на пособия для приданого дочерей и образования детей, а также на опеку со стороны родственников или представителей духовного сословия. Стоит отметить, что материальная поддержка и социальные гарантии зависели от благосостояния прихода и ресурсов епархиальных структур. Несмотря на масштабность указанных выше мер, их не хватало для решения проблем семей духовенства, оказывающихся порой в маргинальных ситуациях. Однако данные меры выполняли важнейшую задачу, они смягчали чувство сиротства и сглаживали тяжесть материального гнета семей духовенства, а также

²⁸⁸ Устав попечительства о бедных воспитанниках и воспитанницах духовно-учебных заведений Ставропольской епархии. // СЕВ. 1900. № 1. С. 4.

укрепляли внутрисословную сплоченность в преодолении жизненных трудностей.

2.2. Традиции обучения и воспитания девушек духовного сословия

Образование всегда играло роль важного социального лифта в обществе. После реформ второй половины XIX века для девушек духовного сословия открылись значительные перспективы участия в системе развивающегося народного образования в Российской империи. В отличие от европейских стран, развитие капитализма в России не привело к глубокому вовлечению женщины в промышленное производство. Незамужние девушки зачастую не находили себе места ни в сельской, ни в городской жизни, где им отводилась роль лишь прислуги. В результате этих процессов многие из них выбирали монастырскую жизнь или стремились получить образование, чтобы работать в сфере образования или медицины, таким образом внося свой вклад в развитие общества²⁸⁹.

Согласно статистике, духовенство было значительно образованнее других сословий, а по некоторым данным даже превосходило дворянство. В коллективной монографии «Женщина в православии» авторы в качестве аргумента представляют соотношение образованного духовенства и дворянства. По приводимым ими данным, в середине XIX века среди священников насчитывалось 83% людей со средним и высшим образованием, в то время как в среде высшей бюрократии – только 61 %²⁹⁰.

Несмотря на то, что необходимость женского образования была очевидна, дело развития сети женских учебных заведений в Российской империи продвигалось достаточно медленно. Первые учебные заведения для

²⁸⁹ Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10, № 1. С. 64-70.

²⁹⁰ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. С. 305-306.

девушек начали появляться в конце XVIII века, однако они были предназначены для девушек «благородного происхождения», в то время как общественная роль женщины ограничивалась лишь семьей и замужеством. В первых учебных заведениях на этом этапе девушек из дворянского сословия готовили к семейной жизни²⁹¹. Начиная с XIX века в обществе изменилось представление о женском образовании и последнее стало проникать в другие сословия, в том числе купеческое, а немного позднее и в духовное.

В первой половине XIX века девушки из духовного сословия получали хорошее домашнее образование, включающее в себя азы грамотности и счета²⁹². В решении этого вопроса важная роль отводилась монастырям, при которых открывались школы и училища. Первые такие школы начали появляться с конца 30-х годов XIX века и представляли собой приюты для девочек-сирот духовного звания, а затем возникли духовные училища²⁹³.

Программа большинства монастырских школ не выходила за рамки начального обучения, а уровень подготовки в монастырских училищах был не хуже подготовки в епархиальных женских училищах²⁹⁴. Обучением девочек занимались жены монастырских причтов, образованные монахини и послушницы, священнослужители²⁹⁵. Изначально по собственной инициативе, а в дальнейшем по утвержденному государством регламенту женские монастыри стали заниматься благотворительной деятельностью, открывали амбулатории, больницы и аптеки, к которым привлекали воспитанниц монастырского училища. Данный профиль их специализации

²⁹¹ Попова О. Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX веков. Социальный статус, стремления и возможности. Санкт-Петербург: Лань, 2019. С. 11.

²⁹² Попова О. Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX веков. Социальный статус, стремления и возможности. Санкт-Петербург: Лань, 2019. С. 13.

²⁹³ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. С. 264.

²⁹⁴ Там же. С. 284-285.

²⁹⁵ Там же. С. 266.

привел к тому, что в некоторых губерниях при таких монастырях стали готовить фельдшерниц и сестер милосердия²⁹⁶.

С середины XIX века в Российской империи начали появляться епархиальные женские училища. Первоначально их задачей была подготовка образованных жен духовенства, которые могли вывести образование своих детей на новый уровень и воспитать в них достойных представителей своего сословия. Со временем они стали «социальным лифтом» помогающим дочерям духовенства найти путь к самостоятельному существованию.

Во второй половине XIX века получили также распространение женские средние учебные заведения, которые находились в ведомстве Императрицы Марии или Министерства народного просвещения. Одним из первых государственных женских учебных заведений Министерства народного просвещения на Северном Кавказе и первым женским всесословным учебным заведением в Ставропольской губернии было женское училище второго разряда, основанное после указа 1860 года и в 1876 году переименованное в Ольгинскую женскую гимназию. В Терской области первое женское училище было открыто в 1861 году, а в 1874 году преобразовано в среднее учебное заведение – Владикавказскую Ольгинскую гимназию. В Кубанской области первая женская гимназия была открыта в Екатеринодаре в 1863 году под названием «Войсковая женская гимназия»²⁹⁷. Гимназии Министерства народного просвещения были самой многочисленной группой учебных заведений и финансировались они Министерством, благотворительными и городскими обществами.

Важную роль для подготовки образованных женщин, способных стать учительницами, гувернантками или достойными супругами играли Мариинские гимназии и училища. Образовательная программа женских

²⁹⁶ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. С. 279.

²⁹⁷ Шафранова О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. С. 130-132.

учебных заведений ведомства Императрицы Марии включала широкий спектр предметов: Закон Божий, русский и иностранные языки, арифметику, географию, историю, естествознание, педагогику, чистописание, музыку и рукоделие. Обучение в таких учебных заведениях сочетало традиционные религиозные ценности с элементами классического образования, ориентированного на развитие интеллекта и нравственности²⁹⁸.

Особое внимание уделялось воспитанию девушек в духе благочестия и дисциплины. В Мариинских гимназиях действовали строгие правила поведения, а преподавательский состав формировался преимущественно из лиц духовного звания и представителей интеллигенции. Выпускницы получали право на звание домашней наставницы или учительницы. Несмотря на то, что данные гимназии были объявлены бессловными, обучались в них в основном дети привилегированных сословий. На Северном Кавказе к числу таких образовательных учреждений относились Грозненское, Темрюкское и Анапское Мариинские женские училища, а также Кубанский Мариинский женский институт²⁹⁹. Несмотря на то, что данные учебные заведения предоставляли девушкам хорошее образование, семьи духовенства предпочитали направлять своих дочерей в епархиальные женские училища, которые обеспечивали более тесную связь с церковной средой, что соответствовало устоявшимся представлениям о роли женщины в семье священнослужителя.

В быстро меняющемся обществе первое духовное училище было основано в 1843 году в Царском Селе, устав которого был положен в основу уставов других женских епархиальных училищ, которые стали открываться позднее³⁰⁰. Содержались первые училища за счет средств духовно-учебного

²⁹⁸ Устав женских гимназий ведомства учреждений Императрицы Марии. Санкт-Петербург: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. С. 22-25.

²⁹⁹ Шафранова О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. С. 143.

³⁰⁰ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва: Кучково поле, 2011. С. 306.

комитета Синода³⁰¹. В первых училищах сирот духовенства было незначительное количество. К 1860 году по всей Российской империи существовало всего четыре епархиальных женских училища: Царскосельское (1843 г.³⁰²), Ярославское (1846 г.³⁰³), Казанское (1852 г.) и Иркутское (1854 г.). В них обучалось в общей сложности всего 279 девушек. К 1866 году училищ стало 11, соответственно и увеличилось количество учениц до 594 человек. С каждым годом стремление и желание обучить дочь в училище росла, в связи с чем, воспитанниц в училищах становилось все больше.

В связи с ростом количества духовных училищ, возникла необходимость регламентации их деятельности и приведение к единству содержания образования и воспитание девушек. Исходя из чего Синодом был разработан и утвержден императором в 1868 году Устав епархиальных женских училищ. В соответствии с этим Уставом в Российской империи активнее начали учреждаться учебно-воспитательные заведения для образования дочерей православного духовенства. В данные учебные заведения могли поступать девушки из других сословий, но со взносом оплаты обучения, которая определялась местной епархией, однако приоритет отдавался именно девочкам из семей духовенства³⁰⁴. По имеющимся данным, на 1878 год из 126 воспитанниц Кавказского епархиального женского училища 115 были дочерьми духовенства, что составляло более 91 % от общей численности воспитанниц, было 11 представительниц других сословий, в том числе 6 дворянского, 2 купеческого, 1 казачьего и 2 мещанского³⁰⁵.

³⁰¹ Там же. С. 18.

³⁰² Попова О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX веков. Социальный статус, стремления и возможности. Санкт-Петербург: Лань, 2021. С. 21.

³⁰³ Ярославское женское училище духовного ведомства // Прибавления к Церковным ведомостям. 1896. № 22. С. 763.

³⁰⁴ Устав епархиальных женских училищ // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 43. Ч. 2. № 46271.

³⁰⁵ Отчет о состоянии Кавказского епархиального женского училища по учебной и религиозно-нравственной частям за 1876-1877 учебный год // КЕВ. 1878. № 6. С. 208-209.

Во главе епархиального женского училища состояла начальница, на которую возлагались обязанности воспитания девушек, контроля порядка и соблюдения правил воспитанницами, однако важные вопросы, касающиеся управления училищем, решались училищным советом. В штат училища входили воспитательницы, законоучитель, который отвечал за учебную часть училища, преподаватели, почетный блюститель по хозяйственной части, экононом и врач³⁰⁶.

Как правило, училище состояло из шести классов с годичным курсом, в некоторых случаях из трех классов с двухгодичным курсом. В первый класс поступали девочки не моложе 9 лет. Поступая в училище, они уже должны были уметь читать по-русски и знать «общеупотребительные» молитвы. Девушки проходили вступительные испытания и, в зависимости от уровня знаний и умений, а также возраста, их могли зачислить сразу во второй, третий или более старшие классы.

Образование в духовных училищах носило преимущественно религиозный характер. Учебная программа включала два вида дисциплин: обязательные и факультативные. К числу обязательных предметов относились: Закон Божий (охватывающий Историю Ветхого и Нового Завета, пространный катехизис и объяснение богослужения), церковная история (всеобщая и русская), русский язык и словесность с практическим изучением славянского языка, арифметика и основы геометрии, всеобщая и российская география, всеобщая и отечественная история, основы физики, педагогика, чистописание и церковное пение. Факультативные дисциплины, такие как современные иностранные языки, музыка и рисование, осваивались за дополнительную плату³⁰⁷. Помимо аудиторных занятий, особое внимание уделялось практическому обучению: девушки осваивали навыки кройки, шитья, вязания и другие виды домашнего рукоделия. Воспитательный процесс строился на принципах христианской традиции: учащиеся регулярно

³⁰⁶ Устав епархиальных женских училищ // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 43. Ч. 2. № 46271.

³⁰⁷ ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 47. Л.2.

посещали богослужения, совершали молитвы перед приемом пищи, а также в начале и в завершение учебного дня.³⁰⁸

Девочки-сироты принимались в училище на полное содержание без внесения платы, если финансовые возможности учреждения позволяли это. В отдельных случаях, по решению совета, право на бесплатное проживание или обучение с частичной оплатой могли получить также дети малообеспеченных церковно и священнослужителей. Остальные воспитанницы, вне зависимости от сословной принадлежности, были обязаны вносить плату за обучение. Девушки, проживавшие в училище и находящиеся на полном обеспечении, назывались пансионерками. Помимо них, существовала категория полупансионеров, которые за определенную сумму могли посещать занятия, пользоваться столовой и оставаться в училище для самостоятельной подготовки к занятиям, но не проживали в нем³⁰⁹. При нехватке мест преимущественное право на поступление в качестве пансионеров предоставлялось девушкам духовного сословия. Воспитанницы, успешно завершившие полный курс обучения, получали право на звание домашних учительниц в тех предметах, в которых они продемонстрировали высокие результаты³¹⁰.

Попытка создания женского духовно-учебного заведения на Северном Кавказе возникла в конце 1850-х годов и была инициирована третьим Кавказским епископом, преосвященным Игнатием. Ввиду нехватки средств реализация этого масштабного проекта была прекращена. Только через 10 лет, когда был утвержден Устав епархиальных женских училищ, вновь был поднят вопрос об открытии в г. Ставрополе епархиального женского училища. Преосвященный Феофилакт организовал особый комитет для сбора

³⁰⁸ Устав епархиальных женских училищ // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 43. Ч. 2. № 46271.

³⁰⁹ Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10, № 1. С. 64-70.

³¹⁰ Устав епархиальных женских училищ // ПСЗРИ (1825-1881). Т. 43. Ч. 2. № 46271.

средств по его ежегодному содержанию, однако завершить дело удалось только преосвященному Герману³¹¹.

Таким образом, только в 1875 году по указу Синода от 14 июня 1874 года № 1789 в Кавказской епархии было открыто епархиальное женское училище³¹². Состояло училище из четырех классов, подготовительного и трех обычных классов. С 1880 г., их число увеличилось до семи, они включали подготовительный и шесть обычных классов. Должности воспитательниц в нем занимали бывшие воспитанницы уже существовавших к тому моменту на Северном Кавказе светских учебных заведений для девушек. В их числе были бывшие воспитанницы Ставропольской женской гимназии М. Цареградская, С. Жукова, а также бывшая воспитанница Екатеринодарской женской гимназии А. Сергиенко, и др.³¹³.

Штат женского училища включал: врача, коллежского советника Ю. Шульца; экономом был определен диакон И. Попов; делопроизводителем был студент семинарии В. Андриевский. Помимо них при училище были должности больничной и гардеробной дамы, которые исполняли М. Попова и жена священника С. Смирнова соответственно.³¹⁴ Преподавательский состав включал кандидатов и магистров богословия.

Если девушки, обучавшиеся за казенный счет, на годичных испытаниях получали неудовлетворительные оценки и были оставлены на повторный курс, они лишались казенного содержания. Особо «ленивых» отчисляли из училища. В Отчете Кавказского епархиального женского училища за 1878/1879 учебный год отмечено, что одна воспитанница из-за неуспеваемости была лишена казенного содержания и оставлена на

³¹¹ Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // СЕВ. 1888. № 19. С.784

³¹² Распоряжения епархиального начальства. О доставлении в консисторию процентного сбора с церковных доходов, установленного взамен свечного сбора на общие потребности по духовно-учебной части. // КЕВ. 1878. № 7. С. 239.

³¹³ Отчет о состоянии Кавказского епархиального женского училища по учебной и религиозно-нравственной частях за 1876/1877 учебный год. // КЕВ. 1878. № 5. С. 163.

³¹⁴ Там же. С. 164.

повторный курс³¹⁵, а одна отчислена по «малоуспешности». Неудача по одному или нескольким предметам назначалась переэкзаменовка. Из числа 204 воспитанниц 171 девушка отмечена высшим баллом, а остальные 33 – баллом 4, что говорит о высоком уровне требований к обучению и воспитанию девушек.

Отличная учеба и особые успехи в училище поощрялись за счет сторонних средств. В 1880 году в училище была учреждена стипендия имени Марии Нестеровой, дочери ставропольского купца 1-й гильдии Александра Нестерова. Средства для ее финансирования выделялись за счет процентов с пожертвования, внесенного ее отцом в пользу училища³¹⁶.

К 1886 году численность воспитанниц училища выросла в 2 раза; теперь в нем обучалось 297 воспитанниц. Все они делились по разным категориям: 25 были приходскими («полупансионерками»); 70 находились на казенном содержании; 8 обучались за счет средств сторонних лиц и учреждений; 194 получали образование за счет родителей или иных родственников. Размер платы составлял 117 руб. для лиц духовного звания и 234 руб. для представителей других сословий. Делились девушки соответственно по сословной принадлежности следующим образом: 274 были из духовного и 23 из других сословий³¹⁷. К 1898 году число воспитанниц училища составляло 478 душ, из которых 438 девушек были выходящими из духовного сословия, а 40 иносословными³¹⁸.

³¹⁵ Отчет о состоянии находящегося под покровительством Ее императорского Высочества, великой княгини Ольги Федоровны Кавказского епархиального женского училища за 1878-1879 учебный год. // КЕВ. 1880. № 2. С. 42-51.

³¹⁶ Определения Св. Синода. Об учреждении стипендии при Кавказском епархиальном женском училище. // КЕВ. 1880. № 6. С. 185.

³¹⁷ Отчет о состоянии, находящегося под Августейшем Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Федоровны покровительством, Кавказского епархиального женского училища за 1884-1885 учебный год // КЕВ. 1886. № 2. С. 53-57.

³¹⁸ Отчет о состоянии, находящегося под Августейшим Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны покровительством, Ставропольского епархиального женского училища за 1896-1897 учебный год (XXII со времени открытия) // СЕВ. 1898. № 1. С.11-18.

Обучение в епархиальном училище для своекоштных было недешевым. В 1879 году ежегодный взнос на обучение воспитанницы в училище составлял 117 рублей³¹⁹. Несмотря на то, что девочек-сирот определяли в училища на казенное содержание, для многих отправка в училище была непосильной ношей, из-за чего приходилось просить помощи у Попечительства или благотворительных обществ³²⁰. В том же 1879 году вдова священнослужителя, находясь в крайне бедном положении, с трудом подготовила свою дочь для поступления в духовное училище, но не имея средств для покупки необходимых книг и пошития приличного училищного платья, обратилась к братскому совету за помощью, которая ей была оказана в размере 25 рублей³²¹.

В училище значительное внимание уделяли развитию у воспитанниц вкуса, порядочности и опрятности. С момента поступления девушек приучали к чистоте, бережливости в одежде и строгому приличию в поступках и движениях. Кроме того, особое внимание воспитательницы обращали на то, чтобы они вводили в свой внутренний быт все то, что сами считали в теории порядочным. Осознавая важность сочетания умственного и физического труда, а также необходимость развития экономного отношения к ресурсам, воспитательницы все нужные работы в доме распределяли по очереди между девочками. Ученицы сами убирали классы и спальни, служили в столовой заведовали буфетом, разводили комнатные цветы, летом работали в саду и были вовлечены в выполнение других работ по содержанию училища³²².

³¹⁹ Объявление. От совета Кавказского епархиального женского училища // КЕВ. 1879. № 11. С. 407.

³²⁰ Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10, № 1. С. 64-70.

³²¹ Отчет о состоянии и деятельности Андреевского Братства в гор. Ставрополе на Кавказе за 1877/1878 братский (пятый) год (окончание). // КЕВ. 1879. № 2. С. 79.

³²² Отчет о состоянии Кавказского епархиального женского училища по учебной и религиозно-нравственной частями за 1876/1877 учебный год. // КЕВ. 1878. № 6. С. 213.

Ставропольская епархия стала одной из первых, где возникла идея открытия дополнительного 7-го педагогического класса, направленного на практическую подготовку и повышение качества подготовки будущих учительниц³²³. Несмотря на то, что выпускницы епархиальных женских училищ получали звание домашних учительниц и изучали педагогику, этих знаний было недостаточно. При приеме на должность учительницы в народные училища преимущество отдавалось выпускницам женских учебных заведений, подведомственных Министерству Народного Просвещения, так как уровень подготовки в них был значительно выше³²⁴.

Идея организации педагогического класса при епархиальном женском училище не была новой: подобные инициативы возникали в Харьковском, Полтавском, Нижегородском и Черниговском духовных училищах, однако они не получили распространения по всей Российской империи³²⁵. В Кавказском епархиальном училище инициативу открытия такого класса проявил исправляющий должность председателя совета училища А.И. Васильев. Им был составлен план и смета расходов по устройству и содержанию специального педагогического класса. На первый год необходимая сумма составила 2620 р., на каждый последующий год она исчислялась в размере 2236 руб., после проделанной работы он представил их на рассмотрение Совета³²⁶. После его одобрения план и смета были направлены на утверждение в Синод. Уже в 1879 году по указу Синода было принято решение открыть с начала 1880-1881 учебного года седьмой дополнительный педагогический класс при Кавказском епархиальном женском училище. Обучение в нем было необязательным, однако

³²³ ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 941. Л. 1.

³²⁴ Журналы епархиального съезда. Об открытии при Кавказском епархиальном женском училище специального педагогического класса. // КЕВ. 1878. № 20. С. 718-720.

³²⁵ Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10, № 1. С. 64-70.

³²⁶ О дополнительном специально-педагогическом классе при Кавказском епархиальном женском училище // КЕВ. 1880. № 1. С. 24-32.

предоставляло возможность конкурировать с выпускницами светских женских педагогических учебных заведений. Курс позволял выпускницам духовного училища более углубленно ознакомиться с предметами училищного курса и практическими приемами преподавания³²⁷.

Обучение в специальном педагогическом классе продолжалось один год, но неуспевающие воспитанницы могли быть оставлены на второй год обучения по их желанию или усмотрению училищного совета. Девушки изучали Закон Божий, педагогику, дидактику, русский язык с церковно-славянским и словесность, математику, историю и географию. Занятия делились на теоретические и практические. Во время практических воспитанницы поочередно исполняли обязанности помощниц воспитательниц в трех низших классах училища, наблюдали за воспитанницами и давали пробные уроки. Результаты наблюдения ими записывались в дневники, а в назначенное время они обсуждали эти вопросы и проведенные уроки в особой педагогической комиссии³²⁸.

После утверждения нового регламента и «Правил о церковно-приходских школах» с 1884 года в Ставропольской епархии начали открываться церковно-приходские школы данного типа, а выпускницы духовных училищ стали в них первыми учительницами³²⁹. Для более основательной подготовки к преподаванию, в 1885 году при Кавказском епархиальном женском училище была открыта церковно-приходская одноклассная школа с тремя отделениями и трехлетним курсом. Данная школа была базой для организации практики воспитанниц 5 и 6 классов училища. Воспитанницы посещали занятия, осуществляли наблюдение, и по

³²⁷ Определения Св. Синода. О разрешении открыть седьмой дополнительный специальный класс при Кавказском епархиальном женском училище (Указ на имя Преосвященного Германа, Епископа Кавказского). // КЕВ. 1879. № 17. С. 581-582.

³²⁸ О дополнительном специально-педагогическом классе при Кавказском епархиальном женском училище // КЕВ. 1880. № 1. С. 24-32.

³²⁹ Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // КЕВ. 1888. № 19. С. 785.

указаниям руководителя практических занятий самостоятельно давали уроки³³⁰.

Несмотря на то, что практика открытия дополнительных педагогических классов при епархиальных женских училищах получила распространение еще во второй половине XIX века, нормативное закрепление их статуса последовало значительно позднее. Только в 1907 году Синод утвердил Положение о седьмом дополнительном педагогическом классе при епархиальных женских училищах. Согласно Положению, курс обучения был рассчитан на один год, а в отдельных случаях – на два. Одногодичный курс предназначался для подготовки учительниц начальных народных школ, а второй курс – для подготовки учительниц младших классов Епархиальных женских Училищ и церковных учительских школ. Преимущественное право при поступлении в педагогические классы отдавался выпускницам этого духовного училища. Если оставались вакантные места, принимались выпускницы других Епархиальных училищ³³¹.

С введением Положения был расширен перечень обязательных дисциплин: особе внимание уделялось предметам, нацеленным на практическую и методическую подготовку воспитанниц. В зависимости от выбранных для преподавания дисциплин на втором курсе педагогического класса воспитанницы делились на два отделения, проходя курс более

³³⁰ Отчет о состоянии, находящегося под Августейшим Ее императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны покровительством, Ставропольского епархиального женского училища за 1895-1896 учебный год (XXI со времени открытия) // СЕВ. 1897. № 4. С. 205-214.

³³¹ Высочайше утвержденное положение о седьмом дополнительном педагогическом классе при Епархиальных женских училищах (01 октября 1907 года) // ПСЗРИ (1881 – 1913). Т. 27. № 29618.

углубленной методики преподавания³³². Помимо теоретических занятий, в рамках обучения в классе предполагались и практические занятия³³³.

Епархиальные власти проявляли устойчивый интерес к развитию духовного училища и направляли значительные суммы на его содержание и благоустройство. По сведениям, опубликованным в 1880 году в Кавказских епархиальных ведомостях, ежегодные расходы на нужды училища достигали 36 тыс. рублей. Дополнительно были приобретены две большие усадьбы с садом, домами, хозяйственными постройками за 28 тыс. рублей, а также планировалось возведение нового корпуса на 300 воспитанниц с предполагаемой сметой до 200 тыс. рублей³³⁴. Развитие училища во многом обеспечивалось за счет благотворительных пожертвований, как со стороны духовенства, так и со стороны представителей других сословий. Все доходы и расходы духовного училища в течение года записывались и контролировались Епархиальными властями³³⁵. В Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостях регулярно публиковались отчеты о деятельности училища, состоянии, нуждах, расходах и приходах средств, а также об успеваемости воспитанниц³³⁶.

В женском училище регулярно проводились проверки, по результатам которой публиковался отчет в ведомственном издании. Так, по результатам ревизии в 1879-1880 году в воспитательной части замечаний не было, а в учебной были замечены некоторые незначительные погрешности, не

³³² Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10, № 1. С. 64-70.

³³³ Высочайше утвержденное положение о седьмом дополнительном педагогическом классе при Епархиальных женских училищах (01 октября 1907 года) // ПСЗРИ (1881 – 1913). Т. 27. № 29618.

³³⁴ О дополнительном специально-педагогическом классе при Кавказском епархиальном женском училище // КЕВ. 1880. № 1. С. 24-32.

³³⁵ Определение Св. Синода от 29 ноября – 2 января 1878 – 1879 г. за № 2102 об отчетности женских училищ духовного ведомства // КЕВ. 1879. № 4. С. 142-143.

³³⁶ Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10, № 1. С. 64-70.

приводящие к закрытию учреждения, и которые сразу были устранены³³⁷. Данные проверки подчеркивали важность высокого уровня образования и дисциплины в женских училищах, которые рассматривались как ключевые центры подготовки будущих учительниц и воспитательниц. Подобное внимание к качеству учебного процесса свидетельствовало о стремлении поддерживать репутацию подобных училищ и укрепить их роль в системе народного образования.

Училищное правление и педагогический коллектив несмотря на перемены в составе справлялись с поставленными задачами. В 1880 году Кавказское епархиальное училище осуществило первый выпуск воспитанниц, который прошел в торжественной обстановке и в присутствии Епархиальных властей³³⁸. В 1886 году, после переименования Кавказской епархии в Ставропольскую, соответствующие изменения коснулись и подведомственных учреждений – консистории, семинарии и училищ. С этого момента училище стало носить название «Ставропольское епархиальное женское училище»³³⁹.

На протяжении длительного времени женское училище оставалось единственным подобным учреждением на Северном Кавказе. Однако ежегодный рост числа воспитанниц и невозможность принять всех дочерей духовенства региона обусловили необходимость открытия новых епархиальных женских училищ. В 1894 году во Владикавказе было открыто трехклассное епархиальное женское училище, которое в том же году преобразовано в шестиклассное. В 1896 году по указу Синода были открыты подготовительный и первый классы епархиального женского училища в г. Екатеринодаре³⁴⁰. С начала 1896-1897 учебного года в новое епархиальное

³³⁷ О дополнительном специально-педагогическом классе при Кавказском епархиальном женском училище // КЕВ. 1880. № 1. С. 24-32.

³³⁸ Акт по случаю первого выпуска воспитанниц Кавказского епархиального женского училища // КЕВ. 1880. № 14. С. 464-467.

³³⁹ Распоряжения высшего правительства // СЕВ. 1886. № 11. С. 133.

³⁴⁰ Определения Святейшего Синода // СЕВ. 1896. № 13. С. 741-744.

училище вместе с переведенными из Ставропольского училища было принято 68 воспитанниц: 38 в подготовительный и 30 в первый класс. Собственного здания у училища на то время не было, временным помещением для него служило бывшее мужское духовное училище, которое было незначительно переделано и дополнено новыми постройками³⁴¹.

Открытие епархиального женского училища в г. Екатеринодаре имело большое значение для Кубанского духовенства, поскольку им не всегда хватало мест в Ставропольском епархиальном женском училище. Острая проблема нехватки помещений в училище привела к тому, что в новом 1897-1898 учебном году было принято только 45 воспитанниц, хотя документов было подано значительно больше³⁴². Уже в 1898 году было заложено здание Екатеринодарского епархиального женского училища³⁴³, постройка которого завершилась уже в 1901 году³⁴⁴.

К 1897 году в Российской империи действовало 51 епархиальное женское училище, в 12 из которых действовали подготовительные классы, в числе них были женские училища в Екатеринодаре и Ставрополе. Несмотря на существование приходских школ, духовенство редко отправляло туда своих дочерей, поскольку большинство из них были смешанными, то есть обучение в них совместно проходили мальчики и девочки. В то же время подготовительные классы позволяли девочкам адаптироваться к училищной дисциплине и условиям жизни, благодаря чему они поступали в первый

³⁴¹ Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10, № 1. С. 64-70.

³⁴² От Совета Екатеринодарского епархиального женского училища // СЕВ. 1897. № 14. С. 801-803.

³⁴³ Торжество закладки здания для Екатеринодарского епархиального женского училища // СЕВ. 1898. № 9. С. 461-466.

³⁴⁴ Из отчета о состоянии учебно-воспитательной работы Екатеринодарского епархиального женского училища // СЕВ. 1902. № 11. С.48-51.

класс более подготовленными, чем если бы переходили к непосредственно из родительского дома³⁴⁵.

В 1901 году был утвержден новый Устав женских училищ духовного ведомства, в котором по-прежнему подчеркивалось, что их основная задача заключается в воспитании и образовании девушек в духе благочестия и добродетели, чтобы они могли стать достойными супругами священнослужителей, заботливыми матерями и умелыми хозяйками³⁴⁶. В обновленный Устав были внесены положения, регламентирующие обязанности начальницы, воспитательниц и других сотрудников училища. Кроме того, были введены новые учебные дисциплины, включая дидактику, рукоделия, естествоведение и гигиену, а также подробно прописана система оценивания и расписание учебных предметов³⁴⁷.

Обучение в духовном училище для девушек-сирот духовного сословия было прекрасной возможностью получить хорошее образование и возможность в будущем найти работу и быть уверенной в завтрашнем дне. Данное образование не только обеспечивало их знаниями, но и открывало перспективы для социальной адаптации в условиях трансформации общества, где женщины часто сталкивались с ограниченными возможностями для самореализации.

Таким образом, если в начале XIX века образование для девушек духовного сословия ограничивалось домашним обучением под руководством матери, то вторая половина XIX века привнесла серьезные изменения в данную сферу. Этот процесс не был уникальным для Северного Кавказа, он являлся частью эволюции системы образования для девушек в Российской

³⁴⁵ Журналы съезда депутатов духовенства Екатеринодарского духовно-училищного округа, бывшего в августе 1897 года. // СЕВ. 1897. № 18. С. 1026-1037.

³⁴⁶ Высочайшее повеление об утверждении устава женских училищ духовного ведомства // СЕВ. 1901. № 21. С. 1180-1182.

³⁴⁷ Там же. С. 1183.

империи, но был наиболее яркой стороной трансформации социально-культурных ролей женщин духовного сословия в российском обществе. Именно в середине века начали появляться епархиальные женские училища, которые открывали новые возможности для девушек, интегрируя их в педагогическую сферу деятельности и просвещение. Происходящие изменения не только предоставили женщинам духовного сословия доступ к образованию, но и были важным элементом их социализации в новых исторических условиях, когда сочетались религиозные традиции и возможности для саморазвития представительницам духовенства.

Вне зависимости от запросов общества образование для них оставалось консервативным. По мере его распространения среди женщин в империи, для девушек духовенства стали открываться новые направления профессиональной самореализации. В данных условиях получила широкое развитие система епархиальных женских училищ, работа которых была направлена исключительно на подготовку будущих работниц школ. Данный процесс был характерен и для Северного Кавказа, в пределах которого таких училищ было основано три. Их программа обучения играла важную роль в поддержании традиционной системы ценностей, направленной на сохранение статуса женщины духовного сословия как хранительницы семейных традиций и религиозных устоев.

Выводы по главе:

Таким образом, анализ показал, что епархиальные органы управления во второй половине XIX – начале XX веков играли важную роль в системе социальной защиты духовенства и членов их семей на Северном Кавказе. В условиях ограниченного государственного финансирования епархиальное руководство, а также благотворительные общества и братства стали важными институтами оказания помощи социально незащищенным слоям духовенства. Их деятельность была направлена как на материальную

поддержку, так и на сохранение внутренней стабильности духовного сословия.

Значительное внимание епархиальное управление уделяло вопросам семейно-брачных отношений и воспитания детей духовенства. Контроль в данной сфере был обусловлен стремлением сохранить нравственный облик духовенства и его авторитет в глазах паствы. Вместе с тем строгая регламентация семейной жизни закрепляла зависимое положение женщин, социальный статус которых определялся прежде всего положением мужа и его местом в церковной иерархии.

Особое место в системе епархиальной опеки занимали вдовы и сироты духовного сословия. Они могли рассчитывать на приоритетное устройство на должность просфорницы, получение пособий, помощь в получении образования детьми и т.д. Однако объем и эффективность оказываемой помощи во многом зависел от финансовых возможностей приходов и епархии в целом, но они не позволяли преодолеть жизненные трудности. Тем не менее, данные формы поддержки выполняли важную социальную функцию: смягчали чувство сиротства и сглаживали тяжесть материального гнета, укрепляли корпоративность в среде духовенства.

Существенные изменения во второй половине XIX века произошли в сфере образования девушек духовного сословия. Если ранее обучение ограничивалось преимущественно домашним воспитанием, то во второй половине столетия начала формироваться система женского духовного образования. Данные учебные заведения расширяли возможности для получения образования, при этом его содержание сохраняло выраженно консервативный характер, поскольку основывалось на позиции сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей. Учебные программы были направлены на подготовку будущих жен священнослужителей и учительниц церковно-приходских школ.

Таким образом жизнь женщин духовного сословия на Северном Кавказе отражала положение женского вопроса в Российской империи – на

стыке между традиционным укладом и социальными изменениями. При всех ограничениях, именно через меры поддержки, участие в приходской жизни и через систему духовного женского образования, они получили возможность для социальной реализации и развития. Их жизнь по-прежнему оставалась тесно связана с положением духовенства как одного из высокостатусных сословий Российской империи.

Глава III. Женские монастыри Северного Кавказа: вопросы организации и деятельности

3.1. Специфика организации и статуса женских монастырей региона

В предыдущих главах исследования были рассмотрены различные социальные категории женщин духовного сословия – дочери, супруги и вдовы клириков, чья жизнь была тесно связана с приходской и епархиальной средой. Наряду с ними важную часть женского духовенства составляли насельницы монастырей. Официально они входили в состав духовного сословия, однако их статус, форма существования и характер повседневной жизни отличались от мирских представительниц этого сословия. Монашеская жизнь предполагала особый образ жизни, основанный на принципах аскезы, общежительности и служения культу, что определяло специфику внутренней организации монастырей и обуславливало их роль в религиозной и социокультурной жизни региона.

С момента принятия христианства на Руси монастыри играли важную роль как центры образования, духовного и нравственного просвещения народа. Однако главной целью монашеской жизни оставались молитва, отречение от мирской суеты и аскетические подвиги³⁴⁸. С середины XIX века эта ситуация начала меняться: монастыри, в том числе женские, активно включились в благотворительную и миссионерскую деятельность. В этот период также сформировалось православное подвижническое движение, имеющее социальную направленность, основанную на духовном подвиге и служении ближним.

³⁴⁸ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 301.

На протяжении всего XIX – начала XX веков деятельность женских монастырей в Российской империи находилась под жестким контролем со стороны государства и Синода. Основным документом, определявшим правовое положение монастырей, были «Духовный регламент»³⁴⁹ (1721 год) и «Прибавление к Духовному регламенту» (1722 года)³⁵⁰ Петра I, положившие начало подчинению Церкви государству и существенно ограничившие автономию монастырей. Духовный регламент и прибавление к нему оставались основными юридическими документами для духовенства вплоть до 1917 года. Данными нормативными актами Петр I стремился приостановить рост числа монастырей и сократить число уже существующих. Согласно «Духовному регламенту» запрещалось открывать новые монастыри, а уже действующие малые должны были объединяться или приписываться к более крупным³⁵¹.

Екатерина II продолжила реформы Петра I, и в 1764 году ее указом были утверждены «Духовные штаты», в соответствии с которыми у монастырей было изъято практически все имущество и назначалось жалование³⁵². С этого момента монастыри, которым было положено по штатам или по особым указам императора определенное содержание из казны, стали именоваться штатными. Все остальные монастыри, не вошедшие в штат, стали именоваться нештатными или заштатными³⁵³. Соответственно заштатные монастыри содержались за счет собственных доходов и за счет пожертвований от различных благотворителей.

Среди «сверхштатных» насельников монастырей оказалось значительное число бывших жителей обителей. Причем женщины составили

³⁴⁹ Духовный регламент Петра Первого: с прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». Москва: URSS, 2012. С. 3–5.

³⁵⁰ Там же. С.114–133.

³⁵¹ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С.43.

³⁵² О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек (26 февраля 1764 г.) // ПСЗРИ (1649–1825). Т. 26. № 12060.

³⁵³ Разъяснительные постановления Святейшего Синода // СЕВ. 1899. № 7. С. 267.

70% от общего числа сверхштатных монахов, тогда как на долю мужских монастырей приходилось лишь 30%. Предполагалось, что всех сверхштатных женщин будут постепенно распределять по монастырям, заполняя свободные штатные места, как только они появятся, и зачисляя их на освободившиеся места. Государство временно наложило запрет на постриг и прием новых монахинь в женские обители³⁵⁴. В то же время остро стоял вопрос о правах собственности между женскими и мужскими монастырями, особенно в отношении владения недвижимостью. Женские обители столкнулись с серьезными ограничениями не только в объемах и видах имущества, но и в размерах земельных участков, которые могли находиться в их распоряжении³⁵⁵. Лишь к XIX веку эти различия между обителями начали постепенно сглаживаться.

Согласно указу Екатерины II, монастырям назначалось жалование в соответствии с классами, на которые они были разделены. Классность монастыря свидетельствовала о его знатности. В первый класс входили Лавры, ставропигиальные монастыри и крупнейшие и особенно знаменитые монастыри³⁵⁶, а во второй и третий класс определялись менее знатные и более малочисленные монастыри. Женских монастырей по штатам было значительно меньше, чем мужских и жалование для них было установлено меньше.

³⁵⁴ О произведении жалованья заштатным монашествующим по приложенной ведомости, по докладу комиссии о церковных имениях // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины II: 1762-1772. Т. 1. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1910. № 320.

³⁵⁵ О распределении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек. – С приложением манифеста о подведомстве всех архиерейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии, и штатов по духовной части // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины II: 1762-1772. Т. 1. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1910. № 167.

³⁵⁶ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 114-115.

Мужских первоклассных монастырей по штатам 1764 года было 15, которые получали жалование в размере 2 017 руб. 50 коп. в год, то женских было всего 4 они получали жалование в размере от 1 500 до 2 200 руб. Ко второму классу был отнесен 41 мужской монастырь с жалованием в 1 311 руб. 90 коп. и 18 женских монастырей с жалованием 475 руб. 80 коп., к третьему – 100 мужских с жалованием 806 руб. 30 коп. и 45 женских с жалованием 375 руб. 60 коп. На особом положении находилась Троице-Сергиева Лавра, которая «по знатности считалась перед прочими монастырями первой» и по штатам на нее полагалось жалование в размере 10 070 руб. в год (к Лавре был приписан Махрицкий монастырь). На особом положении также находился Александроневский монастырь. Во главе первоклассных и второклассных мужских монастырей стояли архимандриты, а третьеклассных мужских и всех женских – игумен и игуменья соответственно.³⁵⁷

В связи с тем, что большая часть монастырей оставались заштатными и лишь некоторые из них было разрешено сохранить с содержанием за счет собственных средств и добровольных приношений, значительная часть монастырей была закрыта³⁵⁸. В результате проведенной реформы число монастырей резко сократилось по сравнению с 1700 годом, когда в России насчитывалось 1153 монастыря (924 мужских и 229 женских), к 1764 году их осталось 387, из которых только 226 были штатными и получали жалование от государства³⁵⁹. К 1 января 1887 года численность монастырей составляла 667. Из общего числа монастырей в 1886 году было мужских 420 и женских 247. Среднее число монашествующих обоего пола определялось в 29 735 человек.³⁶⁰ И даже к 1900 году численность монастырей не вернулась к

³⁵⁷ Штаты духовные. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1764. С. 13-15.

³⁵⁸ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. Москва: Сретенский монастырь, 2010. С. 114–115.

³⁵⁹ Монашество и монастыри в России. XI-XX вв. Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 199.

³⁶⁰ Известия и заметки // КЕВ. 1887. № 13. С. 505.

первоначальному значению 1700 года. Всего их было 828: из них 503 мужских и 325 женских. Общая численность монахов составляла 8 578 и монахинь – 10 082, послушников – 8 090 и послушниц – 31 533³⁶¹.

Несмотря на вышеуказанные реформы, в XIX и начале XX вв. происходил неуклонный рост численности обителей и послушников, при этом значительная часть монастырей была образована в конце XIX – начале XX вв., в том числе и на Северном Кавказе. Одной из причин роста числа монастырей можно считать определение Синода от 9 мая 1881 года, которое позволяло основывать новые монастыри уже не с разрешения Синода, а с позволения правящего епископа в епархии, им же он и освящался³⁶².

В мужских монастырях в основном монахов было больше, чем послушников, а в женском наоборот, послушниц было в несколько раз больше, чем монахинь.³⁶³ Это явление можно объяснить особенностями социальных и духовных процессов, характерных для общества того времени. Кроме того, большое число послушниц может свидетельствовать о том, что для многих женщин вступление в монастырь было попыткой найти убежище или временное пристанище в условиях сложной жизненной ситуации: вдовства, семейных трудностей или отсутствие других возможностей, при этом девушки могли принести пользу обществу.

Вне зависимости от штатности, женские и мужские монастыри подразделялись на общежительные³⁶⁴, в которых все обитатели получали все необходимое для жизни от монастыря и трудились в общую пользу, и необщежительные, в которых монахи владели личной собственностью и жили по своему личному усмотрению.

³⁶¹ Монашество и монастыри в России. XI-XX вв. Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 305.

³⁶² Цыпин В.А. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. С. 248.

³⁶³ Там же. С. 250-290.

³⁶⁴ Разъяснительные постановления Святейшего Синода // Ставропольские епархиальные ведомости. 1899. № 7. С. 267.

Во второй половине XIX века на государственно-церковном уровне предпринимались попытки модернизации монастырской жизни. Одной из значимых инициатив стало стремление Синода к введению общежительного устава во всех монастырях Российской империи. В 1869 году был разработан соответствующий проект реформы, и в епархии была направлена специальная записка с предписанием о переходе монастырей на общежительный устав. Однако предложенные меры не получили системного продолжения, и реформа не была доведена до широкомасштабной реализации. Тем не менее, в ряде случаев необщежительные монастыри были переведены на новый устав, а вновь открываемые обители учреждались исключительно как общежительные³⁶⁵. При этом стоит отметить, что все монастыри Северного Кавказа основывались на принципах общежития³⁶⁶.

В 1865 году был издан указ, согласно которому было разрешено пострижение желающих в монашество епархиальным архиереям без согласования с Синодом³⁶⁷. В 1873 году был принят указ, который содержал в себе особые указания относительно пострига. Так, в число послушников и послушниц могли принимать только тех, за благонравность которых могли поручиться настоятели и настоятельницы монастырей³⁶⁸.

Стоит отметить, что в Синодальный период законодательство в отношении женских монастырей сильно отличалось от мужских. Для монахинь были установлены более строгие правила, чем для монахов. Например, монахини не могли покидать монастырь, за исключением игуменьи, в то время как монахи могли покидать монастырь с разрешения

³⁶⁵ Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 309.

³⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1156. Л. 2-34.

³⁶⁷ О порядке приема и пострижения желающих поступить в монашество // ПСЗРИ (1825–1881). Т. 40. Ч. 1. № 42505.

³⁶⁸ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 г. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 67.

епископа.³⁶⁹ Мужчинам позволялось пострижение в монахи после достижения тридцатилетнего возраста, а женщинам – только после сорока лет³⁷⁰. При этом данные ограничения по возрасту характерны только для российского монашества в Синодальный период, однако и из этих правил допускались исключения, при рассмотрении ходатайств Синодом³⁷¹. В 1832 году издан указ Синода о правилах принятия в монастыри и пострижении в монашество, в соответствии с которым были определены исключения. Так, пострижение в монашество возможно до достижения необходимого возраста при соблюдении условий:

- в случае окончания курса богословских наук и подготовки к учительским должностям пострижение разрешено в 25 лет;
- вдовым священно-служителям без ограничения в возрасте;
- в монахини постригать послушниц позволялось по достижению сорокалетнего возраста;
- прохождение искуса³⁷².

Для пострижения в монахини каждая послушница должна была пройти искуса, который продолжался, как правило, три года, но в особых случаях, в случае болезни или предрасположенности к иноческому житию, мог быть сокращен. В Российской империи от послушнического искуса были освобождены указом Синода от 25 мая 1832 года лица, окончившие духовно-учебные заведения, и вдовы священнослужителей³⁷³.

³⁶⁹ Верховский П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении церкви и государства в России: исследование в области истории русского церковного права. В 2-х т. Т. 2. Ростов на Дону: Скл. Изд. у авт. и в кн. Маг. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916. С. 100–101.

³⁷⁰ Прибавление к Духовному регламенту // ПСЗРИ (1649-1825). Т. 6. № 4022.

³⁷¹ Цыпин В.А. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. С. 243.

³⁷² Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 г. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 46.

³⁷³ Цыпин В.А. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. С. 244.

В Российской империи постриг был возможен только для свободных от обязанностей, несовместимых с монашеством. Соответственно именно для тех, кто состоял в браке и/или имел детей постриг был недоступен. Также запрещалось постригать должников, подсудимых, состоящих на военной или гражданской службе. До отмены крепостного права зависимых крестьян было запрещено постригать без согласия помещика. С 1725 года ходатайствовать о постриге можно было лишь перед Синодом, который принимал решение. Данный порядок был отменен только в 1865 году, когда право принимать решение о постриге было предоставлено епархиальным архиереям³⁷⁴.

Согласно правилам, монахи не могли иметь своей собственности, а все имущество, которое они принесли с собой в монастырь, становилось собственностью монастыря. Поэтому законами Российской империи предписывалось, чтобы перед постригом будущий монах распорядился своим имуществом: отдал родовое имение наследникам, а «благоприобретенное» по своему усмотрению. В связи с этим законами Российской империи монахи не могли наследовать и передавать или получать имущество по завещанию. Однако были и исключения для начальствующих монахов, которые могли иметь в собственности движимое имущество, а также передавать его по наследству или завещанию, и монахов необщежительных монастырей³⁷⁵. В общежительных монастырях правило «монашеской нестяжательности» соблюдалось, в том числе настоятелями³⁷⁶.

Для монашествующих женщин, так же, как и для мужчин, были установлены три чина иноческого жития: рясофорное монашество/послушничество, мантийное монашество и схимонашество³⁷⁷. В женских монастырях, так же, как и в мужских, монахи несли разные

³⁷⁴ Цыпин В.А. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. С. 245.

³⁷⁵ Там же. С. 246.

³⁷⁶ Там же. С. 247.

³⁷⁷ Там же. С. 247–248.

послушания, занимая соответствующие должности. Так, в монастырях, были должности духовника, благочинного, эконома, казначея, ризничего и келаря³⁷⁸ и некоторые другие. В более крупных монастырях должностей было больше.

Как следствие реформ Екатерины II в истории женского монашества появляется такое уникальное явление, как женские общины. По мнению Е.Б. Емченко, появление женских общин – это результат религиозной потребности женщин и ответная реакция на законодательство в отношении женских монастырей³⁷⁹. Общины по своей организации были схожи с монастырями, за исключением того, что ее члены не принимали монашеские обеты, но при этом строго следовали правилам монастырского устава. Среди сестер общины часто встречались и монахини.³⁸⁰ Они возникли помимо воли духовных и светских властей.

Русский статистик, который изучал монастыри, В.В. Зверинский в своей работе называл общины «послушническими монастырями»³⁸¹. Он же и утверждает, что общины образовались по причине того, что после упразднения монастырей, многие послушницы за недостатком помещений и средств были оставлены на произвол судьбы. Поэтому многие из них оставались жить при церквях, часто строили рядом с ними кельи-хижины и продолжали жить по монастырскому уставу. Эти общины по своей организации напоминали монастыри, однако их участницы не принимали монашеского обета, хотя и следовали строгим правилам монастырского устава. Среди сестер таких общин часто встречались монахини, которые покинули свои обители по разным причинам. Они призревали сирот, обучали

³⁷⁸ Цыпин В.А. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. С. 254.

³⁷⁹ Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 266.

³⁸⁰ Серафим (Чичагов), архим. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Москва: Паломник, 2005. С.4–5, 268–269.

³⁸¹ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Комп., 1890. С. 5–30.

детей грамоте, ухаживали за больными и престарелыми, а зачастую являлись духовными руководительницами для тех несчастных и угнетенных, кто к ним приходил³⁸². По мере развития общин, они могли быть преобразованы в монастыри³⁸³. По подсчетам В.В. Зверинского, 62% женских общин было преобразовано в женские монастыри³⁸⁴.

Изучение законодательных материалов позволило установить, что женские общины стали признаваться государственной властью еще во времена Екатерины II. Только термин «община» в указах об ее утверждении не употребляется, а использовался термин «женское общежитие». Первое женское общежитие было оформлено именным указом Екатерины II, разрешившей жить в упраздненном монастыре вдовам и престарелым женщинам, «посвятившим себя уединенной жизни» «на общежительном уставе, под смотрением начальницы»³⁸⁵.

В первой четверти XIX в. юридический статус получили «женские общежития», организованные на собственные средства женщинами из аристократических дворянских семей. Зачастую эти «общежития» возглавляли сами их основательницы. При «общежитии» строился храм и вводился монастырский устав. Возникавшие в ответ на духовные потребности женщин, эти общины зачастую вступали в противоречие с действующим законодательством, которое строго регламентировало численность их насельниц. Это создавало угрозу утраты сложившихся монастырских традиций, поскольку такие общины становились альтернативой штатным монастырям. Однако их признание государством

³⁸² Завьялов А.А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. Санкт-Петербург: тип А.П. Лопухина, 1900. С. 100-106.

³⁸³ Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 267.

³⁸⁴ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Комп., 1890. С. 9-14.

³⁸⁵ Завьялов А.А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. Санкт-Петербург: тип А.П. Лопухина, 1900. С. 100-106.

формировало уникальный прецедент, подчеркивающий духовное значение этих обителей в жизни общества³⁸⁶.

Начиная с середины XIX века, монастыри перестали быть местом уединения и молитвы³⁸⁷, в основном в женских обителях были сосредоточены благотворительные учреждения, а именно больницы, школы, приюты, богадельни, аптеки и другие благотворительные учреждения различного профиля. Всем монашествующим канонами была запрещена торговля, за исключением тех изделий, которые выполнены их руками³⁸⁸, поэтому они вели хозяйственную деятельность, которая приносила доход и на эти средства строились здания, церкви, а также большая часть средств шла на благотворительность. Согласно указу Синода от 1866 года, открытие новых монастырей должно было сопровождаться обязательным созданием при них благотворительных или воспитательных учреждений. Эта мера подчеркивала социальную направленность монастырской деятельности и усиливала их роль как институтов поддержки уязвимых слоев населения, особенно женщин, вдов, сирот и больных³⁸⁹.

На процесс так называемой «феминизации» монастырей многие исследователи обращали внимание и выдвигали различные гипотезы относительно причин этого процесса. Так, по мнению И. Смолича эти причины связаны с монастырскими реформами Петра I, вследствие которых женщины стали стремиться к самостоятельности и образованию. Значительное место в этом процессе имели исторические и культурные условия русской духовной истории второй половины XIX в.: «религиозные

³⁸⁶ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Комп., 1890. С. 13–14.

³⁸⁷ Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 286.

³⁸⁸ Цыпин В.А. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. С. 247.

³⁸⁹ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721–1878 г. Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. С. 79.

вопросы занимали значительное место в духовной жизни русской женщины». Отмена крепостного права в 1861 году изменила положение женщины в крестьянской семье – женщина чаще могла принимать самостоятельные решения, вне зависимости от мнения старших членов семьи. В монастыре она повышала свой социальный статус и могла удовлетворить стремление к образованию. Кроме того, русской крестьянской девушке было не сложно адаптироваться к жизни в монастыре, так как монастырский повседневный быт не сильно отличался от тех хозяйственных работ, которые она выполняла в родительском доме.³⁹⁰

Уход женщин в монастыри П.Н. Зырянов объясняет общим настроением «возвращения долга народу», которое было распространено у молодого поколения 1860-х годов. «Девушки, имевшие религиозное мировоззрение, предпочитали общины и монастыри с благотворительным уклоном, где они работали бок о бок с мещанками и крестьянками». Многие женщины уходили в монастырь ради служения Богу, у других не складывалась личная жизнь, а третьи были вдовами, которые бежали от гнета патриархальной семьи в святую обитель, чтобы найти приют и «трудиться равными среди равных».³⁹¹ По мнению Е. В. Беляковой, причины были в самом обществе, а именно в его изменении и распространении европейского типа брака, что привело к постепенному разрушению традиционной семьи и ростом количества незамужних женщин. Многие женщины, которые не уходили в монастыри стремились к самообразованию и получению профессии, например появились женщины-врачи.³⁹² Можно сказать, что причинами роста количества монашествующих женщин были социально-политические и экономические условия в стране, политика государства в

³⁹⁰ Смолич И.К. История русской церкви: 1700-1917 гг. Москва: изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. С. 291-292.

³⁹¹ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. Москва: Вербум-М, 2002. С. 21.

³⁹² Белякова Е.В., Белякова Н.А. Вопрос о диакониссах на Поместном соборе 1916-1917 гг. // Церковно-исторический вестник. Москва, 2001. № 8. С. 139-161.

отношении монастырей, аскетические настроения, а также стремление женщин к образованию, саморазвитию и самостоятельности.³⁹³

Расцвет женского монашества на территории Северного Кавказа пришелся на вторую половину XIX века. К началу исследуемого периода на территории Северного Кавказа существовало всего два мужских монастыря: Кизлярский Крестовоздвиженский мужской монастырь³⁹⁴ (1736 год) и Черноморская Екатерино-Лебяжья Николаевская пустынь³⁹⁵ (1794 год). Эти монастыри не были единственными основанными на Северном Кавказе, однако только они сохранились ко второй половине XIX в. Так, в 1796 году в г. Моздоке в связи с образованием Моздокско-Маджарской епархии были основаны Преображенский мужской второклассный и Успенский женский монастыри, однако они не просуществовали долго и в связи с упразднением Моздокско-Маджарской епархии в 1799 году и присоединением к Астраханской епархии, женский и мужской монастыри, как «не вполне устроенные» и требовавшие значительных сумм для своего устройства из казны были закрыты³⁹⁶.

На территории Северного Кавказа до середины XIX века отсутствовали женские монастыри, что воспринималось как значительное упущение в системе церковной и социальной организации. Создание женской обители стало важным шагом в деле христианского просвещения женской части населения региона, особенно в условиях отсутствия соответствующих образовательных учреждений. Женские монастыри на Северном Кавказе выполняли социальную функцию, предоставляя приют вдовам и сиротам,

³⁹³ Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 250-290.

³⁹⁴ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1892. С. 192.

³⁹⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 35, 35об, 36.

³⁹⁶ Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // СЕВ. 1888. № 19. С. 776.

число которых значительно возросло в связи с продолжавшейся Кавказской войной и эпидемией холеры, охватившей регион³⁹⁷.

Время их основания пришлось на период деятельности епископа Кавказского Иеремии, при котором было начато дело об учреждении двух женских монастырей – в Черномории и в городе Ставрополе. Благодаря активной поддержке наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-майора Г.А. Рашпиля³⁹⁸, проект создания монастыря в Черномории получил быстрое развитие. Начатая в 1846 году переписка об основании, завершилась 11 декабря 1848 года, когда император Николай I утвердил решение об учреждении женской пустыни. В день памяти святителя Дмитрия Ростовского, 21 сентября 1849 года, состоялось официальное открытие Марие-Магдалинской женской пустыни³⁹⁹.

Первой настоятельницей монастыря была назначена монахиня Митрофания, которая принимала непосредственное участие в создании данной обители⁴⁰⁰. Многие современники приписывают именно ей «возбуждение мысли о женской обители в Черномории». Однако без пожертвований со стороны благотворителей и приношений обычных людей, открытие монастыря было бы невозможно⁴⁰¹. Так, например, для устройства обители было выделено, принадлежащее Черноморскому войску, место на р. Кирпили, а также пособие в размере 20000 р., процентами от которых монастырь мог пользоваться в течение последующих 20 лет.⁴⁰²

Стремясь удовлетворить духовные потребности населения и смягчить социальные последствия военных и эпидемиологических потрясений, в 1849 году епископ Кавказский Иеремия инициировал создание похолодного женского приюта вблизи Ставрополя. Основной целью учреждения стало

³⁹⁷ Розалиев В. Схимонахиня Платонида // СЕВ. 1887. № 7. С. 251.

³⁹⁸ ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 6164. Л. 5.

³⁹⁹ Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // СЕВ. 1888. № 19. С. 776

⁴⁰⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2869. Л. 137-137об., 142-142об.

⁴⁰¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1911. Л. 68-68об.

⁴⁰² Открытие исправительных детских приютов при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Мариинской обителях в Кубанской области // СЕВ. 1898. № 24. С. 1239.

призрение вдов и круглых сирот духовного звания, а также предоставление помощи тяжело больным представителям других сословий⁴⁰³. Несмотря на первоначальный статус общины, уже в 1851 году, при епископе Иоанникии⁴⁰⁴, она была переименована в женскую Иоанно-Мариинскую обитель и причислена ко второму классу⁴⁰⁵. Уже к 1851 году в обители проживало 39 девушек и женщин, что свидетельствует о быстром притоке насельниц и востребованности обители. Быстрый рост числа насельниц в первые годы существования также указывает на значительную социальную нагрузку, которую монастырь принял на себя с момента основания. К 1874 году в монастыре проживало 330 девушек, в том числе игуменья, казначея, схимонахиня, 22 мантийные монахини, 46 рясофорных инокинь, 33 послушницы и 226 обычных девушек, белиц-вкладчиц, не входящих в общий счет⁴⁰⁶, что давало значительные возможности участия в религиозной и благотворительной деятельности на территории региона.

Инициатива епископа Иеремии по созданию женской общины получила активную поддержку со стороны городского населения, выразившуюся, прежде всего, в материальной помощи. Благодаря значительным пожертвованиям горожан к 1888 году инфраструктура Иоанно-Мариинской обители существенно расширилась. На ее территории располагались двухэтажный каменный лечебный корпус, две каменные церкви, 28 жилых флигелей, три дома для священнослужителей, а также двухэтажный дом для паломников. Последний также выполнял и образовательную функцию, размещая школу, в которой монахини обучали детей обоего пола⁴⁰⁷.

⁴⁰³ Розалиев В. Схимонахиня Платонида // СЕВ. 1887. № 7. С. 252.

⁴⁰⁴ Там же. С. 253.

⁴⁰⁵ Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // СЕВ. 1888. № 19. С. 777.

⁴⁰⁶ Розов К. Исторический очерк Ставропольской (на Кавказе) Иоанно-Мариинской женской иноческой обители, составленный бывшим учителем Кавказской духовной семинарии Константином Розовым. Санкт-Петербург: тип. духовного журнала «Странник», 1875. С. 49–50.

⁴⁰⁷ Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // СЕВ. 1888. № 19. С. 778.

К числу возникших за этот период относится Георгиевская женская обитель в Терской области, основанная в 1878 году. Обитель была учреждена недалеко от станции Государственной на земельном участке площадью 332 десятины⁴⁰⁸, предоставленном в дар отставным подполковником М.С. Ласточкиным – выходцем из духовного сословия⁴⁰⁹. Помимо основного земельного пожертвования, значительную роль в становлении монастыря сыграли частные взносы представителей различных сословий, включая военных⁴¹⁰, купцов⁴¹¹ и духовенство. Впоследствии М.С. Ласточкин принял церковное служение при учрежденной обители⁴¹², продемонстрировав тесную связь между личной благотворительной инициативой и религиозным служением.

В 1880 году новообразуемая Георгиевская женская обитель получила еще одно важное пожертвование: отставной рядовой П.Г. Попов завещал монастырю два деревянных дома с усадьбой и надворными постройками в городе Моздоке, а также две бани, виноградный сад и жилой дом. Согласно условиям завещания, имущество должно было перейти монастырю после смерти Попова и его супруги⁴¹³. Формирование монашеской общины происходило, в том числе, за счет насельниц из Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря⁴¹⁴, что демонстрировало преемственность и взаимосвязь между женскими обителями региона и достойный уровень осознания монашеского служения.

Учреждение женского общежительного монастыря в честь святого великомученика Георгия Победоносца в Терской области было обусловлено

⁴⁰⁸ Известия. Пожертвование в пользу новоучреждаемого женского Георгиевского монастыря // КЕВ. 1881. № 7. С. 226.

⁴⁰⁹ Два необычных ставленника во священники // КЕВ. 1880. № 23. С. 770.

⁴¹⁰ Известия. Пожертвование в пользу новоучреждаемого женского Георгиевского монастыря // КЕВ. 1881. № 7. С. 226.

⁴¹¹ Пожертвование в пользу иноческой обители // КЕВ. 1881. № 11. С. 371.

⁴¹² Два необычных ставленника во священники // КЕВ. 1880. № 23. С. 771.

⁴¹³ Пожертвование в пользу новоучреждаемого Георгиевского монастыря // КЕВ. 1880. № 17. С. 526.

⁴¹⁴ Два необычных ставленника во священники // КЕВ. 1880. № 23. С. 770.

необходимостью противодействия распространению раскольнических и сектантских течений среди местного населения. Одним из ключевых аргументов в пользу создания монастыря, представленным в докладе преосвященного Германа, была идея открытия при обители больницы, где монахини могли бы проходить постоянную практику по уходу за больными. Эта инициатива рассматривалась в контексте подготовки монастыря к выполнению санитарно-благотворительных функций в условиях возможных военных действий – по образцу деятельности сестер милосердия в военно-походных лазаретах во время военных кампаний. Данный проект получил одобрение Синода, что позволило приступить к его реализации⁴¹⁵.

В 1890 году две послушницы из числа сестер милосердия, движимые глубоким религиозным чувством и стремлением к духовному самосовершенствованию, основали женскую общину аскетического типа, ориентированную на молитвенное служение и труд. Местом основания стало уединенное пространство в Тибердинском ущелье Кавказских гор – участок на возвышенности, где ранее располагался древний храм. В течение последующих лет община активно развивалась, и к 1896 году ее численность достигла 70 сестер.

Несмотря на экстремальные природные условия, отсутствие стабильного финансирования и настороженное отношение со стороны части местного населения, сестры своими силами возвели каменные жилые корпуса и построили дорогу протяженностью около четырех верст, ведущую к храму. Под руководством сестры Евдокии в древнем храме был установлен иконостас, выполненный в традиционном стиле без использования позолоты, с иконами в «древнем вкусе»⁴¹⁶. Благодаря пожертвованиям благотворителей были приобретены и другие литургические предметы. При этом храм сохранил свой исторический облик: на стенах, особенно в алтарной части,

⁴¹⁵ Приглашение к пожертвованию на построение храма во вновь учреждаемой Георгиевской женской иноческой обители // КЕВ. 1881. № 17. С. 618–622.

⁴¹⁶ Освящение древнего храма при Спасо-Преображенской женской общины, что на р. Тиберде в Баталпащинском отделе, Кубанской области // СЕВ. 1896. № 22. С. 1329.

осталась нетронутой древняя настенная живопись⁴¹⁷. В 1897 году, в результате активного развития общины и соответствующего прошения, Синод утвердил ее преобразование в Спасо-Преображенский общежительный женский монастырь⁴¹⁸, что стало признанием значимости духовной и организационной деятельности сестер.

Ввиду отдаленности и отсутствия собственной охраны, монастырь подвергался нападениям, как со стороны диких животных⁴¹⁹, так и разбойников. Настоятельницы монастыря писали о неоднократных нападениях в штаб Кавказского военного округа и епархиальному архиерею. Так, в 1904 году настоятельница Раиса обратилась к епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Агафодору с просьбой о помощи и заступничестве от грабежей и разбоя: «... украли у нас 3 пары быков и побрали какие были сухарики, и это воровство ведь случилось не первый раз, а много раз они у нас уводили и скот, и другие мелочи»⁴²⁰. На что поступило поручение от начальника Кубанской области Д.А. Одинцова атаману Баталпашинского отдела Д.Е. Гетманову о проведении расследования и принятии начальником участка «решительных мер к искоренению краж и правильному отношению горцев к монастырю»⁴²¹.

На участке, завещанном вдовой войскового старшины А.А. Радченковой монахини Казанского женского монастыря Воронежской епархии – Архелая, в 1895 году в станице Динской Кубанской области было принято решение об организации молитвенного дома. Передача земли сопровождалась условием устройства на ней женского монастыря⁴²². Несмотря на то, что основу для монастыря заложила монахиня Архелая,

⁴¹⁷ Освящение древнего храма при Спасо-Преображенской женской общины, что на р. Тиберде в Баталпаштинском отделе, Кубанской области // СЕВ. 1896. № 22. С. 1330.

⁴¹⁸ Определение Святейшего Синода. Об учреждении Спасо-Преображенского общежительного монастыря близ села Сенты, Ставропольской епархии // СЕВ. 1897. № 12. С. 639.

⁴¹⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 57. Д. 172. Л. 1-3об.

⁴²⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 3146. Л. 2.

⁴²¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 3146. Л. 4-4об.

⁴²² ГАСК. Ф. 135. Оп. 53 Д. 409. Л. 9-50.

строительницей считают Татьяну Кончакову (монахиню Рафаилу). В течение двух лет Архелая управляла основанной женской общиной, однако на нее постоянно поступали жалобы от послушниц, о чем свидетельствуют документы из архива. А в 1897 году А.А. Радченкова переписала завещание, и Татьяна Кончакова была назначена заведующей женской обителью.⁴²³ Указом Синода в 1899 году было постановлено учредить на данной территории женскую общину⁴²⁴, а в 1901 году Рафаила была утверждена в должности начальницы⁴²⁵.

В 1904 году женскую общину преобразовали в женский монастырь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, и в том же году монахиню Рафаилу возвели в сан игуменьи⁴²⁶. В связи с тем, что Покровская женская пустынь уже была в данной станице, монастырь называли Новопокровским⁴²⁷. В монастыре к 1908 году проживало 120 сестер, из числа которых 7 мантийных монахинь, 40 рясофорных и 73 послушницы⁴²⁸.

Трудами нескольких вдов и двух десятков послушниц в 1889 году в г. Владикавказе была образована Владикавказская женская община. За несколько лет для нужд общины были приобретены земли 4806 кв. сажень, две десятины огорода и построена деревянная Покровская церковь. В 1895 году настоятельницей монастыря была назначена 60-летняя монахиня Ставропольского монастыря Неонила. Несмотря на возраст, за короткий срок своей деятельности монахиня Неонила украсила церковь при монастыре новым иконостасом, прибавила земли для монастыря и обнесла его кирпичной стеной, устроила корпуса (два для сестер и один игуменский), исходатайствовала надел леса в размере 68 десятин и начала дело по отводу

⁴²³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 53 Д.409. Л. 130–150.

⁴²⁴ Воскресенский А. Покровский женский монастырь в Кубанской области Ставропольской епархии // СЕВ. 1908. № 43. С. 1399.

⁴²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 555. Л. 1-2об.

⁴²⁶ Там же. Л. 1-2об.

⁴²⁷ ГАСК. Ф.135. Оп. 53 Д. 409. Л. 168–180.

⁴²⁸ Воскресенский А. Покровский женский монастырь в Кубанской области Ставропольской епархии // СЕВ. 1908. № 43. С. 1399.

участка земли в степи для хлебопашества⁴²⁹. Благодаря ее деятельности в 1898 году Синод постановил преобразовать общину во Владикавказский Покровский женский общежительный монастырь⁴³⁰, а в 1903 году он был возведен в степень второклассного монастыря⁴³¹.

В 1908 году, согласно указу императора Николая II и по ходатайству преосвященного Гедеоны, епископа Владикавказского и Моздокского, Кизлярский Крестовоздвиженский мужской общежительный монастырь был преобразован в женский. Основанием для данного преобразования стало фактическое угасание мужской обители, связанное с критически низкой численностью братии (всего 10-12 человек) и острой нехваткой трудовых ресурсов, необходимых для поддержания хозяйственной и духовной жизни монастыря⁴³².

На момент преобразования монастырь располагал значительными материальными ресурсами: в его собственности находилось более 2000 десятин земли, а также подворье в городе Петровске Дагестанской области⁴³³. Превращение мужской обители в женскую рассматривалось как мера по возрождению монастырской деятельности на данной территории и более эффективному использованию имеющихся ресурсов в условиях нарастающего духовно-религиозного кризиса в обществе.

В 1913 году в селе Винодельном была основана Виноделинская Казанская женская община. Ее создание стало возможным благодаря преобразованию бывшего винного склада и материальной поддержке со стороны епископа Агафодора, который с разрешения Синода жертвовал на

⁴²⁹ Попов И. Памяти незабвенной матушки – первой настоятельницы Владикавказского Покровского женского монастыря, игумении Неонилы // ВЕВ. 1903. № 24. С. 532.

⁴³⁰ Определение Святейшего Синода. Об обращении Владикавказской Покровской женской общины в женский того же наименования общежительный монастырь // СЕВ. 1898. № 5. С. 218.

⁴³¹ Извещения // ВЕВ. 1903. № 22. С. 465.

⁴³² Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Св. правительствующего Синода, преосвященному Гедеоны, епископу Владикавказскому и Моздокскому // ВЕВ. 1908. № 16. С. 303–304.

⁴³³ Там же. С. 303–304.

его развитие значительные суммы, в числе которых только на приобретение земельного участка было направлено 10 000 руб. Учреждение общины имело миссионерскую направленность – ее задачами провозглашались распространение православия среди местного населения и противодействие влиянию сектантства и старообрядчества, численность представителей которых в данном районе составляла около 500 человек.

Община получила наименование в честь мученика – архиепископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора, а также в память о его родителях. На территории общины к 1913 году находился храм в честь Казанской иконы Божией Матери, приют для нищих и инвалидов, 42 кельи для проживания сестер, трапезная, псалтырная, просфорная и другие хозяйственные и жилые постройки, необходимые для полноценной монастырской жизни. В 1914 году, по ходатайству настоятельницы общины монахини Раисы и сестер, Виноделинская Казанская женская община указом Синода была преобразована в Казанско-Агафодоровский женский общежительный монастырь.⁴³⁴

Просуществовали женские монастыри на Северном Кавказе недолго. После 1917 года женские монастыри, как и другие церковные учреждения, столкнулись с системными репрессиями и разрушением привычного уклада. В новых условиях антирелигиозной политики советской власти монастырская жизнь практически прекратила свое существование. Обители Северного Кавказа были закрыты, а их имущество национализировано. Показателен пример Новопокровского женского монастыря в ст. Динской, который после прихода к власти большевиков оказался в тяжелом положении, а в 1931 году был преобразован в птицеводхоз⁴³⁵.

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что женские монастыри на Северном Кавказе играли важную роль не только в духовной жизни, но и в социально-культурном развитии региона, выступая как центры

⁴³⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1032. Л. 6-10.

⁴³⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 53 Д. 409. Л. 168-180.

благотворительности, просвещения и медицинской помощи⁴³⁶, оказывая влияние на местное население вне зависимости от сословной и этноконфессиональной принадлежности.

Стоит отметить, что жизнь в монастыре подходила не всем. Показателен случай послушницы Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря Евдокии Лозовой, которая, как некоторые по ошибке вставшие на данный путь, в 1867 году подала прошение об увольнении в первобытное состояние. В нем она указывала, что ушла в монастырь в 1852 году из среды государственных крестьян, а в 1861 году была утверждена послушницей. Несмотря на первоначальное стремление к духовной жизни, спустя годы Е. Лозовая признала свою слабость и неспособность нести монастырское бремя, что стало основанием ее просьбы⁴³⁷. Данный случай отражает не только внутренние сомнения, но и высокую степень ответственности, с которой женщина подходила к принятию духовного звания. Подобные прошения, зафиксированные в архивах, свидетельствуют о том, что практика ухода из монастырей, хоть и была редкой, все же существовала и отражала как индивидуальные кризисы, так и более широкие социальные и психологические проблемы монастырского быта.

Сравнительный анализ социального состава монашествующих мужчин и женщин позволяет выявить существенные различия, сформировавшиеся под влиянием государственной политики в сфере церковной жизни. Еще в XVIII веке было установлено ограничение на пострижение в монашество: принимать монашеский чин разрешалось преимущественно вдовствующим священнослужителям, отставным солдатам, а позднее – выпускникам духовных учебных заведений. Представителям дворянства путь в монашество фактически был закрыт, что обусловило преобладание выходцев из духовного сословия в мужских монастырях.

⁴³⁶ Шафранова О.М. Роль женских монастырей в социокультурной жизни региона // Теодицея. 2013. № 4. С. 138.

⁴³⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп. 25. Д. 284. Л. 1-1об.

В женских обителях, напротив, наблюдалось значительное социальное разнообразие. До реформ 1860-х годов в женских монастырях значительную долю составляли представительницы дворянского, мещанского и купеческого сословий, однако уже с середины XIX века наметилось стремительное увеличение доли женщин крестьянского происхождения. Так, по данным на 1878 год, из 15 штатных монахинь Марие-Магдалинской женской пустыни шестеро ранее принадлежали к крестьянскому сословию, трое – к казачеству, одна – мещанскому сословию, а также были представительницы дворянского и купеческого сословий, что свидетельствует о разнообразии социального происхождения насельниц⁴³⁸.

Схожая картина наблюдалась в Иоанно-Мариинском женском монастыре, где в числе послушниц в 1873 году числились девушки из разных сословий, в том числе и из духовного⁴³⁹. Эти данные подтверждают наличие социальной многослойности в составе женских монастырей Северного Кавказа, что отличало их от более сословно однородных мужских обителей и отражало как региональную специфику, так и общероссийские тенденции изменения состава монашествующих в условиях социально-экономических преобразований второй половины XIX века. Примечательно, что среди послушниц монастыря были и дочери из духовного и военного сословий, что подчеркивает открытость монастыря для женщин разных сословий, но с явным преобладанием нуждающихся в социальной и духовной опоре.

В отличие от мужских монастырей, женские обители часто находились в значительно более бедственном положении. Во многих из них отсутствовали надвратные церкви, а иногда даже не было ограды⁴⁴⁰. Уровень жизни монахинь во многом определялся их социальным происхождением и

⁴³⁸ Распоряжения епархиального начальства // КЕВ. 1873. № 6. С. 175–176.

⁴³⁹ Распоряжения епархиального начальства // КЕВ. 1873. № 7. С. 207–208; № 8. С. 241; № 10. С. 313.

⁴⁴⁰ Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 259.

статусом самого монастыря⁴⁴¹. Кроме монахинь, в таких обителях проживали также белицы-вкладчицы⁴⁴².

Так, в 1885 году на момент разделения Кавказской епархии на Ставропольскую, Сухумскую и Владикавказскую, в трех мужских монастырях проживало 58 монахов и 9 рясофорных послушников, в то время как только в одном второклассном Иоанно-Мариинском женском монастыре проживало 49 монахинь и 43 рясофорные послушницы, а в третьеклассном Марие-Магдалинском монастыре – 29 монахинь и 18 рясофорных послушниц.⁴⁴³

Георгиевская женская обитель, находившаяся в процессе становления, принимала не только монахинь, но и мирских женщин и девушек различных сословий, общее число которых уже к 1881 году превышало 30 человек⁴⁴⁴. По свидетельствам современников, на раннем этапе существования монастырь представлял собой скромное поселение с примитивными жилищами, расположенными на берегу реки Куры. Постепенное развитие обители стало возможным благодаря регулярной поддержке со стороны духовенства и мирян епархии: пожертвования в ее пользу поступали от церковных приходов и жителей различных поселений⁴⁴⁵. Так, в Кавказских епархиальных ведомостях были зафиксированы выражения благодарности от епископа в адрес прихожан и духовенства станиц Екатеринодарской⁴⁴⁶ и

⁴⁴¹ Об обучении прядильному мастерству девиц и вдов, живущих в монастырях и готовящихся к пострижению в монашество // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1872. Т. 2 (1722). № 779.

⁴⁴² Монашество и монастыри в России. XI-XX вв. Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 261.

⁴⁴³ Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // СЕВ. 1888. № 19. С. 794.

⁴⁴⁴ Приглашение к пожертвованию на построение храма во вновь учреждаемой Георгиевской женской иноческой обители // КЕВ. 1881. № 17. С. 618–622.

⁴⁴⁵ Извлечение из отчета благочинного 2 округа Терской области, священника Георгия Краснопецева // КЕВ. 1881. № 21. С. 754–755.

⁴⁴⁶ Архипастырское благословение // КЕВ. 1881. № 23. С. 807.

Государственной⁴⁴⁷, что свидетельствует о широкой вовлеченности населения в строительство монастыря.

Уже к 1884 году численность насельниц достигла примерно 130 человек, были возведены необходимые хозяйственные постройки, устроен колодец, а также построена «приличная» церковь⁴⁴⁸. Ввиду очевидного роста обители и ее устойчивого функционирования, было подано прошение о ее официальном утверждении⁴⁴⁹. Указом Синода от 04 апреля 1885 года Георгиевская женская обитель была преобразована в общежительный монастырь⁴⁵⁰ с больницей и школой при нем⁴⁵¹. Управление монастырем было возложено на монахиню Агафонику, назначенную игуменьей, а священник М.С. Ласточкин, ранее активно участвовавший в становлении обители, был утвержден в должности штатного священника⁴⁵². По данным на 1906 год, монастырская община насчитывала 26 монахинь в монашеском чине, 30 рясофорных и 141 послушницу⁴⁵³, что указывает на его значительное расширение и активное участие в религиозной и социальной жизни региона.

Схожую динамику демонстрировала Виноделинская Казанская женская община. К 1913 году в общине уже функционировали храм, приют для бедных и инвалидов, жилые и хозяйственные постройки, включая 42 кельи, трапезную, просфорную и псалтырную. Общая численность сестер составляла 80 человек, включая 3 монахини (одна из которых – заведующая Раиса), 6 рясофорных и значительное число послушниц, находящихся на

⁴⁴⁷ Архипастырское благословение // КЕВ. 1882. № 4. С. 115.

⁴⁴⁸ Известия. Навоустройстваемый на реке Куре, терской области, Георгиевский женский монастырь // КЕВ. 1882. № 20. С. 700.

⁴⁴⁹ Обозрение Преосвященным Германом, Епископом Кавказским, церковей Терской области и частью Ставропольской губернии и Кубанской области, в апреле и мае 1884 г. // КЕВ. 1884. № 15. С. 556.

⁴⁵⁰ Об учреждении Георгиевского женского монастыря в Терской области // КЕВ. 1885. № 8. С. 347.

⁴⁵¹ От 7–23 марта 1885 года, за № 475, об учреждении в Терской области, Пятигорского округа, женского общежительного монастыря с наименованием онога Георгиевским // КЕВ. 1885. № 9. С. 354–355.

⁴⁵² Определения на должности, перемещения и увольнения // КЕВ. 1885. № 9. С. 362.

⁴⁵³ Попов И. Владикавказская епархия в 1903 г. (Краткий статистический обзор) // ВЕВ. № 24. 1906. С. 25.

различных ступенях иноческого пути. Община обеспечивала свое существование за счет труда насельниц и пожертвований, что свидетельствует о высокой степени ее автономности и способности к самофинансированию в условиях ограниченного государственного участия.

Покровская женская община в станице Динской Кубанской области была образована на участке земли, переданном под организацию монастыря, и составляла 120 десятин и 800 квадратных сажений, при рыночной стоимости, не превышающей 12 тысяч рублей. На момент передачи она включала в себя три ветхих жилых строения, четыре хозяйственные постройки и запущенный фруктовый сад, что требовало значительных усилий по благоустройству территории для создания условий полноценного функционирования обители⁴⁵⁴.

Разветвленная инфраструктура была сформирована в Покровской общине к 1903 году: помимо молитвенного дома были возведены пять жилых корпусов для сестер, больница-приют для нищих и инвалидов, школа с жилыми помещениями для учительниц, дом священника, трапезная, два хлебных амбара, мельница и гостиница. Одновременно было начато строительство крупного кирпичного храма. Община развивала собственное сельское хозяйство, включая разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота⁴⁵⁵. Уровень обеспеченности свидетельствовал о хозяйственной самодостаточности обители, основанной преимущественно на благотворительной поддержке прихожан и неустанном труде ее насельниц⁴⁵⁶.

Женщины, проживавшие в общине, были заняты в различных сферах хозяйственной и общественной жизни монастыря: они занимались пчеловодством, садоводством, земледелием, ремесленным и прикладным трудом. Внутренняя структура общины включала как административные должности (начальница, уставница, регентша), так и широкий спектр

⁴⁵⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 53 Д. 409. Л. 9-50.

⁴⁵⁵ Открытие Покровской общины и освящение храма в селении Бородицком // СЕВ. 1899 № 20. С. 1033.

⁴⁵⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 53 Д. 409. Л. 168.

послушаний – от экономки, ризничихи и просфорницы до чтиц и коверщиц⁴⁵⁷. Такое разнообразие функций и ролей свидетельствует о высокой степени организации и социальной иерархии внутри женской монастырской общины, а также о ее важной роли в религиозной, экономической и социокультурной жизни региона.

Таким образом, женские монастыри на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв., на фоне общероссийского православного женского подвижничества, демонстрировали устойчивую динамику количественного роста и институционального укрепления. В большинстве своем обители формировались на базе небольших женских общин, и с течением времени преобразовывались в полноценные монастыри общежительного типа. Данный процесс сопровождался трансформацией внутренней организации, расширением хозяйственной инфраструктуры и вовлеченностью в социокультурное пространство региона.

Принятый женскими монастырями общежительный устав определял коллективное ведение хозяйства, совместность молитвенной и трудовой жизни. Важным фактором их устойчивости в развитии были не столько благотворительные пожертвования для их содержания, сколько развитое подсобное монастырское хозяйство, которое открывало широкие возможности для монастырской благотворительности. Такая многофункциональность усиливала экономическую и социальную автономность монастырей, обеспечивала им стабильность даже в условиях возникающих кризисов.

Женские монастыри на Северном Кавказе представляли собой яркий пример религиозных институтов, являющихся для населения социокультурными центрами. Их деятельность была основана на

⁴⁵⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп. 53 Д. 409. Л. 168.

взаимодействии религиозной и светской сферы, что в последующем определило особую значимость женского монашества в формировании культурного и общественного пространства Российской империи.

3.2. Вклад женских обителей в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа

Женские монастыри в истории Российской империи были не только центрами духовной жизни, но и значимыми социокультурными учреждениями. Для XIX века характерно развитие сотрудничества РПЦ с государством в деле благотворительности. Большой вклад в развитие этой деятельности внесли императоры и их жены. Марией Федоровной были созданы вдовьи дома-приюты для бедных вдов в Москве и Санкт-Петербурге.⁴⁵⁸ Она организовала первую Общину сердобольных вдов, а на его основе позже было организовано Российское общество Красного креста.⁴⁵⁹ Многие из монастырей имели большое социальное значение, благодаря активной благотворительной деятельности. И. Смолич приводит следующие данные о благотворительной деятельности женских монастырей Российской империи: в 1887 г. монастыри содержали 93 больницы и 66 приютов для престарелых, две трети из которых приходились на женские монастыри, при этом мужских монастырей было тогда 469, а женских всего 202⁴⁶⁰.

В условиях Северного Кавказа второй половины XIX – начала XX века, где переплетались традиции православия, ислама и местных верований, женские обители стали своеобразными центрами культурной,

⁴⁵⁸ Чеснокова А.Н. Школа народного искусства императрицы Александры Федоровны. Исторический очерк. Санкт-Петербург: Сатис-Альянс, 1998. С.8.

⁴⁵⁹ Извлечение из отчета по ведомству духовных дел Православного исповедания за 1861 г. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1864. С. 18-19.

⁴⁶⁰ Смолич И.К. История русской церкви: 1700-1917 гг. Москва: изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. С. 280-290.

образовательной и благотворительной деятельности. Их деятельность способствовала сохранению и укреплению православных ценностей, развитию социальной инфраструктуры и укреплению связей между различными слоями населения.

Для XIX века характерно развитие женского монастырского подвижничества, которое получило особенно активное развитие во второй половине XIX века, в пореформенный период. Женское монастырское подвижничество – это аскетическое движение молодых девушек, которое выражалось в служении Богу через жизнь в монастыре и следование аскетическим идеалам. Данное движение связано с укоренением христианских ценностей в жизни женщин, посвященных монашеству, и включает в себя различные формы проявления, отражающие как духовные, так и общественные функции монастырей.

Этот процесс был тесно связан с изменениями в социально-экономическом устройстве страны. Отмена крепостного права, разрушение патриархальных устоев и обострение социальных проблем создавали необходимость поиска новых путей для поддержания стабильности в государстве. В этих условиях женские монастыри играли важную роль, смягчая социальное напряжение и укрепляя религиозные устои общества. Для этого они расширяли благотворительную деятельность, возрождали традиции подвижничества и иноческого служения, уделяя особое внимание поддержке нуждающихся слоев населения.⁴⁶¹ Не стал исключением в этом процессе и Северный Кавказ. Государство рассчитывало за счет строительства монастырей укрепить позиции РПЦ в регионе.

Главной идеей женского монастырского подвижничества было стремление к духовному очищению, спасению души, молитвенной жизни и служению другим. Оно проявлялось в разных формах и видах. Среди них мы

⁴⁶¹ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 6

выделили аскетическое подвижничество (затворничество, столпничество, молчальничество, юродство, странничество и т.д.), которое выражалось в строгом соблюдении правил и обетов, а также отрешении от материального, социальное подвижничество (уход за больными, обучение и воспитание детей и т.д.), молитвенное подвижничество (старчество) и миссионерскую деятельность.

Стоит отметить, что такие формы аскетического подвижничества, как затворничество, столпничество, молчальничество, юродство, странничество, не были самоцелью, а были лишь средством достижения смирения. Данные формы были самыми тяжелыми не только для женщин, но и мужчин, поэтому среди женщин можно насчитать только единичные случаи их реализации. На такую суровую жизнь решались не все, а если и выбирали данный путь, то чаще всего это начиналось с детства, при расположенности к «суровой» аскетической жизни.

Несмотря на то, что в Ставропольской епархии в рассматриваемый период не зафиксированы примеры крайних форм аскетического подвижничества, тем не менее, в монастырской среде имели место проявления иноческого подвижничества. Оно выражалось в постоянном несении тяжелых послушаний, строгом соблюдении монастырского устава и самоотверженном служении обители. Ярким примером может служить монахиня Фекла, привратница Иоанно-Мариинского женского монастыря, которая с рассвета до заката находилась у главных врат обители, встречая паломников: при каждом их проходе она вставала, кланялась, звонила в колокольчик, приглашая на «доброхотное подаяние», и непрестанно молилась. В любую погоду она несла свое послушание с «неизменным смирением и усердием»⁴⁶².

⁴⁶² Розов К. Исторический очерк Ставропольской (на Кавказе) Иоанно-Мариинской женской иноческой обители, составленный бывшим учителем Кавказской духовной семинарии Константином Розовым. Санкт-Петербург: тип. духовного журнала «Странник», 1875. С. 82.

Одной из ключевых форм деятельности женских монастырей Северного Кавказа являлось подвижничество насельниц в сфере благотворительности, просвещения и духовного наставничества. Монастырская жизнь не ограничивалась аскетическим уединением и иноческим служением: монахини и послушницы активно участвовали в организации приютов, больниц, церковно-приходских школ, обучали детей и взрослых основам православной веры, оказывали помощь больным и обездоленным.

При женских монастырях часто занимались воспитанием девочек и их образованием. Изначально монастыри брали на воспитание сирот, с целью оставить их в монастыре в будущем в качестве монахинь. Как правило, из таких девочек вырастали хорошие игуменьи, казначеи и просто монахини. Немного позже в монастыри начали отправлять на воспитание девочек из разных сословий, однако не все такие девушки становились монахинями. Брав на воспитание девочек монастыри реализовывали в обществе важную миссию – воспитания девочек в христианском духе и православной культурной традиции.

При монастырях часто открывали приюты для детей: в одном из таких приютов при Марие-Магдалинском женском монастыре в 1915 году содержалось 17 девочек в возрасте от 5 до 17 лет. Помимо этого, при обители функционировала богадельня, в которой находилось 10 призреваемых лиц разного пола и возраста, нуждающихся в постоянном уходе и поддержке.⁴⁶³ Эти учреждения играли важную роль в системе социального призрения в Российской империи и выступали в качестве центров милосердия, подкрепляя духовную миссию монастыря конкретными действиями социальной направленности.

Одной из важных направлений подвижнической служения была также миссионерская деятельность монастырей. Понимая важную роль в деле

⁴⁶³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 598. Л. 3–6об.

просвещения населения ближе к концу XIX века при монастырях активно начали развиваться школы и постепенно это начинание перестало быть добровольным и переросло в обязательное. По всей Российской империи в обязательном порядке начали создавать, как правило, при вновь открывающихся монастырях школы, так как в отчетных докладах архиереев указывалось, что большая часть монастырей находились довольно в бедном положении и не имели возможности и средств к образованию благотворительных и воспитательных учреждений. При этом, в монастырях и без организации школ жили сироты и послушники. Помимо обычных послушаний, монахини занимались обучением грамоте и рукоделию детей, уходом за престарелыми и больными, а также просвещением всех желающих пройти Таинство Крещения.⁴⁶⁴

Интересным примером включения иноверных детей в монастырскую среду стало прошение игумении Иоанно-Мариинского женского монастыря, в котором сообщалось о двух горских девочках – Дохизет Саугул и Гого Селяхи, переданных в обитель на воспитание отставным майором. Настоятельница просила разрешение на их крещение, отмечая, что за время пребывания в монастыре девочки усвоили основы христианской веры, начали понимать русскую речь и проявляли желание остаться в монастыре. Консистория дала разрешение на совершение обряда с последующим представлением метрических выписок.⁴⁶⁵ В числе подобных случаев можно отметить обучение монахиней Иоанно-Мариинского женского монастыря в 1878 году еврейки Х. Грушман догмам православной веры, завершившееся ее крещением⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ Из всеподданнейшего отчета Обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого, по ведомству православного исповедания за 1868 г. // Воронежский епархиальный вестник. 1870. № 7. С. 115–117.

⁴⁶⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 25. Д. 66. Л. 1–1об.

⁴⁶⁶ Отчет о состоянии и деятельности Андреевского Братства в г. Ставрополе на Кавказе за 1878 – 9 братский (шестой) год. // КЕВ. 1880. № 2. С. 67.

При женских монастырях Северного Кавказа в 1880-1890-е гг. активно развивалась просветительская деятельность, выражавшаяся, в частности, в открытии церковно-приходских школ. Эти образовательные учреждения создавались и содержались за счет собственных средств обителей⁴⁶⁷. Так, при Марие-Магдалинской женской обители к 1893 году обучались до 50 девочек школьного возраста, несмотря на то, что полноценная школьная инфраструктура в тот период еще не была сформирована⁴⁶⁸. Школа была организована позднее⁴⁶⁹. Образовательная деятельность велась и при Покровском женском монастыре, где также была организована школа⁴⁷⁰.

При Свято-Преображенском женском монастыре также была открыта школа, за что настоятельница Екатерина была удостоена благодарности и награждена грамотой⁴⁷¹. При Спасо-Преображенском монастыре такая церковно-приходская школа начала работу в 1898 году. В ней обучались как русские дети (4 мальчика и 6 девочек), так и представители местного мусульманского населения – 8 мальчиков-карачаевцев⁴⁷². Стоит отметить, что обучающихся в школе было мало, в 1916 году их составляло всего 13 человек: 8 девочек и 5 мальчиков. Обучающимися в школе – в большинстве были послушницы монастыря, из-за чего занятия в школе начинались поздно и завершались рано, в связи с необходимостью работы в поле, что в свою очередь сказывалось и на состоянии учебно-воспитательного дела. Помимо основных предметов, в школе преподавали и рукоделие⁴⁷³.

⁴⁶⁷ Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 269.

⁴⁶⁸ Путешествие Преосвященного Агафодора для обозрения церквей епархии // СЕВ. 1893. № 24. С. 791.

⁴⁶⁹ Крыжановский П.Н. Открытие исправительных детских приютов при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Мариинской обителях в Кубанской области // СЕВ. 1898. № 24. С. 1240.

⁴⁷⁰ От Епархиального училищного совета // ВЕВ. 1909. № 24. С. 816.

⁴⁷¹ Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1898. № 3. С. 117.

⁴⁷² Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского Братства за 1898 год // СЕВ. 1900. № 1. С. 47.

⁴⁷³ Отчет о посещении Преосвященным Михаилом, епископом Александровским, 2м Викарием Ставропольской епархии, приходов и церквей 1-го, 9-го, 10-го и 11-го

В г. Ставрополе при Иоанно-Мариинском женском монастыре действовало начальное училище для детей обоего пола, которое содержалось исключительно на средства монастыря⁴⁷⁴. В школе молодые инокини обучали детей церковному и светскому чтению, письму и пению⁴⁷⁵. На основании рапорта игумении монастыря Феофилы в 1885 году⁴⁷⁶ училище было переименовано в церковно-приходскую школу и передано в епархиальное ведомство⁴⁷⁷. За особо ревностную и плодотворную деятельность по церковным школам монахини Иоанно-Мариинского женского монастыря были удостоены наград. Так, в 1899 году игумении монастыря Аполлинарии и по совместительству попечительнице церковно-приходской школы, а также заведующей рукодельным классом в той же школе казначее Археласе была выражена благодарность от епархиального училищного совета⁴⁷⁸. Чтобы облегчить образовательную задачу монастыря, начали создаваться епархиальные учебные заведения – училища, деятельность которых мы описывали в предыдущей главе.⁴⁷⁹

По прошению настоятельницы Иоанно-Мариинского монастыря игуменьи Аполлинарии в начале XX века была открыта второклассная женская церковно-приходская школа, для целей которой было построено в 1902 году отдельное двухэтажное здание⁴⁸⁰. В 1910-1911 учебном году в

благочиннических округов Кубанской области в октябре 1915 года // СЕВ. 1916. № 38. С. 1240.

⁴⁷⁴ Извлечение из журналов Кавказского епархиального училищного совета // КЕВ. 1885. № 13. С. 517.

⁴⁷⁵ Шаликашвили Е.Н. Влад настоятельниц первых женских монастырей в развитии социокультурного пространства Северного Кавказа // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. №10 (4). С. 48-53.

⁴⁷⁶ Извлечение из журналов Кавказского епархиального училищного совета // КЕВ. 1885. № 13. С. 517.

⁴⁷⁷ Извлечение из журналов Кавказского епархиального училищного совета // КЕВ. 1885. № 15. С. 600.

⁴⁷⁸ Церковно-школьный отдел // СЕВ. 1899. № 5. С. 201.

⁴⁷⁹ Об открытии при Пензенском Троицком женском монастыре училища для сирот девочек // Пензенские епархиальные ведомости. 1872. № 1. С. 26–28.

⁴⁸⁰ Шаликашвили Е.Н. Влад настоятельниц первых женских монастырей в развитии социокультурного пространства Северного Кавказа // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. №10 (4). С. 48-53.

школе обучалось 83 девушки, в том числе 37 дочерей крестьян, 21 – казачьих, 18 – мещан, 5 - дворян и 2 – купеческого сословия⁴⁸¹. Несмотря на высокий уровень требований к кандидатам, поступающим на обучение в школу, нередко на вступительные экзамены приходили кандидаты, не владеющие в достаточной степени необходимыми навыками в чтении, письме и счете, и таких иногда приходилось принимать «за неимением лучших»⁴⁸². Помимо обычных школьных занятий и посещения храма, изредка в школе проводились литературно-вокальные и литературно-музыкальные вечера, на которых учащиеся читали, пели, разыгрывали драматические произведения, играли на музыкальных инструментах по программам. Кроме того, воспитанниц вывозили на экскурсии, так в 1910 году ученицы посетили сельско-хозяйственную и промышленно-этнографическую экскурсию в г. Екатеринодаре⁴⁸³. В годы Первой мировой войны учащиеся второклассной школы при монастыре изготавливали на собственные средства теплые чулки, шлемы и напульсники для воинов. Кроме того, учащиеся сберегали часть из своих порций и собрали таким образом для раненых полтора пуда сахара, а из материала, предоставленного Дамским Комитетом общества Красного Креста, изготовили 300 пар белья и 25 халатов⁴⁸⁴.

Понимая важность монастырей в деле просветительской и миссионерской деятельности, архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский инициировал проведение в 1911 году богословско-миссионерских курсов для монахов и монахинь, чтобы они в дальнейшем могли вести собеседования и чтения для «приходящих богомольцев» и с

⁴⁸¹ Отчет епархиального наблюдателя о состоянии в учебно-воспитательном отношении церковно-приходских школ Ставропольской епархии за 1910-1911 учебный год // СЕВ. 1912. № 39. С. 70.

⁴⁸² Отчет епархиального наблюдателя о состоянии в учебно-воспитательном отношении церковно-приходских школ Ставропольской епархии за 1910-1911 учебный год // СЕВ. 1912. № 39. С. 72.

⁴⁸³ Там же. С. 86.

⁴⁸⁴ Никольский С. Ставропольское Епархиальное духовенство и Вторая Отечественная война // СЕВ. 1915. № 29. С. 932.

целью противодействия сектантским направлениям. Такие курсы были проведены во всех монастырях Ставропольской епархии, в том числе в женских, а именно в Покровском женском монастыре Кубанской области, Ставропольском Иоанно-Мариинском женском монастыре, Казанской женской общины в с. Винодельном Ставропольской губернии, Марие-Магдалинской женской пустыни и Спасо-Преображенском женском монастыре Кубанской области⁴⁸⁵.

При монастырях Российской империи часто организовывались больницы. Ставропольская (Кавказская) епархия не стала исключением, при Спасо-Преображенском женском монастыре была организована больница на 7 кроватей с необходимыми медикаментами, которой пользовались и соседние жители карачаевцы-инородцы⁴⁸⁶. При Иоанно-Мариинском женском монастыре в 1881 году была организована больница по прошению послушницы Ирины Масленниковой на средства тайных благотворителей. Больничный корпус состоял из 4-х теплых комнат⁴⁸⁷. При Марие-Магдалинской женской пустыни также была монастырская больница на 13 кроватей, а при ней имелась ванная и перевязочная комнаты, аптека с медикаментами. Согласно докладу священника Кирилла Окиншевича от 1915 года лекарства в монастырской аптеке выдавались бесплатно⁴⁸⁸. При больнице находилась фельдшерица из сестер монастыря, а доктор находился на расстоянии 18 верст от монастыря в ст. Брюховецкой⁴⁸⁹.

С начала Синодального периода государство расширяло социальную сторону деятельности монастырей и обязывало монастыри оказывать помощь всем нуждающимся, в особенности многочисленным увечным воинам. В течение долгого времени государство привлекало Церковь к участию в

⁴⁸⁵ Миссионерские известия по Ставропольской епархии. Богословско-миссионерские монастырские курсы в Ставропольской епархии // СЕВ. 1911. № 19. С.137-139.

⁴⁸⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 72. Д. 907. Л. 18-21.

⁴⁸⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп. 35. Д. 249. Л. 1-2.

⁴⁸⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 598. Л. 3-6об.

⁴⁸⁹ ГАСК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 6164. Л. 5-8об.

благотворительности. В годы военных действий монастыри устраивали дома призрения для раненых воинов и приюты для сирот павших воинов, в том числе во время Первой мировой войны такие дома призрения и приюты устраивались по определению Синода и призыву епархиального архиерея Агафодора⁴⁹⁰. Так были предоставлены под земские госпитали здание гостиницы при Иоанно-Мариинском женском монастыре в г. Ставрополе на 40 кроватей, две комнаты в гостинице Казанского Агафодоровского женского монастыря, а также открыт госпиталь на собственные средства при Марие-Магдалинской женской пустыни⁴⁹¹.

Значительный вклад в развитие медицины и благотворительности в Российской империи внесли сестры милосердия – девушки и женщины, занимавшиеся уходом за больными и ранеными, особенно в условиях военных действий и эпидемий. Начало деятельности сестер милосердия было положено в период Крымской войны (1853-1856 гг.), когда массовые потери и нехватка медицинского персонала потребовали создания систематической помощи раненым. В 1854 году по инициативе великой княгини Елены Павловны и выдающегося хирурга Н.И. Пирогова была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия, положившая начало организованному сестринскому служению. Эти девушки выносили раненых солдат с поля боя, до изнеможения ассистировали на операциях, выхаживали самых безнадежных больных.⁴⁹²

Императрица Мария Александровна пыталась реализовать проект создания в каждой епархии таких общин, которые бы занимались социальной деятельностью и при этом имели широкую государственную поддержку и покровительство. Императрица вместе со своим супругом Александром II

⁴⁹⁰ Никольский С. Ставропольское Епархиальное духовенство и Вторая Отечественная война // СЕВ. 1915. № 32. С. 1026-1027.

⁴⁹¹ Никольский С. Ставропольское Епархиальное духовенство и Вторая Отечественная война // СЕВ. 1915. № 29. С. 930-931.

⁴⁹² Тихонова Т.К., Абашин В.Г. Сестра милосердия в русско-турецкой (1877-1878) войне. Баронесса Юлия Петровна Вревская // Журнал акушерства и женских болезней. 2010. № 3. С. 114–121.

посетили более 50 монастырей по всей России, они интересовались монастырскими больницами, богадельнями, школами.⁴⁹³ Мария Александровна хотела реализовать свой «проект» в рамках всей страны, однако у нее не все получилось, но сделала она все же многое. В 1870 году под ее покровительством была открыта «Образцовая Иоанно-Ильинская община сестер милосердия» в Пскове. Эта община была одна из первых, которая была открыта специально для благотворительной деятельности.

Сестры помогали нуждающимся в больницах и тюрьмах, а в период войны работали в госпиталях, домах сирот, ухаживали за младенцами. В основном такие общины ориентировались на помощь бедным сословиям⁴⁹⁴. В таких общинах ни сестры, ни обычные послушницы не давали монашеских обетов, не имели пострига, но от них требовалась специальная торжественная клятва на верность служения делу. От обычных монахинь они также отличались тем, что носили особую одежду с изображением креста на груди. Были также и сходства с монастырем: в обоих случаях девушки давали обет безбрачия, жили по уставу и во главе общины или монастыря стояла монахиня.

Проект Марии Александровны реализовать полностью не удалось, из-за недостатка средств для содержания таких социальных монастырей, общин, кроме того не было людей, которые могли бы помочь в реализации на местах. В основном монастыри и общины были настроены на традиционную монашескую жизнь.

На Северном Кавказе, как и во всей Российской империи, женские монастыри создавали свои общины сестер милосердия. Монашеская жизнь и дисциплина, основанная на послушании и милосердии, идеально сочеталась с целями медицинского служения. Так, Иоанно-Мариинский женский

⁴⁹³ Из всеподданнейшего отчета Обер-Прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого, по ведомству православного исповедания за 1868 г. // Воронежские епархиальные ведомости. 1870. № 5. С. 228-231.

⁴⁹⁴ Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 300–311.

монастырь с момента основания предоставлял постоянный приют больным детям из семей духовенства, вдовам и сиротам. Сестры обители активно участвовали в жизни государства, оказывая посильную помощь в трудные исторические периоды. За свою деятельность община, а затем и монастырь, неоднократно получали письменные благодарности от военных. Сестры Иоанно-Мариинской и других женских обителей внесли значительный вклад в развитие религиозной жизни и образовательной сферы региона. Они служили сестрами милосердия практически во всех военных конфликтах второй половины XIX века и первой четверти XX века, в которых участвовала Российская империя, поддерживая больных и раненых.⁴⁹⁵

Во время военных конфликтов не только сестры милосердия Иоанно-Мариинского женского монастыря несли «сердобольную службу» по уходу за больными и ранеными воинами, но и из других монастырей Ставропольской епархии. Так, например, во время русско-турецкой войны несли службу по уходу за больными и ранеными 1 мантийная монахиня и 2 рясофорные монахини (послушницы) и 4 послушницы⁴⁹⁶ Черноморской Марие-Магдалинской пустыни, 2 иеромонаха Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря и 1 послушник Кавказского архиерейского дома⁴⁹⁷. По свидетельству военно-медицинского начальства и общества Красного креста, монахини и послушницы монастырей Ставропольской (Кавказской) епархии, принявшие на себя обязанности сестер милосердия отличились особенным «самоотвержением и примерным поведением при всех военных действиях, находились в передовых походных лазаретах, в числе первых оказывали раненым санитарные пособия и нравственную

⁴⁹⁵ Немашкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е году XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. С. 130-150.

⁴⁹⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 34. Д. 328. Л. 8-9.

⁴⁹⁷ О службе сестер милосердия // КЕВ. 1878. № 21. С. 780.

поддержку и трудились в духе христианского самоотвержения», за что им было «преподано благословение» Синода⁴⁹⁸.

В 1877 году десять сестер милосердия Иоанно-Мариинского женского монастыря после двухмесячной подготовки к санитарной деятельности в Ставропольском военном госпитале, были отправлены на место служения раненым и больным воинам в Закавказье, где пробыли почти год. Сестры милосердия на полях сражения сталкивались не только с разного рода ранениями, но и эпидемиями заболеваний, но несмотря на физическое истощение и риск заражения продолжали помогать больным и раненым. В Кавказских епархиальных ведомостях отмечено, что в 1877 году в одном из отрядов распространилась эпидемия тифа, а одна из сестер милосердия ухаживая за больными заразилась и оправилась только через два месяца⁴⁹⁹. Помимо официальных свидетельств о самоотверженной деятельности сестер Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря говорили и корреспонденты газет⁵⁰⁰.

В годы русско-японской войны (1904-1905 гг.) сестры милосердия были направлены и в г. Хабаровск из Владикавказского женского монастыря. Во Владикавказских епархиальных ведомостях в 1904 году было опубликовано письмо одной из сестер милосердия монахини Евгении Поспеловой Владикавказскому городскому главе с просьбой о помощи солдатам одеждой (рубашки, чулки, полотенца) и продовольствием: «Из нашего отряда со мной в этом лазарете еще четыре сестры – монастырская сестра Куколева и городские: Тарановская, Лукьянченко и Удовик... Настали уже и морозы, а одежды теплой у некоторых нет и денег нет... Солдатык является часто в мундире и шинели и, провожая из госпиталя, необходимо одеть его, потому и просим рубашек, чулок, полотенца. Просим сахару,

⁴⁹⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 37. Д. 624. Л. 13-14об.

⁴⁹⁹ Служба сестер Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря по уходу за больными и ранеными воинами Кавказской армии // КЕВ. 1878. № 15. С. 532-533.

⁵⁰⁰ Там же. С. 534

потому что сахар продается 80 коп. фунт и каждому покупателю отпускают 1 фунт в день...»⁵⁰¹.

В 1910 году, во время разгара эпидемии холеры, охватившей Ставропольскую губернию, власти столкнулись с острой нехваткой медицинского персонала. Для решения этой проблемы было принято решение привлечь к борьбе с эпидемией сестер милосердия из местных обитателей⁵⁰². Согласно официальному распоряжению, подписанному исполняющим должность губернатора М.А. Пономаревым, пять послушниц из Иоанно-Мариинского женского монастыря были направлены в распоряжение врачебного отделения. Они прошли ускоренную подготовку освоив основные навыки ухода за больными холерой, и стали важной поддержкой для медицинских работников. Для выполнения своей миссии послушницы обеспечивались жильем, питанием и необходимыми средствами для ухода за больными. Их участие стало значимым вкладом в борьбу с эпидемией⁵⁰³.

В августе 1910 года согласно архивным данным 34 сестры милосердия из Иоанно-Мариинского женского монастыря были направлены в уезды Ставропольской губернии для борьбы с холерой⁵⁰⁴: 10 в Медвеженский уезд, 5 – Ставропольский уезд, 5 – Благодаринский уезд, 2 – г. Ставрополь, 5 – Прасковейский уезд, 5 – Александровский уезд и 2 в Киевские хутора⁵⁰⁵.

В сентябре 1910 года в Ставрополе городским врачом была проведена лекция для 50 сестер милосердия⁵⁰⁶. В дальнейшем для сестер милосердия Иоанно-Мариинского женского монастыря были организованы месячные медицинские курсы с прохождением практической подготовки в больнице в

⁵⁰¹ Письмо из Хабаровска // ВЕВ. 1904. № 24. С. 489.

⁵⁰² ГАСК. Ф. 68. Оп. 2 Д. 6036. Л. 1.

⁵⁰³ Там же. Л. 5-5об.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 20.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 35-35об.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 51.

4 потока по 12 человек⁵⁰⁷. Такой пример взаимной поддержки и сотрудничества церкви и государства показал, что объединенные усилия могут спасти тысячи жизней. История свидетельствует о том, что в условиях кризиса важна не только профессиональная подготовка, но и искреннее желание помогать ближним.

Одной из особых форм социальной деятельности женских монастырей в конце XIX – начале XX вв. стало устройство приютов для малолетних правонарушителей. В 1897 году в Российской империи был принят закон «О малолетних и несовершеннолетних преступниках», в соответствии с которым смягчались меры наказания, применяемые к несовершеннолетним. Они не подвергались уголовному наказанию за совершенные преступления, а отдавались на исправление родственникам, знакомым или ответственным поручителям в особые исправительные приюты, а при их отсутствии в монастыри⁵⁰⁸. В начале XX века отправка несовершеннолетних в монастыри не была закреплена законодательством Российской империи, поэтому монастыри часто уклонялись от принятия забот о них. Как правило, они с крайней неохотой принимали к себе несовершеннолетних преступников, одной из причин было отсутствие необходимых для этого условий⁵⁰⁹. Одна стоит отметить, что в Ставропольской епархии данное решение нашло поддержку и епархиальных властей и самих монастырей⁵¹⁰.

Согласно Уставу Кубанского исправительного приюта, утвержденному в 1896 году, основной целью данных приютов являлось содействие улучшению участи несовершеннолетних обоого пола, совершивших

⁵⁰⁷ ГАСК. Ф. 68. Оп. 2 Д. 6036. Л. 73-73об.

⁵⁰⁸ Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости // ПСЗРИ (1881-1913). Т. 17. № 14233.

⁵⁰⁹ Матвеева Е.С. Несовершеннолетние осужденные в России на рубеже XIX-XX вв.: проблемы установления ответственного присмотра // Исторические науки и археология. 2015. № 9 (59). С. 105-110.

⁵¹⁰ Немашкалов П.Г., Володькова Е.Н. Проблемы организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетних преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 431–439.

преступление, бесприютных сирот и нищих. Для достижения целей приют заботился о правильном физическом, религиозно-нравственном и умственном развитии призреваемых, причем, не ограничиваясь обучением грамоте, но и давал возможность изучать ремесло, которое могло в будущем обеспечить прочный заработок, для девочек это преимущественно вязание, шитье с кройкой и башмачное ремесло⁵¹¹.

В 1898 году при Черноморском Марие-Магдалинском женском монастыре и Черноморском Екатерино-Лебяжьем Николаевском мужском монастыре были открыты отделения Кубанского исправительного приюта для девочек и мальчиков соответственно⁵¹². На содержание данной категории воспитанников правление приюта отпускало до 40 рубл. в год на каждого призреваемого, а также брало на себя содержание при монастырях врачей⁵¹³. С 1900 года призреваемых в монастырях стали содержать за счет казны, а сумма выделялась для покрытия расходов содержание несовершеннолетних преступников⁵¹⁴. Все призреваемые получали одежду, постельное белье, и трехразовое питание⁵¹⁵.

Среди множества трудностей, с которыми столкнулись обитатели при организации приютов, наиболее остро стоял материальный вопрос⁵¹⁶. Несмотря на то, что из казны выделялись средства на содержание несовершеннолетних, установленные нормы соблюдались не всегда. Так, на содержание девочек в Марие-Магдалинском женском монастыре в среднем на одну девочку в 1908 году было выделено 65,33 рубл., в 1912 году – 81,61 рубл., а в 1915 году – 48,27 рубл. В связи с чем монастырь вынужден был

⁵¹¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 56. Д. 653. Л. 22-28.

⁵¹² Исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. 1898. № 11. С. 573–574.

⁵¹³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 56. Д. 653. Л. 1-2.

⁵¹⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 59. Д. 744. Л. 1.

⁵¹⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 56. Д. 653. Л. 1-2.

⁵¹⁶ Немашкалов П.Г., Володькова Е.Н. Проблемы организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетних преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 431–439.

компенсировать недостающие средства за счет собственных средств и пожертвований благотворителей⁵¹⁷.

В 1909 году губернатор Ставропольской губернии, ссылаясь на обращение министра юстиции Главного тюремного управления, уведомил епископа Агафодора о необходимости устройства несовершеннолетних, задержанных за бродяжничество, вне тюремной среды. Указывалось, что длительное пребывание таких детей в тюрьмах способствует их нравственному разложению и втягиванию в преступный мир. В связи с этим предлагалось до выяснения их личности помещать несовершеннолетних в заведения общественного призрения, в том числе в монастыри⁵¹⁸. Несмотря на официальную поддержку со стороны Синода, реакция со стороны монастырей Ставропольской епархии оказалась преимущественно сдержанной или отрицательной, как и остальных монастырей Российской империи. Основными аргументами отказа были отсутствие необходимых помещений, нехватка материальных средств и квалифицированного персонала, а также опасения за духовную атмосферу монастырской жизни. Лишь два монастыря выразили готовность принять ограниченное число детей на короткий срок, среди них Черноморский Марие-Магдалинский женский монастырь и Черноморский Екатерино-Лебяжий Николаевский мужской монастырь⁵¹⁹.

Синод не мог обязать монастыри к открытию приютов, оставляя данный вопрос на усмотрение епархиального начальства. Его политика основывалась на убеждении, что рост преступности связан с недостаточным вниманием к религиозно-нравственному воспитанию детей в семьях и обществе. Большая роль в этом вопросе отводилась Церкви и монастырям,

⁵¹⁷ Немашкалов П.Г., Володькова Е.Н. Проблемы организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетних преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 431-439.

⁵¹⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 67. Д. 192. Л. 2-3.

⁵¹⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 67. Д. 192. Л. 13-16.

которые прилагали усилия для укрепления православия в России и морали среди молодежи. Перевоспитание юных преступников – это задача общества и общественных организаций. При этом открытие таких приютов в епархиях связывалось с наличием ресурсов, возможностей и условий в монастырях. В связи с чем численность несовершеннолетних преступников ежегодно возрастала, а численность содержащихся в монастырях снижалась: в 1906 году 49 несовершеннолетних преступников содержалось в монастырях 12 епархий, в 1907 – 36 человек в 11 епархиях, 1908 году – 34 несовершеннолетних в монастырях 9 епархий⁵²⁰ Все эти данные свидетельствуют о сложном и неоднозначном восприятии духовной средой идеи участия в практике опеки и перевоспитания несовершеннолетних, находившейся на пересечении религиозной миссии и общественной необходимости.

Следует подчеркнуть, что практика опеки и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в монастырях Российской империи не получила широкого распространения. Тем не менее, на фоне общего скепсиса со стороны церковной среды, в ряде регионов империи, прежде всего на Северном Кавказе, были предприняты реальные шаги к реализации этой модели. В Ставропольской епархии, при поддержке епархиального начальства и при тесном взаимодействии с местной администрацией, два монастыря – Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь и Екатерино-Лебяжий Николаевский мужской монастырь – приняли на себя заботу о несовершеннолетних правонарушителях. Несмотря на материальные трудности, недостаток кадров, обители сумели организовать условия для проживания, обучения и нравственного исправления детей. Этот уникальный опыт, реализованный исключительно в пределах одной епархии, стал важной и в определённой степени исключительной страницей в истории взаимодействия РПЦ с системой социальной защиты и воспитания. Он

⁵²⁰ Указ Святейшего правительствующего Синода, об участии духовного ведомства в борьбе с детской преступностью // ВЕВ. 1910. № 6. С. 192.

продемонстрировал возможности церковного служения за пределами сугубо религиозной миссии – в области практической помощи обществу и государству в решении актуальных социальных проблем.

Подвижничество насельниц женских монастырей Северного Кавказа проявлялось не только в духовной жизни, но и в повседневном труде, направленном на обеспечение материальной устойчивости обителей. Хозяйственная деятельность, ремесленное производство, пчеловодство и земледелие становились неотъемлемой частью монастырского уклада, выступая одновременно и формой служения ближнему. Так, в Марие-Магдалинской женской обители, к 1898 году насчитывалось более 500 сестер⁵²¹, было широко развито производство высокохудожественных рукодельных изделий: вышивки золотом⁵²², серебром, гарусом и синелью⁵²³, изготовление ковров, сопоставимых по качеству с персидскими⁵²⁴, шитье одежды, вязание, иконописание⁵²⁵ и изготовление четок. Изготовленные изделия распространялись как внутри монастыря, так и за его пределами⁵²⁶.

Женские монастыри играли важную роль в приобщении женского населения епархии к труду и развитию навыков прикладного творчества. Сестры Иоанно-Мариинского женского монастыря регулярно изготавливали иконы к праздничным дням не только для внутреннего обихода обители, но и для храмов города Ставрополя⁵²⁷, тем самым участвуя в распространении православной культуры. В период военных конфликтов – Крымской войны

⁵²¹ Крыжановский П.Н. Открытие исправительных детских приютов при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Мариинской обителях в Кубанской области // СЕВ. 1898. № 24. С. 1240.

⁵²² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2957. Л. 6.

⁵²³ Николайченко Ф. Очерк Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни (Окончание) // КЕВ. 1874. № 21. С. 685.

⁵²⁴ Там же. С. 686.

⁵²⁵ Путешествие Преосвященнейшего Агафодора для обозрения церквей епархии // СЕВ. 1893. № 24. С. 792.

⁵²⁶ Николайченко Ф. Очерк Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни (Окончание) // КЕВ. 1874. № 21. С. 686.

⁵²⁷ Празднование в Ставрополе тысячелетия со дня блаженной кончины просветителя Славян Св. Мефодия // КЕВ. 1885. № 8. С. 329.

(1853-1856), Русско-турецкой войны (1877-1878) и др. – монастырь активно включался в поддержку армии: монашествующие женщины безвозмездно выполняли трудовые поручения, изготавливая предметы снабжения для войск и военных госпиталей⁵²⁸. В годы Первой мировой войны монахинями и послушницами Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря было изготовлено около 4000 противогазовых повязок для воинов действующей армии⁵²⁹. Ежегодно в период Первой мировой войны в Ставропольской епархиальный склад пожертвований для воинов и пострадавших от военных действий беженцев поступали вещи от монахинь Виноделинского женского монастыря⁵³⁰, о сестер Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря, Покровского женского монастыря Кубанской области и Черноморского женского монастыря⁵³¹. Эти формы трудового и социального служения свидетельствуют о высокой степени патриотической вовлеченности и социальной ответственности монашествующих женщин.

В 1856 году за безвозмездный пошив сестрами управляемой игуменией Серафимой общины 125 палаток для войск, объявлено ей было «Монаршее благоволение». В 1862 году за усердную деятельность по устройству монастырской церкви и зданий игуменья Серафима была награждена наперстным крестом. В 1879 году Главным Управлением Общества попечения о раненых и больных воинах ей был выдан «Высочайше установленный знак красного креста». В 1881 году за отлично-усердную службу по должности настоятельницы награждена золотым наперстным крестом из Кабинета Его Величества с драгоценными украшениями⁵³².

⁵²⁸ Пятидесятилетие иночества игумении Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря Серафимы // КЕВ. 1883. № 22. С. 818-819.

⁵²⁹ Никольский С. Ставропольское Епархиальное духовенство и Вторая Отечественная война // СЕВ. 1915. № 29. С. 934.

⁵³⁰ Известия о пожертвованиях // СЕВ. 1916. № 22. С. 656.

⁵³¹ От Ставропольского Епархиального склада вещей, жертвуемых в пользу воинов и беженцев // СЕВ. 1916. № 6. С. 176.

⁵³² Игуменья Серафима // КЕВ. 1883. № 24. С. 905-906.

Женские монастыри также занимались благотворительной деятельностью. Как правило, эти монастыри пользовались государственной поддержкой и покровительством императорской семьи⁵³³. Однако благотворительность женских монастырей не была самоцелью. Основой жизни в монастыре оставалась духовная жизнь и молитва⁵³⁴.

Уже в начале XX века можно встретить осуждение со стороны современников и очевидцев, что при некоторых монастырях не было устроено никаких благотворительных учреждений. Так, во Владикавказских епархиальных ведомостях в 1906 году очевидец написал, что Георгиевская женская обитель за двадцать семь лет своего существования развилась и «воздвигла стотысячный великолепный кирпичный храм», «обитель материально обеспечена вполне безбедно», но при этом отметил существенные недостатки, а именно отсутствие просветительно-благотворительных учреждений: школ, больниц, богадельни⁵³⁵. Однако по мнению паломника А. Вознесенского, у монастыря на тот момент было недостаточно средств для открытия школы-приюта⁵³⁶.

В XIX веке все еще сохранялась традиция ссылки в женские монастыри за прелюбодеяние, а также старообрядок, умалишенных и уголовниц, за уклонение в католицизм, женщин, вышедших замуж еще раз при живом муже, и по другим причинам. Игуменьи, как правило, не хотели принимать таких женщин к себе в монастырь, поэтому придумывали различные предлоги. Одной из причин отказа была бедность монастыря и невозможность содержать еще одну послушницу. Кроме того, в женских монастырях невозможно было содержать караул. В результате чего, женщины, которых ссылали в монастырь в наказание, убегали. Однако,

⁵³³ Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 269-270.

⁵³⁴ Там же. С. 273.

⁵³⁵ Что сделано на общую пользу женским монастырем на р. Куре, за 25 лет существования // ВЕВ. 1906. № 9. С. 317-318.

⁵³⁶ Воскресенский А. В Георгиевском женском монастыре на р. Куре (из путевых заметок паломника) // ВЕВ. 1908. № 23. С. 437.

несмотря на это, практика ссылки женщин в монастырь в качестве наказания продолжалась вплоть до начала XX века. Были случаи, когда женщин насильно постригали в монахини их мужья, родители или братья. В то же время в монастырях женщины могли найти защиту от жестокого обращения мужа.

Такая практика ссылки в монастыри называлась «исправлением», однако практика показывает, что мало кто при этом «исправлялся». Как правило, в первую очередь ссылали в монастыри монахов и монахинь⁵³⁷, так, например, по решению Санкт-Петербургского окружного суда от 1876 года была лишена сана игуменьи за составление «фиктивных векселей» и приговорена к содержанию на три с половиной года в одном из губернских монастырей настоятельница Московской епархиальной общины сестер милосердия и Серпуховского Владычного монастыря Прасковья Розен.⁵³⁸ Согласно ее прошению, она была размещена в Ставропольском Иоанно-Мариинском женском монастыре без права покидания обители⁵³⁹, а затем по решению Синода переведена в декабре 1878 года в Полтавский Ладинский монастырь.⁵⁴⁰

Ссылались в монастыри не только представители духовного сословия, но и представители других сословий.⁵⁴¹ В источниках конца XIX века можно встретить случаи помещения женщин в монастырь по судебным приговорам как форму нравственного взыскания. Так, приговором Ставропольского окружного суда в 1888 году жена запасного солдата Афанасия Тимофеева, 24 лет, была признана виновной в прелюбодеянии и приговорена к шести месяцам пребывания в Иоанно-Мариинском женском монастыре с

⁵³⁷ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. Москва: Вербум-М, 2002. С. 95-96.

⁵³⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 34. Д. 493. Л. 1.

⁵³⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 34. Д. 493. Л. 25.

⁵⁴⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 34. Д. 493. Л. 28.

⁵⁴¹ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. Москва: Вербум-М, 2002. С. 97.

наложением церковного покаяния⁵⁴². Аналогичный приговор был вынесен Екатеринодарским судом в том же 1888 году жительнице станицы Суворовско-Черкесской Агрипине Ессауленко⁵⁴³.

В более мягкой форме монастырское пребывание применялось в случае совершения преступлений несовершеннолетними. Так, 16-летняя казачка Костенкова за оставление новорожденного ребенка, приведшее к его смерти, была приговорена к трем месяцам в монастыре, с учетом ее молодости и раскаяния⁵⁴⁴. Солдатская жена Александра Шевченко за мелкое мошенничество – отпуск рыбы по подложной записке – была отправлена в монастырь на два месяца⁵⁴⁵. Эти случаи демонстрируют, как женские монастыри выполняли не только религиозную и воспитательную, но и дисциплинарную функцию, становясь местом нравственного «исправления» женщин из разных сословий.

В истории женского монашества на Северном Кавказе особую роль сыграли личности, чья духовная стойкость и подвижническая деятельность оказали значительное влияние на развитие обителей и на формирование духовно-нравственного климата в регионе. Примеров глубокого духовного подвига, связанных с молитвенным или аскетическим подвижничеством, на Северном Кавказе не так много, а те, что есть представляют большой интерес для исследования. При Ставропольском Иоанно-Маринском женском монастыре таким примером стала дочь обычного казака А.П. Семькина Гликерия⁵⁴⁶, которая была известна как старица, схимонахиня Платонида. Ее подвижническая деятельность была определена еще в детстве, когда Гликерия в 4 года лишилась зрения от оспы. По свидетельствам

⁵⁴² ГАСК. Ф. 135. Оп. 46. Д. 120. Л. 1-2.

⁵⁴³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 46. Д. 120. Л. 18.

⁵⁴⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 46. Д. 120. Л. 6-7об.

⁵⁴⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 46. Д. 120. Л. 16.

⁵⁴⁶ Схимонахиня Платонида Иоанно-Мариинского, Ставропольского монастыря (в конце XIX века) // Русское православное женское монашество XVIII–XX вв. Троице-Сергиева Лавра, 1992. С. 51–55.

современников еще до принятия монашества, она представляла из себя пример подвижничества, удивляя своей строгой жизнью⁵⁴⁷.

В 30 лет Гликерия создала общину в ст. Михайловской, в которой состояло от 7 до 10 девушек, а с открытием Иоанно-Мариинской обители все девушки вместе с Гликерией поступили в него, вручив настоятельнице 300 руб. и две коровы на потребности общины. Среди подвигов Гликерии отмечают ношение железного пояса, а также вериг, которые она носила в течение 10 лет⁵⁴⁸, а также молитвенные подвиги. Она всегда строго держала посты, разные и по своему желанию. Все 34 года жизни в монастыре Платонида не выходила никуда из кельи, кроме церкви⁵⁴⁹.

По свидетельствам, в 1844 году на 43 году жизни Гликерия приняла тайный постриг в мантию⁵⁵⁰ с наречением Палладию⁵⁵¹, что не принималось церковью. Однако данное решение было определено тем, что принятие пострига в то время возможно было только с разрешения Синода. Только в 1863 году, после того, как епископом Кавказским был назначен Феофилакт⁵⁵², был совершен первый постриг сестер Иоанно-Мариинского женского монастыря после согласования с Синодом⁵⁵³. А тайный постриг Гликерии был утвержден без повторения иноческих обетов и оставлением за ней имени Палладию только во время второго пострига сестер. В 1869 году она была пострижена в великую схиму с наречением Платонидой⁵⁵⁴.

Самой редкой формой подвижничества является столпничество, то есть молитва на «столпе». Не многие решались повторить подвиг Серафима Саровского, который молился в течение 1000 дней и ночей на камне. На территории Северного Кавказа таких примеров не было.

⁵⁴⁷ Розалиев В. Схимонахиня Платонида // КЕВ. 1887. № 7. С. 237-246.

⁵⁴⁸ Там же. С. 248-254.

⁵⁴⁹ Розалиев В. Схимонахиня Платонида // КЕВ. 1887. № 9. С. 342-345.

⁵⁵⁰ Розалиев В. Схимонахиня Платонида // КЕВ. 1887. № 7. С. 251.

⁵⁵¹ Розалиев В. Схимонахиня Платонида // КЕВ. 1887. № 8. С. 289.

⁵⁵² РГИА. Ф. 796. Оп. 142. Д. 1322. Л. 47.

⁵⁵³ Там же. С. 292.

⁵⁵⁴ Розалиев В. Схимонахиня Платонида // КЕВ. 1887. № 8. С. 294.

Еще одной формой подвижничества, как уже отмечалось, было пустынножителство, связанное с жизнью в уединении, вдали от общества, чаще всего в пустынных или малообитаемых местах. Уход в строгую среду обитания был духовной потребностью для подвижниц и способом распространения религии, так как именно такие подвижницы способствовали открытию монастырей. Примером данной формы подвижничества на Северном Кавказе служат сестры, основавшие монастырь на горе в Тибердинском ущелье Кавказских гор, на месте древнего храма.

Тяжелейшей формой подвижничества для женщин было юродство, которое получило распространение в XVIII – XIX в. Распространение юродства историки связывают с трудностями церковной жизни в синодальный период и духовной свободой, которую получили женщины в этот период. Общество более привычно относилось к свободе передвижения женщин, в связи с чем юродство было социальной нормой. Суть данного подвига состоит в отречении от собственного ума, человек отказывался от земных благ, а именно от дома, обуви, хорошей одежды.⁵⁵⁵

Жизненный путь подвижниц не всегда был отмечен какими-то духовными подвигами, часто все строилось на смирении и терпении. Такие подвижницы выступали в качестве наставниц и учительниц для молодых девушек и примером для других монахинь. В своем исследовании мы отнесли их к социальному подвижничеству.

Таким образом, женские монастыри Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века стали важнейшими центрами социокультурной жизни региона. Их деятельность выходила далеко за пределы сугубо религиозных функций и охватывала широкий спектр направлений: просветительская деятельность, благотворительность, обучение

⁵⁵⁵ Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории Москва: Наука, 2002. С. 250-265.

и воспитание, медицинская помощь и трудовая деятельность. Через церковно-приходские школы, приюты, богадельни, мастерские и ремесленные занятия монахини не только оказывали прямое влияние на местное население, но и формировали устойчивые модели социального поведения, основанные на христианских ценностях служения, труда и милосердия.

Трудовая и духовная практика женщин, принявших монашество, была тесно связана с реальными потребностями общества. Ведение хозяйства, ремесленные промыслы, забота о больных и обездоленных – все это становилось формой социального подвижничества и свидетельствовало о глубокой интеграции женских обителей в жизнь регионального сообщества.

Слаборазвитая система государственного социального призрения в регионе перекладывала значительную часть ответственности за заботу о нуждающихся женские монастыри. Исходя из чего они становились не просто духовными центрами, но и агентами социальной поддержки, компенсируя недостаточность государственной помощи наиболее уязвимым слоям населения.

Социокультурная деятельность монахинь на Северном Кавказе способствовала укреплению религиозной жизни, а также формированию культурной и духовной идентичности региона. Женские монастыри были пространством, где, как нигде, сохранялся традиционный уклад жизни, строго соблюдалась система религиозных ценностей, в указанном преломлении распространялись знания и навыки хозяйственно-трудовой деятельности, закладывались основы духовной общности и социальной стабильности.

Выводы по главе:

Таким образом, можно сделать вывод о том, что женские монастыри на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века представляли

собой устойчиво развивающиеся религиозные институты, интегрированные в социокультурное пространство региона. Их образование и развитие происходили в русле общероссийских процессов православного женского подвижничества, при сохранении ярко выраженной региональной специфики.

Возникновение большинства женских обителей начиналось с небольших монашеских общин, которые по мере укрепления материальной базы преобразовывались в монастыри общежительного типа. Принятие общежительного устава определяло характер внутренней жизни обителей, основанный на коллективном труде, совместной молитве, строгой регламентации повседневного уклада жизни. Важным фактором устойчивости женских монастырей региона являлось развитие подсобного хозяйства, которое обеспечивало экономическую независимость обителей.

Хозяйственная деятельность женских монастырей не ограничивалась задачами собственного содержания, являлась основой широкой благотворительной деятельности и социальной активности. Женские обители активно включались в решение социальных проблем, осуществляя просветительскую, воспитательную, миссионерскую и благотворительную деятельность. Их особое значение проявилось в условиях слаборазвитой системы государственного призрения на Северном Кавказе и выражалось в заботе о социально уязвимых категориях населения.

Таким образом, женские монастыри Северного Кавказа, представляли собой уникальное сочетание религиозной строгости и социальной активности. Они стали центрами трансляции православных ценностей, культурной памяти и социального подвижничества. Это определило их важную роль не только в церковной, но и в общественной жизни Северного Кавказа до революционных событий 1917 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный комплексный анализ позволил установить, что социокультурный статус и правовое положение женщин духовного сословия на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века формировались под влиянием широкого круга факторов: государственной и церковной политики в отношении духовного сословия, региональных особенностей Северного Кавказа, семейно-бытовых традиций. Анализ законодательных и нормативно-правовых актов позволил выявить устойчивость ряда норм, сохранявших патриархальный характер жизни в семьях духовенства, при одновременном появлении новых возможностей, связанных с развитием духовных учебных заведений для девушек и расширением сети женских монастырей. Сравнительный анализ положения женщин духовного сословия в исследуемый период показал, что изменения в их статусе проходили неравномерно. Модернизационные процессы расширили их образовательную и социальную интеграцию, однако сохранявшиеся традиции и сословные ограничения оказывали на данный процесс существенное влияние. Таким образом, исследование позволило провести комплексный анализ положения женщин духовного сословия российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях Северного Кавказа.

В ходе исследования выявлены особенности государственной политики в отношении духовного сословия в Синодальный период, и доказано, что к середине XIX века духовенство сформировалось как обособленное замкнутое сословие. Трансформация статуса была обусловлена проводимыми Петром I и Екатериной II реформами. Во второй половине XIX века государством был принят ряд указов, направленных на ликвидацию и ослабление сословной замкнутости духовенства. Это нашло отражение в ограничении наследования духовных должностей, в изменении системы распределения церковных

вакансий, попытке упорядочить материально-правовое положение духовенства и членов их семей.

Сложившийся к середине XIX века социальный статус членов духовенства имел достаточно несбалансированный характер. Несмотря на закрепленные сословные привилегии: освобождение от телесных наказаний, личных податей, рекрутской повинности и ряда иных повинностей, приходское духовенство и их семьи оставались социально уязвимыми. Материальное положение представителей духовного сословия зависело от местных условий, размеров прихода, материального состояния паствы и собственного хозяйства, что зачастую их приводило в маргинальную среду. Значительная часть духовенства существовала в условиях крайней экономической нестабильности, граничащей с нищетой, особенно семьи сельского духовенства. Реализуемые государством меры, включая установление штатных окладов и реформу пенсионного обеспечения духовенства и их семей, но они не привели к разрешению сложившейся ситуации.

Семейно-брачные отношения духовенства имели двойственную природу: с одной стороны представляли собой частную сферу жизни священнослужителей, а с другой – были элементом церковной и государственной политики, направленной на сохранение сословной целостности. Брак в духовной среде воспринимался как механизм сохранения духовно-нравственного облика в обществе. Строгая регламентация их заключения, ограничение разводов и предпочтение браков внутри сословия способствовали укреплению замкнутости духовенства и формированию корпоративной среды, основанной на общности ценностей, специфики уклада жизни и формы социальных ролей. Правовое положение женщин духовного сословия отражало представления государства о сакральности духовного сана. Привилегии сочетались с высокими моральными требованиями, которые подчеркивали социальную значимость семьи в обществе. Женщина становилась важным элементом сохранения авторитета

духовенства, а ее поведение рассматривалось как отражение нравственного облика всего сословия.

Одновременно с этим шло становление системы поддержки вдов и сирот духовного звания, включая попечительства и кассы взаимопомощи, способствовавшие удовлетворению минимальных нужд семей духовенства в условиях маргинальности. Данные механизмы взаимопомощи и поддержки формировали коллективную ответственность и сплоченность сословия, вели к укреплению корпоративной среды духовного сословия.

Органы епархиального управления на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века занимали ключевое место в регулировании служебной деятельности, при этом они осуществляли надзор в сфере повседневной жизни священно и церковно-служителей. Данная деятельность выходила за рамки административного регламента. Консистория утверждала назначения и перемещения членов церковного причта, следила за их моральным обликом, контролировала допустимость заключения браков, а также принимала решения об освобождении от должностей, переводе за штат или назначения пенсии.

Органы епархиального управления выступали не только административными структурами, но и ключевым институтом социального контроля духовного сословия. В большей части предпринимаемые меры по улучшению положения семей духовенства реализовывались не государством, а посредством церковных институтов социальной поддержки, которые создавались по инициативе самого духовенства и действовали под контролем консистории с благословения епархиального архиерея. Попечительства о бедных духовного звания, церковные братства, кассы взаимопомощи и благотворительные фонды были внутренними механизмами корпоративной поддержки духовенства. Формирование епархиальной системы социальной поддержки и опеки на данных позициях позволяло организовывать заботу в отношении представителей духовного сословия на качественно более высоком уровне.

Рассмотрение традиций обучения и воспитания девушек духовного сословия на Северном Кавказе показывало, что развитие образования в этой среде во второй половине XIX – начале XX века являлось не только инструментом социального развития, но и важным механизмом сохранения духовно-нравственных традиций российского общества. Если образование женщин в Российской империи активно расширяло свои границы: создавались гимназии, появлялись новые профессии, формировался общественный запрос на участие женщин в социальной и культурной жизни, то система образования для дочерей духовенства сохраняла консервативный характер.

Несмотря на растущие возможности светского женского образования, границы профессиональной реализации выпускниц духовных училищ оставались строго определенными. Епархиальные женские училища, появившиеся в регионе во второй половине XIX века выполняли задачу подготовки будущих жен священнослужителей и подготовку педагогических кадров церковно-приходских школ в регионе. Это отражало устойчивую установку на сохранение традиционного уклада и противостояние тенденциям женской эмансипации.

На Северном Кавказе традиционность женского духовного образования проявлялась особенно отчетливо, что было обусловлено региональными условиями. Социально-экономическая нестабильность региона, невысокая численность православного славянского населения среди местных народов, делали систему подготовки девушек важным инструментом укрепления религиозной идентичности и поддержания устойчивости приходской среды.

Женские монастыри Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века выполняли комплексную роль, объединяя духовное служение с социальными функциями. В отличие от других представительниц духовного сословия, насельницы монастырей жили в условиях строгой регламентации жизни в соответствии с уставом, следуя аскетизму и правилам

общежития, что формировало уникальный образ жизни и специфику внутренней организации женских обителей.

Создание женских монастырей на Северном Кавказе, начиная с Марие-Магдалинской пустыни и Иоанно-Мариинского женского монастыря, стало ответом на региональные вызовы. Основной причиной их возникновения в середине XIX века была нехватка образовательных и социальных учреждений для женщин, а также рост числа вдов и сирот вследствие войн и эпидемий. Не стоит забывать о миссионерской функции православной Церкви в полиэтническом и поликонфессиональном регионе, с которой женские монастыри, как показала история во второй половине XIX века, справлялись более успешно, нежели мужские.

Женские обители отличались более строгим контролем и правилами в отличие от них: ограничение свободы передвижения монахинь, более строгие требования к дисциплине и имущественное положение. Данные особенности определяли характер повседневной жизни насельниц и формировали устойчивую модель монастырского уклада, основанную на строгом соблюдении общежительного устава.

Развитие монастырского подвижничества, как духовного, так и социального, способствовало укреплению авторитета женских монастырей среди населения региона. Несмотря на отсутствие крайних форм аскезы, характерных для отшельных монашеских традиций, рост их численности и лиц, ушедших на служение в них, создало особую монастырскую этику, в основе которой лежали ценности труда, милосердие и самопожертвование.

Одним из ключевых направлений деятельности женских монастырей Северного Кавказа являлось социальное служение, включавшее благотворительную, образовательную деятельность и медицинскую помощь. В условиях слаборазвитой системы социального призрения монастырские приюты, школы, богадельни и больницы выполняли функции важнейших институтов поддержки населения, оказавшегося в трудных жизненных ситуациях. Монахини активно участвовали в воспитании сирот, обучении

девочек, уходе за больными, организации сестринского попечения в военное время и в периоды эпидемий, тем самым компенсируя недостаточность государственных социально-просветительских институтов.

Значимую роль женские монастыри играли в сфере просвещения. Организация работы церковно-приходских школ при монастырях и участие монахинь в образовательном процессе способствовали распространению грамотности и включению женщин духовного сословия в образовательное пространство региона. Эти инициативы стали важным фактором сохранения и ретрансляции духовно-нравственных ценностей среди населения региона. Социокультурная деятельность монахинь на Северном Кавказе способствовала укреплению положения РПЦ, а также формированию культурной и духовной идентичности населения региона.

Таким образом, женщины духовного сословия на Северном Кавказе занимали сложное положение между традиционным укладом и новыми общественными изменениями. Несмотря на правовые ограничения и сословную замкнутость, они играли важную роль в воспитании, образовании, социальной помощи и религиозной жизни региона. Их повседневный труд и участие в церковно-общественной деятельности свидетельствуют о значительном вкладе в укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей среди славянского населения региона, а также трансформации статуса женщин духовного сословия в российском обществе второй половины XIX – начале XX веков.

Результаты исследования расширяют не только представления о правовом положении женщин духовного сословия, их социальной роли, но и расширяют представление о женской истории и региональной социальной динамике в Российской империи. Полученные выводы открывают перспективы для дальнейших исследований, в частности, в направлении изучения межсословных взаимодействий, трансформации женских ролей в церковной среде и развития системы религиозного просвещения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

І. Источники

1. Архивные материалы

Российский государственный исторический архив

1-3. РГИА. Ф. 796. – Канцелярия Синода. Оп. 439. Д. 555. Л.; Оп. 442. Д. 1156.; Оп. 142. Д. 1322.

4. РГИА. Ф. 804. – Присутствие по делам православного духовенства при Синоде. Оп. 1, Р.1, Д. 21 А.

Государственный архив Ставропольского края

5. Ф. 68. – Ставропольское губернское правление 1847-1920 гг. г. Ставрополь. Оп. 2 Д. 6036.

6-8. Ф. 77. – Ставропольское епархиальное женское училище 01.10.1875-1919 гг. г. Ставрополь. Оп. 1. Д. 12.; Оп. 1. Д. 47.; Оп. 1. Д. 941.

9-23. Ф. 135. – Ставропольская духовная консистория 18.04.1843 – 01.07.1918 гг. г. Ставрополь. Оп. 25. Д. 66.; Оп. 25. Д. 284.; Оп. 34. Д. 328.; Оп. 34. Д. 493.; Оп. 35. Д. 249.; Оп. 37. Д. 624.; Оп. 46. Д. 120.; Оп. 53 Д. 409.; Оп. 56. Д. 653.; Оп. 57. Д. 172.; Оп. 59. Д. 744.; Оп. 67. Д. 192.; Оп. 71. Д. 1032.; Оп. 72. Д. 907.; Оп. 73. Д. 598.

24-48. Ф. 361. – Ставропольское попечительство о бедных духовного звания 1843-1917 гг. г. Ставрополь. Оп. 1. Д. 17-18.; Оп. 1. Д. 34.; Оп. 1. Д. 88.; Оп. 1. Д. 118.; Оп. 1. Д. 141.; Оп. 1. Д. 159.; Оп. 1. Д. 288.; Оп. 1. Д. 300.; Оп. 1. Д. 309.; Оп. 1. Д. 382.; Оп. 1. Д. 387.; Оп. 1. Д. 392.; Оп. 1. Д. 426.; Оп. 1. Д. 429.; Оп. 1. Д. 444.; Оп. 1. Д. 479.; Оп. 1. Д. 497.; Оп. 2. Д. 37.; Оп. 2. Д. 64.; Оп. 2. Д. 77.; Оп. 2. Д. 90.; Оп. 2. Д. 102.; Оп. 2. Д. 114.; Оп. 2. Д. 125.; Оп. 2. Д. 174.

Государственный архив Краснодарского края

49-52. Ф. 249. – Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1. Д. 338.; Оп. 1. Д. 2869.; Оп. 1. Д. 1911.; Оп. 1. Д. 2957.

53. Ф. 418. – Управление атамана Темрюкского отдела Кубанской области (военного министерства). Оп. 1. Д. 6164.

54-55. Ф. 454. – Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1. Д. 3146.; Оп. 2. Д. 3685.

2. Законодательные и нормативно-правовые акты

56. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, опубликованное 10 июня. О правилах для учреждения Православных церковных братств. // Полное собрание законов Российской империи (*далее – ПСЗРИ*). (1825-1881). – Т. 39.: Ч. 1. – № 40863.

57. Высочайше утвержденное положение о седьмом дополнительном педагогическом классе при Епархиальных женских училищах // ПСЗРИ (1881 – 1913). – Т. 27. – № 29618.

58. Высочайше утвержденное положение Присутствия по делам Православного духовенства. – О составе приходов и церковных причтов // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 44. Ч. 1. – № 46974.

59. Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 16.: Ч. 1. – № 14409.

60. Духовный регламент Петра Первого: с прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 200 с.

61. О воспрещении Священникам венчать браки, если жених и невеста не достигли еще: первый 18-ти, а последняя 16-ти лет // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 5.: Ч. 1. – № 3807.

62. О запрещении вступать в брак без согласия опекунов или попечителей // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 11.: Ч. 1. – № 9252.

63. О мерах предупреждения многобрачия // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 17.: Ч. 1. – № 15476.

64. О недействительности брака, заключенного осмидесятилетним стариком // ПСЗРИ (1649 - 1825). – Т. 12. – № 9087.

65. О недействительности четвертого брака // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 1. – № 64.

66. О непринуждении родителями детей и господами рабов своих и рабынь к браку без самовольного их желания // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 7. – № 4406.

67. О порядке приема и пострижения желающих поступить в монашество // ПСЗРИ (1825–1881). – Т. 40.: Ч. 1. – № 42505.

68. О пояснениях и исправлениях узаконений о действительности и законности браков и о детях, от сих браков рожденных // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 25.: Ч. 1. – № 23906.

69. О предметах подлежащих светскому суду и Синоду, об отсылке в оные дела, о решении оных, о розыске, о наказании и о штрафах за неисповедание, о власти Синода, о не укрывании раскольников, о колокольном звоне в урочное время, о наказаниях за церковные преступления и обидах, наносимых Синоду и о держании в домах духовных особ других вер с дозволения Святейшего Синода // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 6. – № 3963.

70. О предоставлении детям бывшего духовенства права вступать в военную службу на правилах, предписанных указом 3 мая 1818 года // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 1. – № 544.

71. О предоставлении Епархиальным архиереям прав в необходимых случаях разрешать браки по личному своему усмотрению, когда жениху или невесте не достает не более полугода до узаконенного на сей случай совершеннолетия // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 32.: Ч. 1. – № 31849.

72. О призрении бедных духовного звания // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 38. – № 29583.

73. О произведении жалованья заштатным монашествующим по приложенной ведомости, по докладу комиссии о церковных имениях // Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй: 1762-1772 гг. – Т. 1 – № 320.

74. О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек (26 февраля 1764 г.) // ПСЗРИ (1649–1825). – Т. 26. – № 12060.

75. О распределении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек. – С приложением манифеста о подведомстве всех архиерейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии, и штатов по духовной части // Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй: 1762-1772 гг. – Т. 1. – №167.

76. О распространении положения 22 февраля сего года об удельных и казенного ведомства селениях и на помещичьих прописных излишних и вдвойне в ревизию написанных // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 30. – № 23017.

77. О свидетельствовании дураков в Сенате // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 6. – № 3949.

78. О степенях родства и свойства духовного (кумовства) брак воспрещающих, и об обязанности Епархиальных Архиереев представлять Св. Синоду о браках венчаных в степенях воспрещенных // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 31. – № 24091.

79. Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости // ПСЗРИ (1881-1913). – Т. 17. – № 14233.

80. Об обучении прядильному мастерству девиц и вдов, живущих в монастырях и готовящихся к пострижению в монашество // Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Петра I: 1722. – Т. 2. – № 779.

81. Об общих средствах призрения для всего служащего при церквях духовенства // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 42.: Ч. 1. – № 44610.

82. Об отмене пункта 2 статьи 383 Устава о Податях // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 46. – № 49360.

83. Об увеличении размера пенсий Священникам, их вдовам и детям // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 41.: Ч. 2. – № 43970.

84. Об устройстве детей лиц Православного духовенства // ПСЗРИ (1825-1881). – Т.44. – № 47138.

85. Об учреждении особого Присутствия из духовных и светских лиц для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 37.: Ч. 1. – № 38414.

86. Об учреждении особых Присутствий и других мерах для улучшения быта Православного духовенства // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 38.: Ч. 1. – № 39481.

87. Положение о видах на жительство // ПСЗРИ (1881-1913). – Т. 14. – № 10709.

88. Положение о призрении бедных духовного звания. – Санкт-Петербург, 1828. – 30 с.

89. Прибавление к Духовному регламенту // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 6. – № 4022.

90. Распоряжение епархиального начальства. О доставлении благочинными сведений о лицах, получающих пенсию из казны // Кавказские епархиальные ведомости (*далее – КЕВ*). – 1878. – № 8. – С. 275-276.

91. Распоряжение епархиального начальства. О доставлении в консисторию процентного сбора с церковных доходов, установленного в замен свечного сбора на общие потребности по духовно-учебной части // КЕВ. – 1878. – № 7. – С. 239.

92. Распоряжение епархиального начальства. О назначении опеки над такими сиротами духовного происхождения, родители которых не оставили им никакого имущества в наследство // КЕВ. – 1878. – № 8. – С. 272-273.

93. Распоряжения высшего правительства // СЕВ. – 1886. – № 11. – С. 133.

94. Распоряжения епархиального начальства // КЕВ. – 1873. – № 10. – С. 313.
95. Распоряжения епархиального начальства // КЕВ. – 1873. – № 6. – С. 175-176.
96. Распоряжения епархиального начальства // КЕВ. – 1873. – № 7. – С. 207-208.
97. Распоряжения епархиального начальства // КЕВ. – 1873. – № 8. – С. 241.
98. Распоряжения епархиального начальства // Ставропольские епархиальные ведомости (*далее – СЕВ*). – 1888. – № 8. – С. 308-309.
99. Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. – 1898. – № 3. – С. 114-117.
100. Распоряжения епархиального начальства. // КЕВ. – 1873. – № 18. – С. 578-579.
101. Распоряжения епархиального начальства. О доставлении в консисторию процентного сбора с церковных доходов, установленного взамен свечного сбора на общие потребности по духовно-учебной части. // КЕВ. – 1878. – № 7. – С. 239.
102. Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721-1878 гг. – Москва: Типография М.Н. Лаврова и Ко, 1879. – 504 с.
103. Свод законов гражданских Т. 10-го Свода законов ч. 2-я По изданию 1857 года и Продолжениям 1863, 1868 и 1869 годов, с прибавлением решений кассационных департаментов Правительствующего сената. – Москва: изд. А.М. Пальховского, 1871. – 382 с.
104. Табель о рангах // ПСЗРИ (1649 - 1825). – Т. 6. – № 3890.
105. Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Св. правительствующего Синода, преосвященному Гедeonу, епископу Владикавказскому и Моздокскому // Владикавказские епархиальные ведомости (*далее – ВЕВ*). – 1908. – № 16. – С. 303-304.

106. Указ Святейшего правительствующего Синода, об участии духовного ведомства в борьбе с детской преступностью // ВЕВ. – 1910. – № 6. – С. 192.

107. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 20.: Ч. 1. – № 19283.

108. Устав Благодичиния или Полицейский // ПСЗРИ (1649-1825). – Т. 21. – № 15379.

109. Устав епархиальных женских училищ // ПСЗРИ (1825-1881). – Т. 43.: Ч. 2. – № 46271.

110. Устав женских гимназий ведомства учреждений Императрицы Марии. – Санкт-Петербург: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 71 с.

111. Устав кассы взаимопомощи для выдачи единовременных пособий семьям умерших священно-церковно-служителей Харьковской епархии: Утв. 2 марта 1906 г. – Харьков: Епархиальная тип., 1912. – 4 с.

112. Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителей и псаломщикам епархиального ведомства // ПСЗРИ (1881-1913). – Т. 22.: Ч. 1. – № 21564.

113. Устав попечительства о бедных воспитанниках и воспитанницах духовно-учебных заведений Ставропольской епархии. // СЕВ. – 1900. – № 1. – С. 4-11.

114. Устав Ставропольской епархиальной братской кассы (1887 и 1897 гг.) и Кассы единовременных пособий с относящимися к ним постановлениями общепархиальных съездов духовенства Ставропольской епархии: утвержден 1 декабря 1887 г. – Ставрополь: Типо-Литогр. Т.М. Тимофеева, 1910. – 62 с.

115. Устав Церковного Андреевско-Владимирского братства, что в г. Ставрополе-Кавказском // СЕВ. – 1893. – № 2. – С. 15-26.

116. Устав эмеритальной кассы духовенства Вятской епархии утв. 20 дек. 1899 г. – 4 янв. 1900 г. – Вятка: Тип. и лит. М.М. Шкляевой, 1907. – 24 с.

117. Устав эмеритальной кассы духовенства Курской епархии. – Курск: Тип.-Литограф. Бр. Н. и И. Ваниных, 1900. – 16 с.

118. Штаты духовные. – Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1764. – 118 с.

3. Сборники опубликованных документов и мемуары

119. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. – Тифлис, 1866-1884 (Т.I–IX)

120. Извлечение из отчета по ведомству Православного исповедания за ... 1861 г. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1864. – 259 с.

121. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова / под ред. А.Н. Стрижева. – Т. 2. – Москва: Паломник, 2006. – 641 с.

122. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов (к 2000-летию христианства) / Упр. по делам архивов Краснодарского края. Госархив Краснодарского края. Госархив Ставропольского края. – Краснодар, 2001. – 728 с.

123. Ставрополь в документах и материалах (1777-2007). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – 496 с.

4. Периодические издания

124. Акт по случаю первого выпуска воспитанниц Кавказского епархиального женского училища // КЕВ. – 1880. – № 14. – С. 464-467.

125. Архипастырское благословение // КЕВ. – 1881. – № 23. – С. 807.

126. Архипастырское благословение // КЕВ. – 1882. – № 4. – С. 115.

127. Беллюстин И.С. Описание сельского духовенства / И.С. Беллюстин // Русский заграничный сборник. – Berlin, Paris. London: A. Franck; A. Asher et C°, 1858. – 166 с.

128. Воскресенский А. В Георгиевском женском монастыре на р. Куре (из путевых заметок паломника) // ВЕВ. – 1908. – № 23. – С. 437.

129. Воскресенский А. Покровский женский монастырь в Кубанской области Ставропольской епархии // СЕВ. – 1908. – № 43. – С. 1396-1404.
130. Высочайшее повеление об утверждении устава женских училищ духовного ведомства // СЕВ. – 1901. – № 21. – С. 1180-1198.
131. Два необычных ставленника во священники // КЕВ. – 1880. – № 23. – С. 770-772.
132. Журналы епархиального съезда. Об открытии при Кавказском епархиальном женском училище специального педагогического класса. // КЕВ. – 1878. – № 20. – С. 718-720.
133. Журналы Кавказского епархиального съезда. О выдаче пособия их Кавказского попечительства Оглоблиной. // КЕВ. – 1878. – № 21. – С. 770.
134. Журналы съезда депутатов духовенства Екатеринодарского духовно-училищного округа, бывшего в августе 1897 года. // СЕВ. – 1897. – № 18. – С. 1026-1037.
135. Записки сельского священника // Русская старина. – 1880. – Т. 28. – С. 449.
136. Игуменья Серафима // КЕВ. – 1883. – № 24. – С. 905-906.
137. Из всеподданнейшего отчета Обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого, по ведомству православного исповедания за 1868 г. // Воронежский епархиальный вестник. – 1870. – №7. – С.115-117.
138. Из всеподданнейшего отчета Обер-Прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого, по ведомству православного исповедания за 1868 г. // Воронежские епархиальные ведомости. – 1870. – № 5. – С. 228-231.
139. Известия и заметки // СЕВ. – 1887. – № 13. – С. 505-507.
140. Известия о пожертвованиях // СЕВ. – 1916. – № 22. – С. 654-658.
141. Известия. Навоустроиваемый на реке Куре, терской области, Георгиевский женский монастырь // КЕВ. – 1882. – № 20. – С. 699-700.
142. Известия. Пожертвование в пользу новоучреждаемого женского Георгиевского монастыря // КЕВ. – 1881. – № 7. – С. 226.

143. Известия. Приговор жителей села Привольного об отдаче общественного дома в ведение церкви // КЕВ. – 1878. – № 7. – С. 244.
144. Извещения // ВЕВ. – 1903. – № 22. – С. 465.
145. Извлечение из журналов Кавказского епархиального училищного совета // КЕВ. – 1885. – № 13. – С. 517-524.
146. Извлечение из журналов Кавказского епархиального училищного совета // КЕВ. – 1885. – № 15. – С. 598-601.
147. Извлечение из отчета благочинного 2 округа Терской области, священника Георгия Краснопевцева // КЕВ. – 1881. – № 21. – С. 754–755.
148. Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Братства Апостола Андрея Первозванного за 1876/1877 братский (IV) год (Окончание). // КЕВ. – 1878. – № 3. – С. 101-110.
149. Извлечение из отчета о суммах на призрение бедных духовного звания и на содержание канцелярии и здания попечительства по Кавказской епархии за 1876 год. // КЕВ. – 1878. – № 4. – С. 126-128.
150. Исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. – 1898. – № 11. – С. 573–574.
151. Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // СЕВ. – 1888. – № 19. – С.772-799.
152. Крыжановский, П.Н. Открытие исправительных детских приютов при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Мариинской обителях в Кубанской области // СЕВ. – 1898. – № 24. – С. 1228-1245.
153. Кузнецов, А. Епархиальные женские училища // Церковные ведомости. Прибавления. 1909. № 3-8.
154. Майкопское Св.-Осиевское Братство (из речи Председателя на 17 октября 1900 г.). // СЕВ. – 1901. – № 23. – С. 1357-1364.
155. Никольский, С. Миссионерские известия по Ставропольской епархии. Богословско-миссионерские монастырские курсы в Ставропольской епархии // СЕВ. – 1911. – № 19. – С.137-144.

156. Мышцын, В.Н. Эмеритальные кассы духовенства // Богословский вестник. – 1900. – Т. 1. – № 4. – С. 731-754.
157. Николайченко, Ф. Очерк Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни (Окончание) // КЕВ. – 1874. – № 21. – С. 683-690.
158. Никольский, С. Ставропольское Епархиальное духовенство и Вторая Отечественная война // СЕВ. – 1915. – № 29. – С. 930-936.
159. Никольский, С. Ставропольское Епархиальное духовенство и Вторая Отечественная война // СЕВ. – 1915. – № 32. – С. 1023-1030.
160. О дополнительном специально-педагогическом классе при Кавказском епархиальном женском училище // КЕВ. – 1880. – № 1. – С. 24-32.
161. О нужде учреждения церковно-приходских попечительств в Кавказской епархии и предметах их деятельности // КЕВ. – 1878. – № 9. – С. 319-327.
162. О службе сестер Черноморской Марие-Магдалиновской пустыни и иеромонахов Кизлярского монастыря по уходу за больными и ранеными воинами // КЕВ. – 1878. – № 21. – С. 780-782.
163. Об открытии при Пензенском Троицком женском монастыре училища для сирот девочек // Пензенские епархиальные ведомости. – 1872. – № 1. – С. 26-28.
164. Об учреждении Георгиевского женского монастыря в Терской области // КЕВ. – 1885. – № 8. – С. 347.
165. Обзорение Преосвященным Германом, Епископом Кавказским, церковью Терской области и частью Ставропольской губернии и Кубанской области, в апреле и мае 1884 г. // КЕВ. – 1884. – № 15. – С. 555-572.
166. Объявление. От совета Кавказского епархиального женского училища // КЕВ. – 1879. – № 11. – С. 406-407.
167. Объявления // КЕВ. – 1873. – № 21. – С. 703-704.

168. Определение Св. Синода от 29 ноября – 2 января 1878-1879 г. за № 2102 об отчетности женских училищ духовного ведомства // КЕВ. – 1879. – № 4. – С. 142-143.

169. Определение Святейшего Синода. Об обращении Владикавказской Покровской женской общины в женский того же наименования общежительный монастырь // СЕВ. – 1898. – № 5. – С. 218.

170. Определение Святейшего Синода. Об учреждении Спасо-Преображенского общежительного монастыря близ села Сенты, Ставропольской епархии // СЕВ. – 1897. – № 12. – С. 639.

171. Определения на должности, перемещения и увольнения // КЕВ. – 1885. – № 9. – С. 361-362.

172. Определения Св. Синода. О разрешении открыть седьмой дополнительный специальный класс при Кавказском епархиальном женском училище (Указ на имя Преосвященного Германа, Епископа Кавказского). // КЕВ. – 1879. – № 17. – С. 581-582.

173. Определения Св. Синода. Об учреждении стипендии при Кавказском епархиальном женском училище. // КЕВ. – 1880. – № 6. – С. 185-186.

174. Определения Святейшего Синода // СЕВ. – 1896. – № 13. – С. 741-744.

175. Освящение древнего храма при Спасо-Преображенской женской общины, что на р. Тиберде в Баталпаштинском отделе, Кубанской области // СЕВ. – 1896. – № 22. – С. 1329-1331.

176. От 7–23 марта 1885 года, за № 475, об учреждении в Терской области, Пятигорского округа, женского общежительного монастыря с наименованием оною Георгиевским // КЕВ. – 1885. – № 9. – С. 353-356.

177. От Епархиального училищного совета // ВЕВ. – 1909. – № 24. – С. 816.

178. От Совета Екатеринодарского епархиального женского училища // СЕВ. – 1897. – № 14. – С. 801-803.

179. От Ставропольского Епархиального склада вещей, жертвуемых в пользу воинов и беженцев // СЕВ. – 1916. – № 6. – С. 175-176.

180. Крыжановский П.Н. Открытие исправительных детских приютов при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Мариинской обителях в Кубанской области // СЕВ. – 1898. – № 24. – С. 1228-1245.

181. Открытие Покровской общины и освящение храма в селении Бородицком // СЕВ. – 1899. – № 20. – С. 1033-1046.

182. Отчет епархиального наблюдателя о состоянии в учебно-воспитательном отношении церковно-приходских школ Ставропольской епархии за 1910-1911 учебный год // Приложение к Ставропольским епархиальным ведомостям. – 1912. – № 39. – С. 1-96.

183. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского Братства за 1898 год // СЕВ. – 1900. – № 1. – С. 33-50.

184. Отчет о посещении Преосвященным Михаилом, епископом Александровским, 2м Викарием Ставропольской епархии, приходов и церквей 1-го, 9-го, 10-го и 11-го благочиннических округов Кубанской области в октябре 1915 года // СЕВ. – 1916. – № 38. – С. 1231-1240.

185. Отчет о состоянии и деятельности Андреевского Братства в г. Ставрополе на Кавказе за 1878 – 9 братский (шестой) год. // КЕВ. – 1880. – № 2. – С. 58-69.

186. Отчет о состоянии и деятельности Андреевского Братства в гор. Ставрополя на Кавказе за 1877-1878 братский (пятый) год (Окончание). // КЕВ. – 1879. – № 2. – С. 66-83.

187. Отчет о состоянии Кавказского епархиального женского училища по учебной и религиозно-нравственной частям за 1876-1877 учебный год // КЕВ. – 1878. – № 6. – С. 207-214.

188. Отчет о состоянии Кавказского епархиального женского училища по учебной и религиозно-нравственной частях за 1876/1877 учебный год. // КЕВ. – 1878. – № 5. – С. 162-174.

189. Отчет о состоянии находящегося под покровительством Ее императорского высочества, великой княгини Ольги Федоровны Кавказского епархиального женского училища за 1878-1879 учебный год. // КЕВ. – 1880. – № 2. – С. 42-51.

190. Отчет о состоянии, находящегося под Августейшем Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Федоровны покровительством, Кавказского епархиального женского училища за 1884-1885 учебный год // КЕВ. – 1886. – № 2. – С. 53-57.

191. Отчет о состоянии, находящегося под Августейшим Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны покровительством, Ставропольского епархиального женского училища за 1896-1897 учебный год (XXII со времени открытия) // СЕВ. – 1898. – № 1. – С.11-18.

192. Отчет о состоянии, находящегося под Августейшим Ее императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны покровительством, Ставропольского епархиального женского училища за 1895-1896 учебный год (XXI со времени открытия) // СЕВ. – 1897. – № 4. – С. 205-214.

193. Письмо из Хабаровска // ВЕВ. – 1904. – № 24. – С. 489.

194. Пожертвование в пользу иноческой обители // КЕВ. – 1881. – № 11. – С. 371.

195. Пожертвование в пользу новоучреждаемого Георгиевского монастыря // КЕВ. – 1880. – № 17. – С. 525.

196. Попов, И. Владикавказская епархия в 1903 г. (Краткий статистический обзор) // ВЕВ. – № 24. – 1906. – С. 25.

197. Попов, И. Памяти незабвенной матушки – первой настоятельницы Владикавказского Покровского женского монастыря, игумении Неонилы // ВЕВ. – 1903. – № 24. – С. 532.

198. Празднование в Ставрополе тысячелетия со дня блаженной кончины просветителя Славян Св. Мефодия // КЕВ. – 1885. – № 8. – С. 328-337.
199. Приглашение к пожертвованию на построение храма во вновь учреждаемой Георгиевской женской иноческой обители // КЕВ. – 1881. – № 17. – С. 618-622.
200. Путешествие Преосвященнейшего Агафодора для обозрения церквей епархии // СЕВ. – 1893. – № 24. – С. 786-800.
201. Пятидесятилетие иночества игумении Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря Серафимы // КЕВ. – 1883. – № 22. – С. 818-819.
202. Разные известия: общее собрание членов Свято-Владимирского братства // СЕВ. – 1888. – № 21. – С. 877-879.
203. Разъяснительные постановления Святейшего Синода // СЕВ. – 1899. – № 7. – С. 267-270.
204. Розалиев, В. Схимонахиня Платонида // СЕВ. – 1887. – № 7. – С. 237-253.
205. Розалиев, В. Схимонахиня Платонида// СЕВ. – 1887. – № 8. – С. 288-300.
206. Розалиев, В. Схимонахиня Платонида// СЕВ. – 1887. – № 9. – С.335-355.
207. Служба сестер Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря по уходу за больными и ранеными воинами Кавказской армии // КЕВ. – 1878. – № 15. – С. 532-533.
208. Список и адреса благочинных Ставропольской епархии. Настоятели и настоятельницы монастырей // СЕВ. – 1917. – № 33-34. – С. 1061-1063.
209. Торжество закладки здания для Екатеринодарского епархиального женского училища // СЕВ. – 1898. – № 9. – С. 461-466.
210. Церковно-школьный отдел // СЕВ. – 1899. – № 5. – С. 201-204.

211. Что сделано на общую пользу женским монастырем на р. Куре, за 25 лет существования // ВЕВ. – 1906. – № 9. – С. 317-318.

212. Ярославское женское училище духовного ведомства // Прибавления к Церковным ведомостям. – 1896. – № 22. – С. 763.

II. Литература

1. Монографии и статьи

213. Андреева, Е.А. Епархиальные женские училища в России / Е.А. Андреева // Педагогика. – 1999 – № 3. – С. 85-91.

214. Андрианов, А.Ю. Причины и обстоятельства ухода в мужские православные монастыри в России XIX – начала XXI веков / А.Ю. Андрианов. – Владимир: Транзит-Икс, 2011. – 173 с.

215. Белякова, Е.В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е.В. Белякова, Н.А. Белякова, Е.Б. Емченко. – Москва: Кучково поле, 2011. – 702 с.

216. Бернштам, Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии / Т.А. Бернштам. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, Петербургское востоковедение, 2007. – 413 с.

217. Васильева, А.В. Образ Западной Сибири в представлениях ее священнослужителей в конце XIX – начале XX века / А.В. Васильева // Преподавание истории в школе. – 2014. – № 3. – С. 69-72.

218. Вдовина, Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. / Л.Н. Вдовина. – Москва: Изд-во МГУ, 1988. – 210 с.

219. Венедиктов, Д.Г. Палачи в рясах (Прошлое русского духовенства) / Д.Г. Венедиктов. – Ленинград: Лениблиздат, 1933. – 175 с.

220. Верховский, П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении церкви и государства в России: исследование в области истории русского церковного права. Т. 2. /

П.В. Верховский. – Ростов-на-Дону: Скл. изд. у авт. и в кн. маг. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916. – 422 с.

221. Горчаков, М.И. Монастырский приказ. (1649-1725 г.): Опыт ист.-юрид. исслед. / М.И. Горчаков – Санкт-Петербург: тип. А. Траншеля, 1868. – 159 с.

222. Грекулов, Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ. (2-я половина XIX - начало XX в.) / Е.Ф. Грекулов – Москва: Наука, 1969. – 184 с.

223. Ершов, Б.А. Семейные основы жизни священнослужителей в России в XIX веке / Б.А. Ершов // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т. 5, № 10. – С. 211-214.

224. Завьялов, А.А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II / А.А. Завьялов. – Санкт-Петербург: Тип. А.П. Лопухина, 1900. – 400 с.

225. Зырянов, П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / П.Н. Зырянов. – Москва: Наука, 1984. – 224 с.

226. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П.Н. Зырянов. – Москва: Вербум-М, 2002. – 319 с.

227. Ивановский, В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (опыт историко-канонического исследования) / В. Ивановский. – Харьков: Тип. Губ. Правления, 1905. – 173 с.

228. Иконников, С.А. Учреждение эмеритальных касс в епархиях центрального Черноземья во второй половине XIX века: к истории вопроса / С.А. Иконников // Манускрипт. – Тамбов, 2018. – № 6(92). – С. 22-26.

229. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России / Геден (Докукин), митрополит Ставропольский и Бакинский; предисл. И. Соловьева. – Москва; Пятигорск: Шаб квартира Всецерков. православ. молодеж. Движения; Штаб-квартира регион. Отд-ния Всецерков. православ. молодеж. движения Ставроп.-Бакин. епархии, 1992. – 191 с.

230. Кандидов, Б.П. Участие церковников в гражданской войне и интервенции / Б.П. Кандидов // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. – Москва: ГАИЗ, 1932. – С. 101-122.
231. Кандидов, Б.П. Церковный фронт в годы мировой войны / Б.П. Кандидов. – Москва: Научн. общ-во Атеист, 1927. – 147 с.
232. Кандидов, Б.П. Церковь и гражданская война на юге (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны) / Б.П. Кандидов. – Москва: Безбожник, 1931. – 295 с.
233. Кандидов, Б.П. Церковь и Московское восстание 1905 г. / Б.П. Кандидов. – Москва: Атеист, 1930. – 71 с.
234. Кандидов, Б.П. Церковь и Октябрьская революция / Б.П. Кандидов. – Москва: Гаиз, тип. «Путь Октября», 1933. – 17 с.
235. Кедров, Н.И. «Духовный регламент» в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого / Н.И. Кедров. – Москва: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1886. – 244 с.
236. Кириллов, А.В. Архангельское епархиальное женское училище (1863-1893). – Архангельск: Архан. губ. тип., 1893. – 15 с.
237. Кириченко, О.В. Женское православное подвижничество в России (XIX - середина XX века) / О.В. Кириченко. – Москва: Изд. Свято-Алексиевской пустыни, 2010. – 637 с.
238. Климашкина, Е.Ю. Общественные организации и формирование научно-интеллектуальной среды Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. / Е.Ю. Климашкина // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 34-41.
239. Колесникова, В.Л. Влияние Великого поста на жизнь женщины духовного сословия второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Курской и Тамбовской губерний) / В.Л. Колесникова // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – № 2 (10). – С. 94-98.

240. Колесникова, В.Л. Экономическое состояние женских монастырей Курской и Тамбовской губерний во второй половине XIX – начале XX веков / В.Л. Колесникова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – № 15 (236). – С. 103-107.

241. Конюченко, А.И. Православное белое духовенство России в социально-демографических измерениях (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А.И. Конюченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2005. – № 7 (47). – С. 56-67.

242. Кошелева, А.И. Информационно-просветительская деятельность православных священнослужителей в Поволжье в 1880-90-е годы / А.И. Кошелева // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийского научно-методологического семинара, Самара, 26–27 октября 2015 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2015. – С. 64-74.

243. Кузнецов, В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века / В.А. Кузнецов. – Пятигорск: ООО Изд-во «СНЕГ», 2010. – 200 с.

244. Кукленко, О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) / О. М. Кукленко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 64-70.

245. Кукленко, О. М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй половине XIX века / О. М. Кукленко // Научный альманах стран Причерноморья. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 53-59.

246. Кукленко, О. М. Учреждение кассы взаимопомощи (эмеритуры) в Ставропольской (Кавказской) епархии во второй половине XIX века / О. М. Кукленко // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. – 2024. – № 2(22). – С. 9-18.

247. Лавицкая, М.И. Динамика численности и изменения в составе приходского духовенства во второй половине XIX – н. XX века / М.И. Лавицкая // Ученые записки Орловского государственного университета. – Орел, 2009. – № 3. – С. 39.

248. Леонтьева, Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. / Т.Г. Леонтьева – Москва: Новый хронограф, 2002. – 272 с.

249. Любушкина, Е.Ю. Общественные организации Северного Кавказа и формы их работы (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.Ю. Любушкина // Власть. – 2009. – № 8. – С. 60-63.

250. Людмилин, А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 г. в Казанской губернии / А.С. Людмилин; предисловие Н. Федорович. – Казань: Татиздат, 1931. – 47 с.

251. Мангилева, А.В. Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II / А.В. Мангилева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 9. – С. 65-71.

252. Маслов, И.С. Лекции по пастырскому богословию / И.С. Маслов (схиархимандрит Иоанн). – Москва: Самшит, 2001. – 406 с.

253. Матвеева, Е.С. Несовершеннолетние осужденные в России на рубеже XIX-XX вв.: проблемы установления ответственного присмотра / Е.С. Матвеева // Исторические науки и археология. – 2015. – № 9 (59). – С. 105-110.

254. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов / сост. и изд. В.В. Зверинский. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1892. – 462 с.

255. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Ч. 3: Монастыри закрытые до царствования императрицы

Екатерины II / сост. и изд. В.В. Зверинский. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1897. – 259 с.

256. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей с 1764-1795 по 1 июля 1890 год (594 монастыря) / сост. и изд. В.В. Зверинский. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. – 294 с.

257. Монашество и монастыри в России XI-XX века: Исторические очерки / Отв.ред. Н.В. Сеницына. Ин-т российской истории – Москва: Наука, 2002. – 346 с.

258. Надеждин, А.Н. Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве / А.Н. Надеждин. – Москва: Отчий дом, 2000. – 353 с.

259. Немашкалов, П.Г. Образование Кавказской епархии и её роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы: Посвящается 175-летию Кавказской епархии / П.Г. Немашкалов. – Ставрополь: Ставропольский государственный педагогический институт, 2017. – 186 с.

260. Немашкалов, П.Г. Проблемы организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетних преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX – начале XX вв. / П.Г. Немашкалов, Е.Н. Володькова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10 (3). – С. 431–439.

261. Никольский, Н.М. История Русской церкви / Н.М. Никольский. – Москва: Политиздат, 1988. – 448 с.

262. Орлова, В.Д. Семьи духовенства во второй половине XIX в. Распределение мужских и женских обязанностей в повседневной жизни / В.Д. Орлова // От мужских и женских к гендерным исследованиям: материалы междунар. конф. – Тамбов, 2001. – С. 100-110.

263. Орнатский, А.А. История российской иерархии / А.А. Орнатский. – Москва: Синодальная типография, 1807. – 658 с.

264. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 годы / сост. Ив. Преображенский. – Санкт-Петербург: Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России, 1901. – 236 с.

265. Очерки истории христианства на Северном Кавказе (с древнейших времен до начала XX века) / О.Н. Баранов, М.А. Волхонской, А.М. Мирзоева, В.М. Муханов. – Москва: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. – 350 с.

266. Польский, Л.Н. Очерки по истории Кавказской епархии (к 130-летию основания) / Л.Н. Польский. – Ставрополь: Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2018. – 142 с.

267. Попова, О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX веков. Социальный статус, стремления и возможности / О.Д. Попова. – Санкт-Петербург: Лань, 2021. – 431 с.

268. Поспеловский, Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР / Д.В. Поспеловский. – Москва: Библ.-богосл. ин-т. св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.

269. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин: с кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и 4 алфавитными указателями: с указанием ближайших к монастырям потовых и железно-дорожных станций / сост. Л.И. Денисов – Москва: издание А.Д. Ступина, 1908. – 984 с.

270. Преображенский, Г.Н. Исторический очерк Ярославского женского училища Духовного ведомства: Ко дню пятидесятилет. юбилея этого уч-ща. (1846-1896 г.) / Г.Н. Преображенский. – Ярославль, 1896. – 252 с.

271. Римский, С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов) / С.В. Римский. – Москва:

Критицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. – 567 с.

272. Розов, К. Исторический очерк Ставропольской (на Кавказе) Иоанно-Мариинской женской иноческой обители, составленный бывшим учителем Кавказской духовной семинарии Константином Розовым / К. Розов. – Санкт-Петербург: тип. духовного журнала «Странник», 1875. – 98 с.

273. Ропаква, Е.Н. Православный приход во второй половине XIX века. Российская империя, Санкт-Петербургская епархия / Е.Н. Ропаква. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбПДА, 2016. – 349 с.

274. Ростиславов, Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России: Т. 1. – Лейпциг: Франц Вагнер, 1866. – 602 с.

275. Ростиславов, Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России: Т. 2. – Лейпциг: Франц Вагнер, 1866. – 674 с.

276. Ростов, Н.М. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых / Н.М. Ростов. – Москва: Атеист, 1930. – 155 с.

277. Руководство по истории русской церкви / сост. А.П. Доброклонский. – Москва: Крутицкое патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 2001. – 936 с.

278. Русское монашество, 988-1917: 850-летию основания Москвы посвящается / И.К. Смолич. – Москва: Церков.-науч. центр «Православ. Энцикл.», 1997. – 606 с.

279. Русское православие: вехи истории / Я.Н. Щапов, А.М. Сахаров, А.А. Зимин и др.; глава авт. коллектива, авт. вступ. ст. и послесл. А.И. Клибанов. – Москва: Политиздат, 1987. – 719 с.

280. Серафим (Чичагов), архим. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Серафим (Чичагов). – Санкт-Петербург, 1903. – 720 с.

281. Скутнев, А.В. Женщина в духовном сословии в пореформенную эпоху / А.В. Скутнев // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. – Москва, 2010. – Т. 1. – С. 155-160.

282. Смолич, И.К. Жизнь и учение старцев / И.К. Смолич // Богословские труды. – 1992. – № 31. – С. 97-174.

283. Смолич, И.К. История русской церкви: 1700–1917 гг. / И.К. Смолич. – В 2 ч. – Ч. 1. – Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 798 с.

284. Сперанский, С.В. Московское Филаретовское епархиальное женское училище: Ист. излож. его судьбы в пятидесятилет. период 1832-1882 гг. / С.В. Сперанский. – Москва: тип. быв. А.В. Кудрявцевой, 1883. – 199 с.

285. Ставропольская епархия: 180 лет. – Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2023. – 200 с.

286. Строев, П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви / П.М. Строев. – Санкт-Петербург: Археограф. комис., 1877. – 1064 с.

287. Схимонахиня Платонида Иоанно-Мариинского, Ставропольского монастыря (в конце XIX века) / Сост. монахиня Таисия // Русское православное женское монашество XVIII–XX вв. – Сергиев Посад: Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 1992. – С. 51–55.

288. Титлинов, Б.В. Православие на службе самодержавия в русском государстве / Б.В. Титлинов – Ленинград: Государственное издательство, 1924. – 210 с.

289. Титлинов, Б.В. Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 / Б.В. Титлинов. – Ленинград: Государственное издательство, 1924. – 166 с.

290. Титлинов, Б.В. Новая церковь / Б.В. Титлинов. – Петроград; Москва: Тип. ар. Л.Я. Ганзбург, 1923. – 85 с.

291. Титлинов, Б.В. Правительство Императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам Православной церкви / Б.В. Титлинов. – Вильна: тип. «Русский почин», 1905. – 486 с.

292. Титлинов, Б.В. Церковь во время революции / Б.В. Титлинов. – Петроград: Былое, 1924. – 192 с.
293. Тихонова, Т.К. Сестра милосердия в русско-турецкой (1877-1878) войне. Баронесса Юлия Петровна Вревская / Т.К. Тихонова, В.Г. Абашин // Журнал акушерства и женских болезней. – 2010. – № 3. – С. 114–121.
294. Фирсов, С.Л. Русская церковь накануне перемен: (конец 1890-х-1918 гг.) / С.Л. Фирсов. – Москва: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. – 623 с.
295. Цыпин, В.А. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700-2005) / В.А. Цыпин. – Москва: Сретенский монастырь, 2007. – 815 с.
296. Цыпин, В.А. История Русской Церкви: (Синодальный период) / В.А. Цыпин. – Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2004. – 241 с.
297. Цыпин, В.А. Курс церковного права / В.А. Цыпин. – Клин: Христиан. жизнь, 2004. – 700 с.
298. Чеснокова, А.Н. Школа народного искусства императрицы Александры Федоровны. Исторический очерк / А.Н. Чеснокова. – Санкт-Петербург, 1998. – 56 с.
299. Чистович, И. Феофан Прокопович и его время / И. Чистович. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1868. – 752 с.
300. Шадрина, А.В. Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. – Ростов на Дону: Антей, 2014. – 361 с.
301. Шаликашвили, Е.Н. Влад настоятелей первых женских монастырей в развитии социокультурного пространства Северного Кавказа / Е.Н. Шаликашвили // Научный альманах стран Причерноморья. – 2024. – №10 (4). – С. 48-53.
302. Шафажинская, Н.Е. Русское женское монашество: история и традиции / Н.Е. Шафажинская. – Москва: Экон-Информ, 2009. – 263 с.

303. Шафранова, О.И. Женское среднее образование на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. / О.И. Шафранова // Наука. Инновации. Технологии. – 2013. – № 3. – С.130-143.

304. Шафранова, О.И. Роль женских монастырей в социокультурной жизни региона / О.И. Шафранова // Теодицея. – 2013. – № 4. – С. 138-140.

305. Шафранова, О.И. Ставропольское епархиальное женское училище (1875-1919) / О.И. Шафранова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 3 (42). – С. 203-207.

306. Яковлев, А.И. Лекции по истории Христианской Церкви. 3-е изд.: испр. и доп. / А.И. Яковлев. – Москва: Паломник, 2011. – 543 с.

2. Диссертации и авторефераты

307. Адлыкова, А.П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX - начале XX века: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Адлыкова Анастасия Павловна; Горно-Алтайский государственный университет. – Горно-Алтайск, 2003. – 214 с.

308. Балашова, Т.В. Московские монастыри в социо-культурной среде столичного города второй половины XIX-начала XX века: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Балашова Татьяна Витальевна; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2007. – 25 с.

309. Белова, Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII — начале XX в.: быт и нравы сословия (на материалах Ярославской епархии): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Белова Наталия Владимировна; Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2008. – 23 с.

310. Васильева, А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX - начале XX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Васильева Александра Вадимовна; Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2015. – 23 с.

311. Калашников, Д.Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX века (на материалах Курской епархии): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Калашников Дмитрий Николаевич; Юго-Западный государственный университет. – Курск, 2011. – 189 с.

312. Колесникова, В.Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере Курской и Тамбовской губернии): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Колесникова Валентина Лаврентьевна; Воронежский государственный педагогический университет. – Воронеж, 2007. – 189 с.

313. Конюченко, А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Конюченко Андрей Иванович; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2006. – 507 с.

314. Кошелева, А.И. Приходское духовенство Среднего Поволжья в 1880-е - 1890-е гг. (на примере Пензенской и Самарской епархий): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Кошелева Алла Игоревна; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2011. – 22 с.

315. Любушкина, Е.Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Любушкина Елена Юрьевна; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2012. – 566 с.

316. Мангилева, А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX - начале XX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Мангилева Анна Владимировна; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2015. – 36 с.

317. Немашкалов, П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Немашкалов Павел Григорьевич; Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь, 2020. – 555 с.

318. Попова, О.Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX — начало XX в.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Попова Ольга Дмитриевна; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 46 с.

319. Шафранова, О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шафранова Ольга Ивановна; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2004. – 323 с.

Словарь терминов

Архиерей – старший священник, общее название для высших чинов черного духовенства (епископ, архиепископ, митрополит, патриарх).

Белицы-вкладчицы – женщины, которые не принимали монашеский постриг, но вносили свой вклад в развитие монастыря.

Благочинный - в Русской православной церкви с XVIII в. – помощник епископа, в чьи обязанности входит наблюдать за духовенством благочинного округа.

Благочинный – священник, помощник епископа, выполняющий административные обязанности по отношению к нескольким церквам с их приходами.

Вериги – предмет религиозного культа в виде железных (или медных) оков на руки или на ноги, а также цепей, которые надевали на себя подвижники-аскеты, дабы через измождение тела («умерщвление плоти») укрепить дух.

Диакон / дьякон – православный служитель, до 1917 года третий чин в белом духовенстве. Стоит на низшей (I) ступени священства. При совершении церковных таинств прислуживает епископам, священникам. В церковных текстах традиционно используется более древнее написание: диакон, в светских – дьякон.

Духовник – священник, исповедующий в грехах верующего.

Дьяконица (разг.) – жена диакона.

Епархиальное женское училище (духовное училище) – специальные учебные заведения для дочерей духовенства.

Епархия – церковно-административная территориальная единица, которой управляет архиерей (епископ, архиепископ, митрополит) при содействии Епархиального собрания и Епархиального совета. Епархия

состоит из приходов (приходских общин). Епархия во главе с митрополитом получила название митрополии.

Епископ – «блюститель, начальник», православный священнослужитель высшей (III) (до 1917 г.) степени в черном духовенстве, глава епархии.

Игумен – изначально духовный чин настоятеля мужского монастыря в православии (после секуляризации 1874 г. в России – монастыря III класса).

Игуменья – настоятельница женского православного монастыря.

Иерей – в Российской империи до 1917 г. 2-й частный титул белого духовенства; священнослужитель средней (II) степени церковной иерархии; официальное название православного священника (также «пресвитер», «священник»).

Инок – монах малой схимы (для женщин – инокиня).

Исихазм – особая практика православных монахов с постоянным повторением безмолвной Иисусовой молитвы с целью «духовным зрением» созерцать «фаворский свет» (который видели апостолы на горе Фавор во время преображения Иисуса Христа).

Искус – испытание в монастыре с несением различных послушаний и посещением богослужений.

Келарь – хозяйственная должность при той или иной церковной организации (приходе, монастыре) (отвечал за заготовку и хранение продуктов).

Келья – комната монахов-келейников в монастыре. Внутри кельи – стол, стул, ложе для сна; но могут быть и кельи покомфортнее. По внутреннему уставу монастыря в келью очень редко заходят посторонние люди одного с проживающим в келье монахом пола и никогда – лица противоположного пола.

Киновия – общежительное монашество, когда монахи объединяются в общину во главе с духовным наставником (игуменом) и придерживаются определенного устава, регламентирующего распорядок дня, богослужение, питание, одежду и занятия братии.

Клир – духовенство, противопоставлявшееся мирянам – светским людям.

Клирик – церковнослужитель.

Мантыйный монах – монах второй степени, который произносил три обета: послушание, целомудрие и нестяжательности, их называли малосхимниками, так как облачались в «малую схиму».

Мантия – длинная одежда, надеваемая архиереем поверх рясы в знак его монашества.

Миссионерство – форма деятельности религиозных организаций и церквей с целью христианизации иноверцев и возвращения в лоно Церкви отпавших от нее. В России миссионерство под общим руководством Синода подразумевало насильственную христианизацию нерусских народностей, борьбу с расколом и сектантством.

Монастырь – религиозная община монахов (монахинь) с единым уставом, административно подчиняющаяся архиерею своей епархии или непосредственно патриарху (ставропигиальные). Управляет монастырем наместник (архимандрит или игумен). Крупные мужские монастыри называются лаврами.

Монах (монахиня) – человек, посвятивший себя служению Богу, приняв обеты и постриг. Перед постригом человек зовется послушником и проходит испытание в монастыре. Затем его постригают в рясофорное монашество. В знак полного «ухода из мира» постриженному даются новое имя и особое облачение. Монах-рясофор меняет имя и готовится к принятию малой схимы; облачение – ряса, клобук и четки. Монах малой схимы снова меняет имя и дает обеты целомудрия, нестяжательства и послушания; облачение – ряса, параман, клобук, монашеская мантия (паллий), четки, сандалии. Монах великой схимы, или ангельского образа (схимонах), отрекается от мира и всего мирского, ему снова дают новое имя; облачение – ряса, аналав (особый параман), куколь, мантия, четки, сандалии. Монахи в православии называются черным духовенством.

Монашество – организация религиозной жизни через осуществление аскетических идеалов, больше всего развитая в христианстве.

Обитель (иноск. церк.) – монастырь, община.

Отшельничество – анахоретство, отречение от мира по религиозным убеждениям, с максимальным ограничением внешних связей и удалением для аскетического жительства в пустынные места.

Паства – прихожане какой-либо церкви.

Пастырь – священнослужитель, наставник верующих (паствы).

Попадья – жена православного священника.

Послушник – в русских православных монастырях лицо, готовящееся к принятию пострига и исполняющее разные послушания (работы в храме, по монастырскому хозяйству). Как не принадлежащие еще к монашескому братству, послушники не называются монахами и носят обычную одежду.

Пресвитер – древнейшее каноническое название II степени христианского таинства священства («священник»).

Приход – церковно-административное подразделение, включает церковь с причтом и мирян (прихожан), объединенных при храме. Во главе прихода стоит настоятель храма, назначаемый епархиальным архиереем.

Прихожане – верующие, организованные в религиозную общину при находящейся вблизи их жилищ и периодически ими посещаемой христианской церкви.

Причт – духовенство какой-нибудь церкви, клир.

Просфора (*просвира*) – в православии литургический квасной (дрожжевой) хлебец, употребляемый для таинства евхаристии и поминания во время проскомидии живых и усопших.

Просфорница – занималась выпечкой просфор, которые использовались в литургии.

Протоиерей – старший священник в православной церкви. Обычно настоятель храма, с присвоенными званию обязанностями по управлению церковью и причтом.

Протопоица – жена протопопа, старшего священника, протоиерея.

Псаломщица – жена псаломщика, низшего служителя в православной церкви (дьячка, пономаря).

Ризничий – заведующий ризницей, помещением для хранения риз (облачения священника при богослужении) и церковной утвари.

Руга – денежная или хлебная выдача от прихожан и государства в пользу причта.

Ряса – верхнее не богослужебное одеяние лиц духовного звания всех степеней и монахов, длинная просторная одежда с широкими рукавами, темного цвета.

Рясофорный монах – монах, получивший черную монашескую рясу и клобук в залог будущих обетов без пострижения.

Своекоштные – не пользующийся казенным содержанием.

Священник – в православии служитель церковного культа (иерей, пресвитер), которому разрешено самостоятельное ведение богослужения.

Семинария – среднее учебное заведение для подготовки православного духовенства.

Скит – самостоятельное или входящее в состав монастыря уединенное жилище отшельника; небольшой монастырь.

Скуфья – остроконечная черная или фиолетовая бархатная шапка, повседневный головной убор православного священнослужителя, монаха. Складки надетой скуфьи образуют вокруг головы крестное знамение.

Ставропигиальный монастырь – монастырь, подчиняющийся непосредственно патриарху (в 1721-1917 гг. – Святейшему Синоду).

Схима – сначала схимой называли только монашеское облачение, затем – и обет православных монахов соблюдать особо строгие аскетические правила поведения.

Схимник, схимонах – монах, принявший схиму.

Схимонах/схимонахиня – монахи, связанные обетом совершенного отречения от мира и общества, которые облачались в «великую схиму», его еще называли «ангельским образом».

Таинство, также священнодействия – в разные исторические эпохи к таинствам относили разные христианские обряды, но уже в ранней Церкви обозначились 7 основных обрядов-таинств, а к священнодействиям относят постриг, отпевание, водоосвящение и т.д. Окончательно таинства были установлены к XIII в. в Западной церкви, позднее – и на Востоке: крещение, миропомазание, покаяние (исповедь), евхаристия (причащение), брак (венчание), елеосвящение (соборование), рукоположение (священство).

Треба – частное богослужение, совершаемое по нужде, требованию одного или нескольких лиц, – крещение, брак, погребение, освящение и т.д.

Хиротония – священство, рукоположение, посвящение в сан священника, одно из 7 таинств. В таинстве священства Святой Дух через молитвенное возложение рук епископа поставляет избранного совершать богослужение и наставлять людей в вере и добрых делах. И в православии, и в католицизме посвящают в 3 степени священства: дьякон, пресвитер (священник, иерей) и епископ (архиерей).

Церковнослужитель – в православной церкви низший служитель церкви, не имеющий духовного сана: псаломщик, пономарь, причетник, иподиакон, чтец, регент, певчий церковного хора. Функцией церковнослужителей является помощь священнослужителю при совершении церковных служб и обрядов.

Церковь – всемирное общество верующих христиан – Вселенская церковь. Христианский храм. Последователи того или иного вероучения.

Экзарх – глава экзархата.

Экзархат – церковный округ в православии, относительно самостоятельный. Иногда включает несколько епархий.

Эконом – заведующий монастырским хозяйством.